

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства * Создание внутренних источников экономического развития * Развитие российских методов стратегического анализа и целесообразность замены SWOT-модели * Инновационное состояние экономики региона как главное условие снижения межтерриториального неравенства * Сравнительная характеристика способов оценки экономической безопасности России * На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения * Концепция эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике *

№1 (75)

2023

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
№ 1 (75) 2023**

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты диссертаций на соиска-
ние учёных степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включён в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evr@iniir.ru

Подписано к печати 10.03.2023 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 10,94. Усл. печ. л. 18,38.
Тираж 1000 экз. Заказ 23191.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Типография «НП-Принт» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор, чл.-корр. РАН;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. В. Бузгалин, д-р экон. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
Г. А. Маслов, канд. экон. наук;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов

Полное или частичное воспроизведение материалов, содер-
жащихся в настоящем издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Официальный сайт журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Р. Бахтизин, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, иностранный член РАН,
профессор Техасского университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некителов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окрешилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Я. П. Силин, д-р экон. наук, профессор

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA
№ 1 (75) 2023

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – *S. D. Bodrunov*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(*Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012*).

**Published by S. Y. Witte Institute
for New Industrial Development (INID)**

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Official Journal website: e-v-r.ru
Copyeditor – *L. A. Mozgunova*

Editor's office and publisher address:
16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru
Signed to print on 10.03.2023.
Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.
Printer's sheets: 10,94. Conventional printer's sheets: 18,38.
Circulation: 1000 copies. Order No23191.

Free pricing

Limited Liability Company "NP-Print Press"
Chkalovsky Pr., d. 15, lit. A, korp. 7
197110 St. Petersburg, Russia

© S.Y. Witte INID:
compilation, editing, 2023

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;
A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;
S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;
A. V. Buzgalin, Doctor of Economics, Professor;
A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;
G. A. Maslov, Ph.D. in Economics;
V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor
S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.
INID Director – *S. D. Bodrunov*
Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

**MEMBERS OF
THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD**

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
A. R. Bakhtizin, Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfiriev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Y. P. Silin, Doctor of Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

<i>Хубиев К. А., Теняков И. М.</i> Создание внутренних источников экономического развития	5
<i>Маленков Ю. А.</i> Развитие российских методов стратегического анализа и целесообразность замены SWOT-модели	24
<i>Архипова В. В.</i> Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства	35
<i>Кочетков С. В., Кочеткова О. В.</i> Инновационное состояние экономики региона как главное условие снижения межтерриториального неравенства	50
<i>Манахова И. В., Хрупина К. С.</i> Сравнительная характеристика способов оценки экономической безопасности России	56
<i>Файков Д. Ю., Байдаров Д. Ю.</i> На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения	67

Проблемы развития экономики

<i>Сироткин В. Б.</i> Трансформация формы экономического господства: от буржуазно-промышленного к государственно-монополистическому финансовому капитализму	83
<i>Шамина Л. К., Петрова Е. А., Приматов Е. Л.</i> Развитие среднего профессионального образования как фактор инклюзивного экономического роста регионов	91
<i>Маслов Г. А.</i> Противоречия информационной экономики как новое пространство для развития человеческого потенциала России и Китая	98
<i>Стефанов Я. Н.</i> План и рынок в смешанной экономике. Обеспечение базового дохода и занятости	108

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Бабкин А. В., Шкарупета Е. В., Польщиков Т. И.</i> Концепция эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике	124
<i>Шевченко К. В.</i> Влияние реализации стратегического приоритета «качественное образование на протяжении всей жизни» на развитие занятости населения в регионе	140
<i>Хворостяная А. С.</i> Стратегирование суверенитета отечественных брендов лёгкой промышленности и индустрии моды	149
<i>Щёголева С. А., Белецкий А. А., Савранский С. Б.</i> WMS-система как стратегический инструмент инновационного развития складского хозяйства России	163

CONTENTS

Towards a Revival

<i>Khubiev K. A., Tenyakov I. M.</i> On the Creation of Internal Sources of Economic Development	5
<i>Malenkov Y. A.</i> Development of Russian Methods of Strategic Analysis and the Feasibility of Replacing the SWOT Model	24
<i>Arkhipova V. V.</i> Integration Processes in the World Economy: a Nooapproach and Development of Eurasian Space	35
<i>Kochetkov S. V., Kochetkova O. V.</i> Innovative State of the Region's Economy Is the Main Condition for Reducing Inter-Territorial Inequality	50
<i>Manakhova I. V., Khrupina K. S.</i> A Comparative Analysis of Russian Economic Security Assessment Methods	56
<i>Faikov D. Y., Baidarov D. Y.</i> Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions	67

Economy Development Challenges

<i>Sirotkin V. B.</i> Transformation of the Form of Economic Domination: From Bourgeois-Industrial to State-Monopolist Financial Capitalism	83
<i>Shamina L. K., Petrova E. A., Primatov E. L.</i> Development of Secondary Vocational Education as a Factor of Inclusive Economic Growth of Regions	91
<i>Maslov G. A.</i> Contradictions of the Information Economy as a New Space for the Development of the Human Potential of Russia and China	98
<i>Stefanov Y. N.</i> Planning and Market in a Mixed Economy. Ensuring Basic Income and Employment	108

Business Economics and Innovation

<i>Babkin A. V., Shkarupeta E. V., Polshchikov T. I.</i> The Concept of Effective Sustainable ESG-Development of Industrial Ecosystems in a Circular Economy	124
<i>Shevchenko K. V.</i> The Impact of the Implementation of the Strategic Priority "Quality Education Throughout Life" on the Development of Employment in the Region	140
<i>Khvorostyanaya A. S.</i> Strategizing the Sovereignty of Domestic Brands of Light Industry and the Fashion Industry	149
<i>Shchegoleva S. A., Beletsky A. A., Savransky S. B.</i> WMS as a Strategic Tool for Innovative Development of Storage Facilities in Russia	163

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-5-23

К. А. Хубиев¹, И. М. Теняков²

СОЗДАНИЕ ВНУТРЕННИХ ИСТОЧНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Раскрывается специфика экономической модели России, сформированной за три десятилетия после реформ 1990-х гг. Отмечена актуализация проблемы устойчивости и эффективности российской экономической модели под влиянием современных геополитических вызовов. Раскрываются два основных подхода к оценке состояния экономической системы. Согласно первому, в России за 30 лет создана нормальная рыночная экономика, которую надо развивать, следуя вектору, заложенному реформами 1990-х гг., включая «долиберализацию» рыночных институтов и «новую волну приватизации». По расчётам альтернативного подхода обоснован глубокий провал в экономическом развитии, возникший в результате радикальных реформ 1990-х гг. На примере российских реформ выдвинуто и доказано положение о «провале частной собственности». Реализуемый системный подход предполагает существенные изменения в основах российской экономической модели. На основе анализа стратегической цели технологического развития показано, что по масштабам и сложности поставленная задача сопоставима с индустриализацией 1930-х гг. Решение столь сложной задачи исторического масштаба включает комплекс мер, реализуемых в разные временные периоды. Основное внимание уделено созданию внутренних источников развития в режиме краткосрочного периода под давлением геополитических вызовов чрезвычайного значения.

Ключевые слова: экономическая модель, «провалы частной собственности», ресурсы развития, экономическая динамика, роль государства, планирование.

УДК 330.34, 330.35, 338.22

Вводная часть

Важнейшей особенностью экономической науки является тесная связь с жизнью государства и его граждан. Известна роль особого курса Рузвельта во время Великой

¹ *Кайсын Азретович Хубиев*, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46), д-р экон. наук, профессор, e-mail: khubiev48@mail.ru

² *Иван Михайлович Теняков*, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46), д-р экон. наук, доцент, e-mail: itenyakov@mail.ru

депрессии и приписываемое Д. М. Кейнсу её экономическое обоснование. Гораздо меньшую известность получили события, имевшие место в нашей стране в период угроз и испытаний, значительно больших по масштабу и глубине. Например, мы мало что знаем о том, что в тревожном ноябре 1941 г. высшее руководство страны вызывало министра финансов Зверева и слушало его рассказы (лекции) об устройстве финансов отечественной и мировой экономики. Ещё меньше информации об истинных причинах открытия экономического факультета МГУ именно в декабре 1941 г., когда судьбы страны и столицы висели на волоске и у руководства, казалось бы, были куда более срочные и важные заботы. Представляется, что эти и иные малоизвестные, но важные факты (перестройка работы Госплана и других учреждений, денежная и ценовая реформы сразу после Великой Отечественной войны и др.) объясняются ролью экономической науки в жизни общества, особенно в чрезвычайных ситуациях.

Этот исторический фон требует особого взгляда на состояние экономической науки и её роли в ситуации в России с конца февраля 2022 г., которую мы считаем чрезвычайной. Никакого существенного изменения в экономической науке и экономической политике не наблюдается, если не считать отдельных возгласов о переходе к мобилизационной экономике с надеждой на спасительную модель из великого прошлого иной социально-экономической системы. Напомним, что, во-первых: она была плановой, с соответствующим организационным ресурсом быстрой мобилизации; во-вторых, и это главное, мобилизовывалась бурно растущая в результате индустриализации экономика. Сегодня нет ни такого организационного ресурса, ни растущей экономики. Объектом мобилизации будет стагнирующая экономика, а сама мобилизация не прибавит эффективности. Нет надежды и на то, что недостатки экономики будут компенсированы массовым энтузиазмом граждан после трёх десятилетий внедрения западных ценностей, основанных на индивидуализме. Свои рекомендации экономическая наука должна искать в рамках сложившихся реалий. Мы призываем экономистов вспомнить о её важнейших функциях. Осознавая сложность стоящей перед нами задачи, считаем необходимым проведение теоретического анализа реальности, сложившейся за три десятилетия «новой» России, и на этой основе дадим рекомендации.

Россия столкнулась с экзистенциальными вызовами и угрозами. С началом специальной военной операции (СВО) перед экономистами встал вопрос о масштабах дополнительной нагрузки и способности экономики её выдержать. Экономика России длительное время находится в состоянии стагнации (застой начался ещё до событий 2014 г., т. е. до начала введения санкций). А тут прибавились затраты, связанные с СВО, социальным обеспечением граждан новых территорий; административные расходы и др.

Вспомним, что бюджет наполовину зависит от цен на сырьевые ресурсы. Это – экзогенный фактор, не контролируемый страной-производителем. Данный источник бюджетных доходов нестабилен и ненадёжен, особенно в долгосрочном периоде. Россия может его лишиться в непрогнозируемом периоде. Для осознания вероятности подобной перспективы достаточно беглого анализа динамики цен на экспортные товары, от которых зависит бюджетное благополучие России. А о возможных последствиях напомним недавняя история, когда падение цен на энергоносители (в основном нефть) во второй половине 1980-х гг. стало одной из причин развала СССР. Неизбежность такого сценария объясняется тем, что институты государственной власти и управления, вся социальная система финансируются за счёт государственного бюджета. Нет бюджета – нет социальных структур, поскольку между ними – причинно-следственная связь. Из волатильного характера рынка экспортных сырьевых товаров, включая цено-

образование, нетрудно спрогнозировать риски и угрозы для социальных систем, тем более что именно на это направлены усилия недружественных стран. В ещё более трудном положении была экономика СССР в тридцатые годы прошлого столетия – при внутренней технологической отсталости её окружали внешние угрозы. Ценой больших жертв тогда удалось победить силу, перед которой не устояла промышленно развитая Европа. Это стало возможным только на основе планомерно созданных внутренних **источников развития**. Их обеспечила индустриализация, т. е. фактически сформированная новая экономика, о реальности которой свидетельствует далеко неполный перечень созданного за короткий промежуток времени³.

А с каким багажом ресурсов (в том числе и технологических), **созданных** за тридцатилетний период, Россия встречает новые вызовы и угрозы геополитического масштаба? Уместен и более конкретный вопрос: какими могут оказаться последствия возможного обвала мировых цен на энергоносители при длительно стагнирующей экономике с дополнительными (чрезвычайными) нагрузками? Нетрудно спрогнозировать обрушение государственного бюджета с очевидными последствиями. В отмеченных жёстких рамках угроз и вызовов надо искать возможности решения экономических проблем, независимо от их происхождения. По нашему мнению, основная задача – создание внутренних **источников экономического развития** в условиях ограниченного временного периода. Как это сделать, какая экономическая политика для этого потребуется, имея в виду, что у нас нет времени даже на пятилетку? Историческое время растрчено на 30 лет бесполезных и разрушительных реформ. Время необратимо, тем не менее необходимо решать системную задачу запуска внутренних источников развития, задачу, сопоставимую по масштабу с индустриализацией 1930-х гг. Создание системы внутренних источников развития относится к чрезвычайной задаче краткосрочного пе-

³ **Металлургия.** Магнитогорский металлургический завод им. Сталина. Кузнецкий металлургический завод им. Сталина. Керченский металлургический завод им. Войкова. Домны № 4, № 5 и № 8 Макеевского завода им. Томского. Домна № 6 Сталинского металлургического завода. Домна № 7 Металлургического завода им. Дзержинского. Домны № 5 и 3 Металлургического завода им. Рыкова. Домна № 3 Косогорского завода им. Дзержинского. Мартеновский цех Таганрогского завода им. Андреева. Трубный завод (манесмановский) в Мариуполе. Салдинский мостовой завод. Челябинский завод ферросплавов. **Машиностроение.** Сталинградский тракторный завод им. Дзержинского. Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе. Челябинский тракторный завод (пуск в первой половине 1933 г.). Московский автозавод им. Сталина. Горьковский автозавод им. Молотова. Московский шарикоподшипниковый завод им. Кагановича. Московский станкостроительный завод. Московский завод «Фрезер». Московский завод «Калибр». Горьковский фрезерный завод. Уральский завод тяжёлого машиностроения. Краматорский завод тяжёлого машиностроения (пуск в первой половине 1933 г.). Ростовский сельмаш им. Сталина. Запорожский завод комбайнов. Саратовский завод комбайнов. Горловский завод врубовых машин. Харьковский турбинный завод. Луганский паровозостроительный завод. **Электростанции.** ДнепроГЭС. Каширская ГЭС. Ленинградская станция «Красный Октябрь». Горьковская ГРЭС. Зуевская ГРЭС. Штеровская ГРЭС. Харьковская ГРЭС. Ивановская ГРЭС. Челябинская ГРЭС. Магнитогорская ЦЭС. Кузнецкая ТЭЦ. Березниковская ТЭЦ. ДзороГЭС. Осиновская ГРЭС. Сталинградская ГРЭС. Саратовская ГРЭС. Самарская ГРЭС. Невдубстрой. АртёмГРЭС. И это лишь краткий перечень, без учёта достижений в нефтяной, химической, резинотехнической, легкой и пищевой промышленности, транспорта и некоторых других отраслей.

риода и решать её надо именно в таком режиме. Это не исключает целей долгосрочной модернизации на основе технологий нового уклада. Но для решения задач чрезвычайного характера обратимся к актуально доступным ресурсам, «разбазаренным» в период радикальных экономических реформ.

Методологический подход

Роль экономики особенно остро проявляется в периоды чрезвычайных ситуаций, когда от её состояния и функций зависят не только все сферы жизни общества и отдельных индивидов, но и судьба государства и нации.

В основе любой экономики действуют объективные экономические законы. К числу фундаментальных законов относится общественное разделение труда. Поскольку его суть в абсолютных и сравнительных преимуществах, оно обеспечивает благосостояние всех участников экономических отношений⁴. Именно объективные экономические законы являются незримыми регуляторами выгодного экономического сотрудничества во всех сферах и на всех уровнях: региональном, национальном и международном. Обладая большой экономической мощью, этот универсальный механизм роста благосостояния очень уязвим, что показали введённые санкции. Их главный результат – разрушение взаимовыгодных контрактов между прямыми и сопряжёнными участниками гармоничных экономических отношений.

Санкции, затрагивающие предпринимателей, – это границы и правила поведения участников международной экономики. За их несоблюдение предусматриваются наказания. По своей природе это неэкономическое вмешательство в естественно-экономический процесс. Их мотив и главная цель – нанесение вреда и обрушение экономики – прямо противоположны созидательному содержанию экономических законов. При их очевидно разрушительном характере это – «бумажные» правила, и они противостоят другим, нерукотворным правилам – экономическим законам. Экономические законы – это институты (правила) особого рода. Хотя и они содержат рамки и правила поведения, их никто не устанавливает, и они не имеют аппарата принуждения на случай несоблюдения. Они естественны и без насилия наказывают при их несоблюдении. В реальности происходит столкновение двух типов институтов: формальных (санкции) и неформальных (экономические законы). Первые, «бумажные», направлены в сторону противника, а вторые в силу объективного характера отвечают всем участникам. Разрушительные последствия оборачиваются бумерангом для самих санкционеров. Неожиданность обратного действия санкций для самих санкционеров – результат незнания или игнорирования объективных экономических законов. По пространству экономики, регулируемой законами, целенаправленно наносится ущерб субъективным вмешательством в объективный по своей природе процесс. Эффект бумеранга от применении санкций был отмечен Президентом РФ В. В. Путиным на ПМЭФ 17 июня 2022 г.⁵ Уместно добавить, что это – результат действия объективных экономических законов. Разница природы, содержания и механизма действия двух существенно разных институтов – «бумажных» и объективных – отражает не только частный случай предмета нашего рассмотрения, но носит универсально методологический характер.

⁴ Если А. Смит относил закон разделения труда к основам создания богатства, то Д. Рикардо, дополнив его принципом абсолютных и сравнительных преимуществ, считал его силой, увеличивающей богатство и даже повышающей уровень счастья.

⁵ Выступление В. В. Путина на ПМЭФ 17 июня 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27407.5/4603800/> (дата обращения: 25.06.2022).

Действие санкций не ограничивается уровнем персоналий любой величины. Их разрушительный потенциал, затрагивая «паутины» контрактных отношений, цепочек создания стоимости и ценообразования, формирует новый миропорядок. Силы и механизмы формирования новых тенденций и закономерностей пока скрыты от прямого наблюдения.

Для определения контуров нового мироустройства, места России в нём необходим тщательный анализ состояния российской экономики, эффективности её модели. На качественное состояние российской экономики, запас её приобретённой и унаследованной прочности, факторы развития и торможения накладываются новые жизненно важные проблемы. Образуется сложный комплекс проблем, для исследования которых необходим системный подход.

Нынешняя ситуация, как уже отмечалось, во многом похожа на ситуацию в 1930-е гг. в СССР. Тогда страна справилась с испытаниями цивилизационного масштаба с помощью мобилизации относительно ограниченных ресурсов и их эффективного использования. Чтобы сохранить страну и европейскую цивилизацию, пришлось многим жертвовать. Сегодня на фоне экономической стагнации и технологического отставания против России ведётся глобальная экономическая война. Остро стоят проблемы количества и качества ресурсов, их достаточности в краткосрочном и долгосрочном периодах. Речь идёт не столько о накопленных запасах, сколько об эффективности потоков. С учётом особенностей исторического положения необходимо исследовать саму модель экономической системы и потенциал её эффективного функционирования с выделением эндогенных факторов. Для системной оценки состояния и перспектив развития экономики России необходим анализ её динамики за весь период формирования «новой» модели (с самого начала радикальных реформ), что не исключает, а даже предполагает выделение её отдельных периодов. В принципиальном плане стоял вопрос: что дало стране и гражданам тридцатилетнее владение всем естественным и рукотворным богатством?

В январе 2022 г. исполнилось 30 лет с начала реформ. Этого срока достаточно для подведения итогов и обсуждения результатов. Официальных оценок не было, но прошли обсуждения в научно-экспертном сообществе. При этом чётко обозначились два подхода к системным оценкам, которые опираются на разные критерии и теоретическое обоснование. В выводах сторон отразились их отношение к реформам и причастность к ним. Конечно, в них имеется субъективный элемент, но достаточную объективность могут обеспечить экономические показатели, имеющие уровень консенсусного признания.

В рамках условно первого подхода преобладают положительные оценки, но приводимые показатели не очень соответствуют оценкам. Основные выводы представлены следующими позициями:

- благодаря реформам 1990-х гг. в России создана нормальная рыночная экономика;
- образовались сотни тысяч частных предприятий;
- ценообразование стало рыночным, преодолён дефицит товаров и услуг, национальная валюта стала конвертируемой.

Вокруг этих и подобных положительных оценок концентрируется мнение тех, кто прямо или косвенно был связан с реформами, сопровождал их научно и идеологически, причастен к перераспределённым благам. Эти оценки обобщил А. Кудрин: «...подобная быстрая трансформация является успехом для страны»⁶. Такая оценка преобладала на

⁶ Гайдаровский форум 2022. Сессия «30 лет российскому рынку» 13.01.2022. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2500/> (дата обращения: 27.03.2022).

сессии Гайдаровского форума 2022 г., где обсуждались результаты тридцатилетия реформ. Для характеристики экономической и социальной эффективности, технологического прогресса, структурных изменений показателей оказалось немного. Было названо повышение уровня жизни примерно на 20 % по сравнению с СССР, т. е. с уровнем 1990 г.

Содержание оценок реформ 1990-х гг. прямо влияет на видение развития российской экономики. Кратко его суть выражается в том, что в России сформировалась нормальная рыночная экономика, которую надо развивать в принятом направлении: продолжить приватизацию («новая волна приватизации»), либерализацию экономики, направленную на защиту частных собственников; развивать конкуренцию и т. п. Отметим, что сторонников данной позиции устраивает экономическая модель, они считают её успешной и гордятся своей сопричастностью к её формированию⁷. Критические замечания в рамках данного подхода относятся не к основам системы, а к экономической политике.

В оценках бросается в глаза очевидное: рыночная экономика – это средство для экономического развития и нельзя её выставлять в качестве достижения. Рыночная форма хозяйства обеспечивает связь производства и потребления товаров и услуг, проходящих через не связанных друг с другом частных собственников. Её можно сравнивать с другими формами хозяйства (натуральной, плановой, смешанной). А результаты надо оценивать по конкретным показателям: ВВП, уровень доходов, инвестиции, уровень технологий и т. д. По интересующему нас запасу прочности и эффективности экономической системы можно судить не по количеству созданных частных предприятий, а по названным выше и иным качественным и количественным показателям.

А пока на базе сравнительных оценок определим альтернативный объём развития экономической системы в сопоставимые периоды. Приведём некоторые общие статистические данные. Реформы, причём достаточно радикальные, проводились в России и после 1917 г. Если выделить за весь период существования СССР только первую пятилетку (1929–1934), то её результаты, особенно на фоне нынешних тридцатилетних, покажутся невероятными⁸.

Если сравнить экономические реформы после 1917 г. и 1990-х гг., то результаты первой были взрывным опережением исторического времени. Именно они явились фундаментом победы в Великой Отечественной войне, а также сбережения страны и народа. Вторая реформа обернулась потерей исторического времени и накопленным технологическим отставанием перед новыми угрозами. Такой результат нельзя оправдать созданием рыночной формы хозяйства, хотя она исторически сопровождала прогрессивное развитие по сравнению с натуральным хозяйством. Необходимо предъявить его модернизационные результаты и накопленный потенциал защиты перед новыми вызовами. Степень исторической состоятельности созданной модели покажет анализ динамики за период её существования.

Динамика российской экономической системы

1. *Количественные характеристики.* В постсоветской экономической динамике выделяются три периода (см. рисунок): трансформационный спад (1991–1998 гг.), восстановительный рост (1999 – 2008 гг.), «новая нормальность» (с 2009 г. по наст. время).

⁷ А. Кудрин сказал, что уровень жизни в России на 20 % выше, чем при СССР. URL: <https://news.mail.ru/economics/49583086/> (дата обращения: 14.01.2022).

⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 33.

За тридцатилетие постсоветских реформ ВВП России вырос всего на 20...25 % (по сравнению с базовым уровнем 1990 г.). За это же время рост мирового ВВП составил 280 %. На основе двух графиков (см. рисунок) можно оценить накопленные потери экономического роста в России за этот период. Они определяются как площадь пространства, сверху ограниченная линией изменения мировой экономики, а снизу – линией изменения российского ВВП. Методика расчёта потерь экономики России за период реформ представлена в работе [6]. Согласно расчётам, потери России за 1991–2020 гг. составили 25,4 единиц ВВП 1990 г. Такова цена рыночных реформ – упущенные возможности экономического роста и развития национальной экономики.

2. *Качественные и структурные характеристики.* Качественные особенности структурной трансформации отражены в особенностях динамики выпуска отдельных отраслей и видов экономической деятельности. Подробный анализ дан в работе [7, с. 40–58]. Отметим специфику структурных изменений в производстве отдельных видов промышленной продукции.

Расчёты по данным Росстата показывают, что в реальном выражении обрабатывающее производство только в 2016 г. превысило уровень 1992 г. Добыча полезных ископаемых выросла на 131 % к уровню 1992 г.; производство электроэнергии, газа и воды составило 91,7 % к уровню 1992 г. Лёгкая промышленность не восстановила докризисный уровень: в 2016 г. выпуск отрасли составил только 32 % от 1992 г.

В производстве продукции машиностроения (в натуральном выражении) по большинству позиций уровень советского периода не достигнут (табл. 1).

Таблица 1

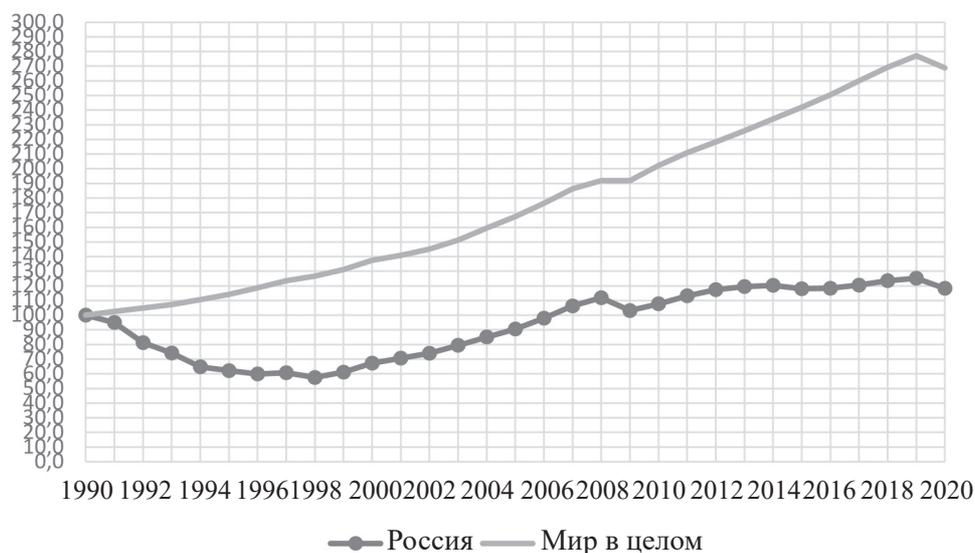
Производство отдельных видов продукции машиностроения

Продукция	1990	2000	2007	2016	2020
	штук	% к уровню 1990 г.			
Краны мостовые электрические	2943	21,7	31,8	58,5	55,0
Станки металлорежущие	74171	12,0	6,9	5,6	6,8
Станки деревообрабатывающие	25439	40,2	20,0	20,0	21,1
Кузнечно-прессовые машины	27302	4,6	9,9	10,3	13,1
Экскаваторы	23121	14,6	27,1	6,0	12,3
Станки ткацкие	18341	0,5	0,5	0,04	0,01
Холодильники и морозильники	3774000	35,2	93,8	87,3	94,3
Стиральные машины	5419000	17,6	50,1	74,6	97,1
Электропылесосы	4470000	16,7	14,5	0,3	н/д

Источник: рассчитано по данным Росстата: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/natura38g.htm (дата обращения: 25.06.2022), https://gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/god10.htm (дата обращения: 25.06.2022), <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/god17.htm> (дата обращения: 25.06.2022).

Самое большое сокращение продукции после реформ 1990-х гг. пришлось на технологически сложные производства, что свидетельствует о примитивизации структуры (см. табл. 1).

3. *Социальные характеристики.* Они выражаются прежде всего в уровнях доходов и их дифференциации по слоям населения. К положительным тенденциям в социальной сфере относится сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного

Сравнительная динамика российской и мировой экономики в 1990–2020 гг.
 Уровень 1990 г. = 100 % (рассчитано по данным МВФ: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weoselagr.aspx> (дата обращения: 27.03.2022)

минимума с 29 % в 2000 г. до 12,1 % в 2020 г.⁹ Вместе с тем за этот же период резко усилилось социальное неравенство: коэффициент Джини увеличивался, достигнув в 2021 г. отметки 0,409¹⁰ (табл. 2).

Таблица 2

Распределение общего объёма денежных доходов по 20%-ным группам населения России

Год	Первая группа (с наименьшими доходами)	Вторая группа	Третья группа	Четвёртая группа	Пятая группа (с наивысшими доходами)	Индекс Джини
1992	6,0	11,6	17,6	26,5	38,3	0,289
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	0,387
1998	6,0	10,6	15,0	21,5	46,9	0,394
1999	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6	0,400
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	0,395
2001	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	0,397
2008	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	0,421
2014	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	0,415
2019	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0	0,412
2020	5,4	10,2	15,2	22,7	46,5	0,406
2021	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	0,409

Источник: Росстат, официальный сайт: https://gks.ru/bgd/regl/B03_11/IssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-2-3.xlsx> (дата обращения: 03.01.2023)

⁹ URL:https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_51g.doc (дата обращения: 25.06.2022).

¹⁰ Там же

От общей характеристики технологического и экономического провала, социальной деформации на фоне развития мировой экономики перейдём к более детальному изучению этого процесса, поскольку нынешнее стагнационное состояние своими корнями уходит в исходные процессы формирования этой модели. По самым скромным оценкам, снижение ВВП на 42 % по сравнению с 1990 г. пришлось на 1998 г. Инвестиции за этот же период снизились на 80 %. Это беспрецедентные результаты, по достоинству историей не оценённые. Их разрушительная сила превышала аналогичные показатели в период Великой депрессии и ущерб, нанесённый экономике СССР в самый тяжёлый период Великой Отечественной – 1942 год. Обнищание большинства населения проявилось в «эффекте Гиффена». Демографические последствия выразились в сокращении населения более чем на 10 млн человек. Материальные потери оцениваются в 25 годовых ВВП 1990 г. Расчётные данные позволяют спрогнозировать возможность формирования альтернативной модели экономики России и её результаты в случае выбора пути реформ в 1990-х гг. по китайскому варианту, на чём настаивали оппоненты выбранного варианта.

Системная оценка экономической модели России и полученных результатов требует ответа на вопрос о причинах неудач. Необходимо определить источники и факторы высокой разрушительной силы, их судьбу. Их сохранение в нынешней модели – это продолжение их негативного воздействия. Это функциональная сторона проблемы. Системная методология требует исследования на уровне основ системы (исходного и основного отношения). Обратимся сначала к уровню основного отношения.

Одной из фундаментальных основ радикальных реформ стала передача национальных ресурсов в частную собственность на льготных условиях. Это означало не только ликвидацию государственной формы собственности, но и отчуждение работников как непосредственных производителей рукотворной части национального богатства. Произошёл тектонический сдвиг в рамках основного экономического отношения, что означало переход к другой социально-экономической системе – капитализму. Идеологическим мотивом и публичным доказательством столь радикального шага была ссылка на экономическую историю, согласно которой частная собственность везде доказала свою созидательность, в том числе и в России на рубеже XIX–XX вв. Этот факт послужил идеологическим основанием для коренных реформ без тщательного анализа конкретной исторической ситуации и перспектив в России. Значительная часть населения поверила, что с переходом к частной собственности заработают стимулы частного интереса, включится конкуренция, и эти силы выведут экономику из технологического отставания и поднимут к вершинам технологического прогресса. Эти обещания, сопровождаемые демонстрацией продуктового изобилия в зарубежных магазинах на фоне искусственно созданного дефицита бытовых товаров в России, убедили многих в правильности содержания и направления реформ. Мало кто понимал, что обещания, отвлекающие маневры и пропаганда прикрывали истинные цели реформ – создание класса частных собственников за государственный счёт, а страна при этом скатится в положение слаборазвитых стран.

Количеством частных собственников, а не технологическим прогрессом отчитались реформаторы через 30 лет. Правда, были и те, кто понимал суть затеваемых реформ. Но они были в меньшинстве, и их доступ к средствам массовой информации был ограничен. Большинство из них уже работали на реформаторов. Теперь, когда стали очевидными практические результаты реформ, возник теоретический вопрос фундаментального значения: почему в России не сработал универсальный исторический закон эффективной частной собственности? Научный ответ этот на вопрос еще не по-

лучен. Реформаторы воспользовались пробелами в экономической теории, на которую опирались идеологически. В ней есть раздел о провалах рынков, которые причинно-следственно связаны с провалами частной собственности. Если проваливается рынок, то же самое неизбежно происходит с частной собственностью. Но неоклассика удерживала себя от подобных выводов, поскольку для неё частная собственность «священна» и неприкосновенна даже теоретически¹¹. Между тем именно здесь кроются основы «великого провала», и вопрос заслуживает более подробного рассмотрения на примере российских реформ.

Основной формой передачи национальных ресурсов в частную собственность было преобразование государственных предприятий в АО. По форме – направление верное, поскольку была известна прогрессивная роль вновь созданных акционерных обществ как очагов экономического развития, о чём свидетельствует и опыт России на рубеже XIX–XX вв. Но почему этот положительный опыт не сработал в России повторно? Исторический опыт создания акционерных обществ свидетельствует об их вкладе в развитие базовых отраслей экономики. АО создавались мотивированными и инновационными экономическими субъектами, которые начинали с разработки нового проекта. Новыми были и источники его осуществления. В результате появлялись производственные объекты, новые рабочие места, развивалась инфраструктура. Создание АО было источником инновационного развития России на рубеже XIX–XX вв.

Повторный опыт создания АО в начале 1990-х гг. лишь формально отражал их название. Новые проекты под образуемые АО не разрабатывались, новые средства не инвестировались, новые рабочие места не создавались. Новые собственники (акционеры), ничем не рискуя, наделялись собственностью. Перспективы, точнее, бесперспективность эффективности возникновения такой собственности для некоторых экономистов была очевидна. События 1990-х гг. подтвердили их социально-экономические прогнозы [8, с. 55–61]. Несколько позже появился наш неожиданный союзник из неоклассического потока в лице лауреата Нобелевской премии 2017 г. Р. Талера [1]. Он обосновал неэффективность наделённой (незаработанной) собственности в отличие от приобретённой (заработанной) собственности. Формирование отношений собственности на ресурсы (включая отчуждение) означало основное отношение капитализма второго издания в России. Принцип наделённой собственности создал образ «неправильно застёгнутой первой пуговицы».

При очевидных результатах провала приватизации в России появляется идея «новой волны» приватизации. Наш вывод о провале частной собственности на примере российских реформ на обширном материале подтверждается исследованиями В. М. Полтеровичем [4, 5] нелинейного характера связи частной собственности и эффективности экономики.

От анализа результатов реформ 1990-х гг. и оценок сложившейся российской экономической модели перейдём к оценке потенциала развития и концептуальных направлений. В подходе к изменению модели и средств экономического развития мы продолжаем опираться на системный подход. Начав с ресурсной основы, главное внимание будем уделять изменению основ российской экономической модели.

Ресурсная база российской модели

В продолжение анализа формирования российской модели экономического развития выполним анализ оценки её функциональных особенностей, ресурсов и возмож-

¹¹ «В докторантурах, по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались «запретной зоной» в качестве темы докторской диссертации» [2, с. 19].

ностей развития. Для начала рассмотрим в укрупнённом формате ресурсный состав: естественные ресурсы, техническую базу, человеческий потенциал и институциональный ресурс. В рамках последнего обратим особое внимание на роль государства.

Естественные ресурсы. Этот вопрос достаточно широко освещён в литературе, поэтому остановимся на нём кратко. Ценность разведанных полезных ископаемых составляет 30 трлн долларов, это 130 годовых бюджетов России. К ресурсным преимуществам следует отнести и географическое положение страны. Такая необходимость диктуется глобальными изменениями климата, экологии и т. п. Большие пространства и разнообразие климатических зон расширяют простор для маневрирования средой обитания при климатических изменениях, влияющих на качество жизни. К ресурсам нужно отнести и запасы пресной воды, которые уменьшаются в результате техногенных процессов и урбанизации.

Завершая краткую оценку естественных ресурсов, подчеркнём необходимость разработки концепции и программы *превращения ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества*. Данный вывод является логическим продолжением и составной частью идеи создания внутренних источников развития.

Человеческий потенциал. Индекс человеческого развития для России в 2020 г. составил 0,824. Он считается довольно высоким. По нему Россия занимает 50 место среди 189 государств мира и входит в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития.

Капитальный ресурс. Произведённый капитал оценивается примерно в 3 млн рублей на душу населения. Из них здания и сооружения составляют около 80 %, около 12 % приходится на станки и оборудование, около 4 % – транспорт¹². Износ основных фондов – 37,8 %.

Исходя из краткого обзора ресурсной базы, наша страна конкурентоспособна по двум ресурсным позициям – сырьевому и человеческому; менее благополучна и менее конкурентоспособна по двум – капитальному и институциональному, который будет рассмотрен ниже. Следовательно, опираясь на преимущества, надо развивать другие составляющие ресурсной базы. Естественные ресурсы, соединённые с человеческим потенциалом, составляют основу для превращения ресурсных преимуществ в комплексные конкурентные преимущества. Реализацию подобной стратегии демонстрирует, например, Норвегия, где ресурсные преимущества стали основой для высокого уровня технологического развития и реализации широких программ социального развития.

Роль государства

К ресурсам следует отнести качество государства и его экономическую политику. Назовём это условно институциональным ресурсом и рассмотрим его на примере экономической политики России, особенно в технологическом развитии.

Модель технологического развития России, как и других направлений, в значительной мере оказалась обременённой разрушительным потенциалом реформ 1990-х гг. Либеральная стратегия развития через запуск конкурентных мотивов частной собственности провалилась. Либерализацией внешнеэкономических отношений воспользовалась финансово-экономическая элита в компрадорских целях

¹² URL:<https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (дата обращения: 25.06.2022).

Государство, ответственное перед народом, оказалось в нелёгком положении. Лимит ожидания «либерального технологического чуда» со временем был исчерпан. Безучастно наблюдать за ростом отставания от мировых тенденций было нельзя. Наблюдалась активность государства, которую нельзя назвать системной. Разрабатывался комплекс документов, ориентированных на технологическое развитие, в их числе – майские указы Президента РФ (2018), направленные на прорывное развитие, включая технологическое. Но накапливался опыт торможения их реализации. К примеру: в 2008 г., согласно Концепции развития Российской Федерации на период до 2020 г., доля предприятий с технологическими инновациями должна была вырасти с 13 % в 2007 г. до 40...50 % к 2020 г. Но эти планы не осуществились – инновационного развития не произошло. Такая же судьба постигла другие важные решения. Государство продолжает прилагать усилия для развития, накоплен некоторый опыт реализации проектов с разной степенью успешности. Рассмотрим основные из них:

1. Национальные проекты 2019–2024 гг. научно-технологического и социального развития России. Они были в Указе Президента РФ и развивали программы, начатые в 2014–2017 гг. На их реализацию запланировано более 25 трлн рублей. Но без анализа причин неуспешного осуществления предыдущих инициатив и проектов, изменения механизма реализации нет оснований надеяться на их успешность.

2. Приоритетные программы и проекты¹³, которые во многом дублируют нацпроекты, хотя имеются некоторые отличия. Здесь те же недостатки: отсутствие системности, анализа прежних неудач и изменения механизма реализации.

3. Федеральные институты развития¹⁴. Они призваны поддерживать бизнес-проекты путём оказания инфраструктурной поддержки и софинансирования НИОКР. К наиболее крупным институтам развития относятся «Российская венчурная компания», ОАО Внешэкономбанк, ГК «Роснано», ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ».

4. В субъектах РФ создано около 200 организаций региональных институтов развития. Направлениями их деятельности являются поддержка малого и среднего бизнеса, стимулирование инноваций.

5. Реализуются отдельные проекты, которые финансируются из бюджета целевым образом.

Даже беглый анализ показывает множественность институтов развития. Что касается качества реализации, тут успехи более чем скромные. Причин много: дублирование, отсутствие комплексной программы долгосрочного развития, неэффективность контроля и т. п. Главное – отсутствие механизма эффективной реализации. Частный

¹³ Здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, ЖКХ и городская среда, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, безопасные и качественные дороги, моногорода, экология, реформа контрольной и надзорной деятельности.

¹⁴ В настоящее время действует ряд институтов развития, к которым относятся: Инвестиционный фонд Российской Федерации; Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; ОАО «Российская венчурная компания»; АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования»; Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий»; Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ»; ОАО «Российский сельскохозяйственный банк»; ОАО «Росагролизинг»; ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий»; Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и др.

бизнес является основным владельцем национальных ресурсов, доставшихся ему в результате приватизации. В своей значительной части он занимает паразитически-компрадорскую позицию и не мотивирован на вложение доставшихся ему средств в технологическое развитие российской экономики. Государство хочет комплексного развития, но не имеет ресурсов и механизма эффективной реализации своих проектов. Это – существенное противоречие экономической системы, и перспективы его разрешения в рамках существующей системы не видны¹⁵.

Противоречия экономической системы на уровне экономической политики

Целостность экономической системы определяет её функциональное единство. Деформация в основании системы передаётся на все уровни. Но отдельные блоки и уровни системы могут иметь особенные противоречия, которые вносят свой вклад в стагнацию. В России они обнаруживаются на уровне экономической политики и проявляются в разнонаправленности и несогласованности структур, принимающих решения и влияющих на функционирование всей экономики.

Для образного описания рассогласованной экономической политики используем персонажей известной басни. Национальным проектам, институтам развития и иной деятельности исполнительной власти, направленной на развитие, соответствует образ *лебеда*. Её деятельность проходит в рамках *стимулирующей* политики и стремится к технологическому и социально-экономическому прогрессу. Но одновременно и параллельно с ней действует *сдерживающая* монетарная политика. До возникновения чрезвычайных обстоятельств Центробанк прямо проводил таргетирование инфляции, что относится к *сдерживающей* политике. В этом случае напрашивается образ *рака*. Поведению крупного национального бизнеса подойдет образ *щуки*. Он улавливает потоки доходов и выводит их за границу. Работает механизм «утечек», лишая экономику источника инвестиционных инъекций (прежде всего инновационных) в национальную промышленность. Подобная рассогласованность служит сильным фактором торможения.

Мы рассмотрели два уровня деформации экономической модели: фундаментальный, обозначенный образом «неправильно застёгнутой первой пуговицы», и уровень проявления в экономической политике, обозначенный образом «лебеда, рака и щуки». Если попытаться их объединить, то получится следующая общая картина. Экономическая система глубоко деформирована в основании на уровне отношений собственности на средства производства. Интересы наделённых собственников существенно отличаются от целей субъектов, ориентированных на развитие. При этом есть ещё интересы производителей материальных благ. Они отчуждены от собственности на капитальные и природные ресурсы. На эмпирическом уровне эти противоречия проявляются в разнонаправленной и рассогласованной экономической политике. Образуется системная деформация: от основания до уровня функционирования экономической системы. Поэтому она не имеет источников развития.

Отмеченные сложности ставят перед экономической наукой задачи разработки национальной экономической модели. В этом направлении проводятся исследования

¹⁵ Эти вводы не означают отсутствие точек развития. Они есть, но, как правило, либо на государственных предприятиях, либо в компаниях с госучастием. Есть и частные проекты, причём масштабные. Но общая экономическая динамика, опирающаяся на приведённые расчёты и графики, свидетельствует о стагнации, в том числе технологической, в связи с чем поставлена задача достижения технологического суверенитета в нынешних условиях, имеющих черты чрезвычайности.

[3, с. 165–169; 12, с. 23–30], но решение задач такого уровня требует усилий больших научных сообществ и их поддержки. Эффективное развитие требует гармонизации интересов основных «игроков». При этом не обойтись без перераспределения собственности на ресурсы, соответственно экономической власти и изменения социальной структуры общества. Новая система обретёт качественное единство, если будет построена гармонизированной экономической политикой. Завершая образный жанр, назовём его тремя «белыми конями», которые объединили силы в одном направлении. Они должны сменить разнонаправленность стимулирующей (лебедь) и сдерживающей (рак) политики и гармонизировать их. Для этого предлагается монетарную и фискальную политику дополнить *воспроизводственной экономической политикой*. Её основные функции должны включать: выработку стратегической цели развития, аналитическое сопровождение воспроизводственных и функциональных связей в экономике; стратегическое планирование, разработку планов структурных изменений; разработку схем формирования добавленной стоимости¹⁶. Для этого даже не надо создавать новые структуры исполнительной власти. С этими функциями справится реформированное Минэкономразвитие, которое надо избавить от дублирования аналитических функций Центробанка, Минфина, Госкомстата. Функция воспроизводственной экономической политики системного уровня будет состоять и в согласовании монетарной и фискальной политики в рамках единого целеполагания. К важным задачам можно отнести координацию промежуточных и конечных целей использования национальных ресурсов и бюджетных средств государства, направленных на реализацию нацпроектов, институтов развития и важнейших объектов целевого финансирования. По государственным проектам, проектам с госучастием должны составляться директивные планы с контрольными цифрами и сроками исполнения. Воспроизводственная политика должна быть поддержана стимулирующей монетарной политикой. Для этого требуется политическое решение для отмены пресловутой независимости Центробанка.

Эффективность экономики на конкретном уровне экономической политики опирается на отношения собственности на ресурсы и вещественный капитал (собственность на средства производства). Но на этом уровне систему преследует эффект «неправильно застёгнутой первой пуговицы». Отношения собственности (в широком смысле) были деформированы с самого начала в направлении наделённости. Для формирования новой модели роста и развития требуются существенные перемены в этой сфере. Государству как главному инициатору развития для поддержания своих проектов следует национализировать ресурсы и потоки доходов рентного и монопольного происхождения. Это конституционное право государства, поэтому специальных законодательных решений не требуется. Гораздо сложнее решить проблемы собственности на средства производства. Мы предлагаем передать государственные ресурсы во владение инновационно мотивированным экономическим субъектам, с доминированием планов развития отечественной экономики. Для этого следует объявить предприятия, приватизированные посредством залоговых аукционов, объектами открытых инвестиционных конкурсов с преобразованием их в акционерные общества. Участниками конкурсов могут быть государство, предприниматели, трудовые коллективы и даже иностранные инвесторы. Главным критерием отбора победителей должен стать инновационный проект с подтверждением ресурсного обеспечения. Определять победителей конкурсов будут специальные комиссии. Если по результатам конкурса необходи-

¹⁶ Это явится одним из направлений практической реализации Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633.

ма смена владельцев, то прежние собственники должны получить компенсацию затрат, понесённых при приватизации. Во избежание спекулятивной интерпретации изложенной позиции отметим, что это не национализация, не конфискация. Это конкуренция за эффективное использование национальных ресурсов с целью создания источников внутреннего роста, чрезвычайная необходимость которых обоснована выше. В России за три десятилетия появился слой предпринимателей, которые сумели выстроить успешный бизнес. Они не имели отношения к приватизации, но, развивая свое предпринимательство, сталкиваются с тем, что национальные ресурсы, образующие основу экономики (удобное расположение, природные ресурсы, инфраструктура, разрешения на пространства и частоты, квоты и т. д.), заняты.

Созидательная собственность должна прийти на смену паразитической; приобретённая, т. е. заработанная – вместо наделённой. Наши предложения затрагивают интересы нынешних владельцев, поэтому неизбежны спекуляции по поводу священности и неприкосновенности собственности и т. п. Но, во-первых, почему об этих высоких принципах не вспомнили в начале 1990-х, захватывая чужое; во-вторых, священна заработанная и эффективно используемая собственность. Победителями конкурсов могут быть те владельцы, которые технологическое развитие предпочли компрадорскому вывозу доходов от наделённой собственности. Начать реформу, очевидно, следует с системообразующих предприятий, прежде всего с объектов пресловутых залоговых аукционов. Реформа не распространяется на средние и малые предприятия, созданные на средства граждан. Завершая, отметим, что предложенная модель является альтернативой и мобилизационной экономике. В мобилизационном режиме нынешняя модель стагнирующей экономики не получит импульсов развития и еще больше «просядет». Поэтому важно создать систему внутренних источников роста.

Рассмотрим альтернативный подход к оценке состояния экономики России и её развитию. Согласно данной позиции, в России сложилась модель рыночной экономика с тысячами собственников. Она считается потенциально эффективной и её надо развивать на основе принципов, заложенных в начале 1990-х гг. Эти основы нами уже рассмотрены. Теперь обратим внимание на основной набор конкретных предложений на уровне функционального бытия системы.

Защита прав частной собственности. Подобное предложение выглядит странным на фоне того, что в частную собственность превращён объём имущества и ресурсов, не имевший исторического прецедента. Об этом свидетельствуют статистические и аналитические материалы¹⁷. «Разгул» частной собственности за годы реформ и её покровительство были такими, что в защите нуждалась государственная собственность, которая служила основой государственной безопасности и отражала социальные интересы большинства граждан.

Защита конкуренции. За конкуренцию ответственна частная собственность, поскольку конкуренция является функциональным состоянием и следствием частной собственности. Отсутствие конкуренции говорит о фундаментальных изъянах в самой частной собственности, здесь проявляется эффект «неправильно застёгнутой первой пуговицы». Для характеристики этого явления вы ввели понятие «провалы частной собственности» (оно аналогично «провалам рынка»).

Создание независимой судебной системы. Независимость судей определена и гарантирована на самом высоком нормативном уровне. Суды и судьи имеют беспреце-

¹⁷ Счётная палата Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. М.: Олита, 2004. 155 с.

дентный уровень свободы и независимости, что является главной причиной появления рынка судебных услуг, а судопроизводство превратилось в конкурентный рынок услуг. Основой и «простором» для этой ситуации является усложнённое, разновариантное и противоречивое законодательство. И, как полагается, на этом рынке выигрывают самые конкурентоспособные. К ним не относится основная масса населения со средним уровнем доходов. Нам представляется, что проблема перевернута с ног на голову, и попытка практического выполнения данного пункта только усугубит проблему. Да, контроль за деятельностью судов необходим, но не государственный, а общественный. Советская практика могла бы стать одним из источников реформы судебной системы, её общественной эффективности: выборность, общественная отчётность, институт народных заседателей. А предложение расширить независимость судов направлено на расширение конкурентных преимуществ в этой сфере для наиболее состоятельных в материальном отношении участников.

Второй из рассмотренных подходов не содержит предложений по системным изменениям. Наоборот, предложения по «долиберализации», «новой волне приватизации» свидетельствуют о незыблемости основ и указывают путь в направлении, доказавшем свою провальность. Все институты, предлагаемые в рамках данного направления, были созданы: частная собственность, рыночное ценообразование, конвертируемая валюта, независимый суд... Назрела необходимость исследовать причины неэффективности и искать пути выхода на более перспективные позиции для российской экономики. Однако, предлагается данную систему сохранять и развивать. В этом отражаются интересы тех, кому удалось получить во владение часть национальных ресурсов и исходящие потоки доходов. Они диверсифицированно капитализировали потоки доходов, для них Россия далеко не якорная страна. Сложившаяся модель их устраивает и в коротком, и в среднем периоде. На долгосрочный период они не планируют.

Каждое из рассмотренных направлений представлено своими группами интересов. Поэтому существенные изменения системы невозможны без затрагивания интересов отдельных социальных групп ради общего блага. Мнимая стабильность связана с тем, что даже при очевидной неэффективности системы отсутствует воля к изменениям на уровне интересов.

Наконец, рассмотрим основы формирования целей государства. Их озвучил Президент РФ В. В. Путин на ПМЭФ 17 июня 2022 г. с учётом конкретной исторической ситуации и возникших угроз. Были сформулированы шесть направлений. Особого внимания заслуживает шестое – создание «техноэкономики», новыми технологиями нужно охватить все секторы хозяйства. Выделена цель достижения «технологической самодостаточности и неуязвимости национальной экономики». Задача безусловно, актуальная, но по масштабу она сравнима с индустриализацией 1930-х гг.

Возникает главный вопрос: выполнима ли эта судьбоносная задача и что для этого требуется? Прошедшие 30 лет дали на эти вопросы вполне определённый ответ, а мы доказали аналитически, что в рамках нынешней экономической модели это едва ли возможно – необходимы системные изменения. Родовые пороки становления частного капитала в России не способствуют его развороту в сторону инвестиционной активности. Без активной роли государства решение задачи технологического развития навряд ли начнётся.

Подытоживая, сформулируем основные задачи. Во-первых: открыть на конкурентной основе доступ к национальным ресурсам инновационно мотивированным предпринимателям, ориентированным на развитие отечественной экономики. Это на уровне *основного отношения* экономической системы. Во-вторых: разработать комплек-

сную программу научно-технического развития и на её основе развернуть народнохозяйственное планирование с перечнем конкретных объектов, необходимых ресурсов, исполнителей и сроков. Иными словами, нужно воссоздать элементы планомерности в объёме, необходимом для создания внутренних источников роста. Это не означает ликвидации рыночных механизмов в тех пространствах и объёмах, где они доказывают свою эффективность. Речь идёт о сочетании двух форм хозяйства в рамках смешанной экономики. Следовательно, требуется существенное изменение экономической модели на уровне *исходного отношения*. Это два необходимых фундаментальных изменения в экономической системе.

В заключение ещё раз напомним о дефиците времени. Его нет совсем. Вот почему жизненно необходимо в короткие сроки создать внутренние источники роста, соединив для этого инновационно мотивированный, национально ориентированный человеческий потенциал с основными национальными ресурсами. В основе всего – необходимость существенного изменения экономической модели России.

Список литературы

1. *Белянин, А. В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) / А. В. Белянин // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 5–25.
2. *Бетелл, Т.* Собственность и процветание / Т. Бетелл. – М.: ИРИСЭН, 2008.
3. *Кульков, В. М.* Экономика России как система / В. М. Кульков // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 4. – С. 165–169.
4. *Полтерович, В. М.* Приватизация и рациональная структура собственности: Ч. 1 / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 4. – С. 7–23.
5. *Полтерович, В. М.* Приватизация и рациональная структура собственности: Ч. 2. Рационализация структуры собственности / В. М. Полтерович // Экономическая наука в современной России. – 2013. – № 1. – С. 7–24.
6. *Теняков, И. М.* Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку / И. М. Теняков // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 1. – С. 119–131.
7. *Теняков, И. М.* Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст / И. М. Теняков, К. А. Хубиев, Д. Б. Эпштейн, А. В. Заздравных // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 41–58.
8. *Хубиев, К. А.* Становление акционерной формы производства / К. А. Хубиев // Экономист. – 1998. – № 11. – С. 55.
9. *Хубиев, К. А.* Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики / К. А. Хубиев // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 1. – С. 23–30.

References

1. Belyanin A. V. (2018) Richard Thaler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2017 goda) [Richard Thaler and Behavioral Economics: From the Lab Experiments to the Practice of Nudging (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2017)]. Voprosy Ekonomiki, 1, pp. 5–25.
2. Bethell T. (2008) Noblest Triumph: Property and Prosperity Through the Ages. Moscow: IRISEN Publ.

3. Kulkov V. M. (2018) *Ekonomika Rossii kak sistema* [Russian Economy as a System]. *Economics of Contemporary Russia*, 4, pp. 165–169.
4. Polterovich V. M. (2012) *Privatizatsiya i ratsional'naya struktura sobstvennosti. Ch. 1* [Privatization and the Rational Ownership Structure. Part 1]. *Economics of Contemporary Russia*, 4, pp. 7–23.
5. Polterovich V. M. (2013) *Privatizatsiya i ratsional'naya struktura sobstvennosti. Ch. 2. Ratsionalizatsiya struktury sobstvennosti* [Privatization and the Rational Ownership Structure. Part 2. Rationalization of the Ownership Structure]. *Economics of Contemporary Russia*, 1, pp. 7–24.
6. Tenyakov I. M. (2017) *Otsenka poter' ekonomicheskogo rosta v stranakh, pereshedshikh k rynku* [Estimates of Losses for Economic Growth in the Former Transition Economies]. *Economic Revival of Russia*, 1, pp. 119–131.
7. Tenyakov I. M., Khubiev K. A., Epstein D. B., Zazdravnykh A. V. (2022) *Al'ternativy stagnatsii rossiyskoy ekonomiki: novyy geopolitekonomicheskiy kontekst* [Alternatives to the Stagnation of the Russian Economy: A New Geopolitical and Economic Context]. *Terra Economicus*, Vol. 20 (2), pp. 41–58.
8. Khubiev K. A. (1998) *Stanovleniye aktsionerney formy proizvodstva* [Formation of the Joint-Stock Form of Production]. *Economist*, 11, p. 55.
9. Khubiev K. A. (2015) *Sistemnyy podkhod k potentsialu razvitiya i faktoram tormozheniya rossiyskoy ekonomiki* [A Systematic Approach to the Potential for Development and Factors of Inhibition of the Russian Economy] *Economic Revival of Russia*, 1, pp. 23–30.

K. A. Khubiev¹⁸, I. M. Tenyakov¹⁹. On the Creation of Internal Sources of Economic Development.

The article reveals the specifics of the economic model of Russia, which has been formed over thirty years after the reforms of the 90s. The article addresses the new reality associated with challenges and threats to the national economy. Modern geopolitical events actualize the problem of stability and efficiency of the existing Russian economic model. The article reveals two main approaches to assessing the current model. According to the first approach, a normal market economy has been formed in Russia over thirty years, and further development consists in improving market institutions and following the vector laid down by the reforms of the 1990s: “doliberalization”, including the “second wave of privatization”. The second approach is the opposite of the first. On the basis of the author’s calculations, a deep failure in economic growth and development, which arose as a result of the radical reforms of the 1990s, is substantiated. The proposition about the “failure of private property” has been put forward and proved on the basis of the concrete material of Russian reforms. Implementing a systematic approach in their study, the authors propose significant changes in the foundations of the Russian economic model. Analyzing the strategic goal of technological development based on the principles of security and self-sufficiency, put forward at the SPIEF on June 17, 2022 by the President of the Russian Federation V.V. Putin, the authors come to the conclusion that without the active and purposeful participation of the state, this task cannot be solved, just as it has not been

¹⁸ *Kaisyn A. Khubiev*, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University M. V. Lomonosov (Leninskie gory, 1, b. 46, Moscow, 119991, Russia), e-mail: khubiev48@mail.ru.

¹⁹ *Ivan M. Tenyakov*, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University M. V. Lomonosov (Leninskie gory, 1, b. 46, Moscow, 119991, Russia), e-mail: itenyakov@mail.ru.

solved for thirty years. The authors believe that the task set is comparable in scale and complexity to the industrialization of the 1930s. Its solution requires: the development of a comprehensive and promising program of scientific and technological development of the country; strategic planning for the development of the national economy at the expense of the state budget and indicative planning for private investment using targeted incentives. It also proposes a redistribution of income streams with the transformation of foreign “leaks” into domestic “injections”.

Keywords: economic model, sanctions, “failures of private property”, development resources, economic dynamics, role of the state, planning.

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-24-34

Ю. А. Маленков¹

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ МЕТОДОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ЗАМЕНЫ SWOT-МОДЕЛИ

Очевидное редко бывает истинным.
Конфуций

Рассмотрены теоретические проблемы разработки методов и технологии стратегического анализа. Дана научная критика широко распространённого в практике управления и в образовании SWOT-подхода и показана нецелесообразность его использования. Предложена новая модель стратегического анализа, построенная на новых обобщённых переменных, создающая целевую ориентацию на решение комплекса проблем развития, полностью устраняющую дефекты и просчеты SWOT-подхода. Разработана новая технология стратегического анализа «Поиск резервов и ресурсов создания конкурентных преимуществ и устранения препятствующих факторов для решения проблем развития», которую целесообразно использовать в управлении развитием предприятий, отраслей регионов, экономики РФ в целом и других сложных систем; в перспективе её можно применять для включения в сферу стратегического анализа функций искусственного интеллекта.

Ключевые слова: стратегический анализ, SWOT, стратегическое планирование, технология, модель, эффективность, искусственный интеллект.

УДК 338.242+354

Стратегический анализ сложных социально-экономических и технических систем и процессов представляет собой важнейший этап разработки, формирования и реализации эффективных стратегий их успешного развития.

В некоторых законах в области стратегического планирования, принятых в последние годы, описан ряд понятий, перечень документов, требований к структуре документа. Но ситуация в этой области остаётся сложной. Методическое обеспечение стратегического планирования всё ещё отсутствует, ответов на вопросы, что нужно делать и как, чтобы эти документы были не бумажными откликами требования, а стали работающими инструментами. Так, специалисты, проводившие исследования состояния стратегического планирования в регионах, отметили: «П.8. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования на уровне субъекта Российской Федерации, централизованно разработанными на федеральном уровне

¹ Юрий Алексеевич Маленков, профессор кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9), д-р экон. наук, профессор, e-mail: y.malenkov@spbu.ru

методическими рекомендациями не обеспечиваются... П.10 Отсутствие единых подходов к методам прогнозирования и ясных положений по увязке прогнозных, целевых, программных и плановых показателей и индикаторов приводит к **неоправданным в масштабах государства затратам и не гарантированному качеству всей системы.** Стратегическое планирование на уровне муниципального образования централизованно разрабатываемыми (и принятыми на федеральном уровне) организационно-методическими документами не обеспечивается» [1].

Анализ содержания многих документов различных социально-экономических систем разных уровней управления показывает, что в них полностью отсутствуют такие важные понятия, как «Методы», «Методология», «Технологии» стратегического анализа и планирования. Нельзя ожидать роста качества стратегического планирования до тех пор, пока не появятся ясные и чёткие методы в этой важной сфере управления развитием.

Так, на конференции, посвящённой 100-летию создания Госплана, отмечено: «Формирование концепции развития, плюс формулирование стратегии развития страны на перспективу, плюс использование института планирования для достижения этих целей, на наш взгляд, – это та триада, реализация которой поможет вывести нашу страну на передние рубежи цивилизационного развития [2].

Важнейшее значение для эффективного планирования и достижения успеха в развитии имеет правильное и научно обоснованное проведение стратегического анализа. В этой, казалось бы, устоявшейся в течение многих лет области не осталось неисследованных разделов. Однако целый ряд положений, принимаемых сегодня как нечто незыблемое, вызывает серьёзное сомнение при проведении их научного системного анализа и анализе результатов применения их в практике управления.

Центральной составляющей стратегического анализа является SWOT-подход, часто называемый моделью, сущность которого заключается в анализе сильных и слабых сторон, возможностей и угроз предприятий, регионов, проектов.

Существует много определений SWOT-подхода, акцентирующих внимание на тех или иных его аспектах. Например: «SWOT-анализ – метод стратегического планирования, используемый для конкурентной оценки компании и разработки организационной стратегии. SWOT-анализ оценивает внутренние и внешние факторы среды, а также текущий и будущий потенциал организации»².

Эта модель пришла в Россию, как и многие другие положения и методы управления, из-за рубежа и была принята в российской экономике и образовании как апробированная в зарубежных университетах и компаниях методология. Она широко распространилась и сегодня стала де факто негласным «стандартом» проведения стратегического анализа разных по масштабу и назначению социально-экономических, технических, военных систем. Вот типичное мнение: «К наиболее распространённым методикам стратегического анализа можно отнести следующие: SWOT-анализ; PEST+M-анализ; анализ продуктового портфеля компании (матрица BCG или матрица McKinsey); анализ проблемного поля компании» [3]. Г. Минцберг (H. Mintzberg) о зарубежных изданиях отметил, что «...большинство стандартных учебников продолжают использовать SWOT-модель в качестве центрального элемента» [4].

² SWOT-анализ. Определение SWOT-анализа // Энциклопедия Альт-Инвест: <https://www.alt-invest.ru> https://www.alt-invest.ru/wp-content/uploads/swot_analysis.pdf (дата обращения: 10.01.23).

В SWOT-подходе всё кажется понятным, необходимым и обязательным для выработки стратегических планов и решений. Тысячи стратегических документов содержат его модель в качестве обязательной составляющей. Но за этой очевидностью скрываются её серьёзные дефекты и просчёты.

Установить конкретное авторство SWOT-подхода сегодня практически невозможно. Так, к числу его авторов разные специалисты относят различных учёных: Филиппа Селезника (Philip Selznick), Кеннета Эндрюса, Альфреда ДюПона Чендлера-младшего (Alfred DuPont Chandler J), Леранеда (Leraned E. P., Andrews K. R.), разработчиков компании McKinsey³, Кристенсена (Christensen C. R.), Гута (Guth W. Q.), Альберта Хамфри (Albert Humphrey), Урика (Urlick), Оппа (Opp) [5]. Видимо, этот подход в тех или иных разновидностях разрабатывался на основе обмена идеями между учёными и компаниями в 1950–1960-е гг. некоторые отмечают даже 1930-е гг. В целом, считается, что это было началом создания теории стратегического анализа.

Но в действительности идеи стратегического анализа были заложены в древности и имели более глубокий смысл. Так, советник и полководец Сунь-Цзы еще 2500 лет назад в фундаментальном труде «Искусство войны» указывал роль стратегического анализа: «Если знаешь его (противника) и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение» [6, с. 51].

В последние десятилетия практически все учебники по стратегическому менеджменту содержат описание или используют подход SWOT. В ряде учебников он основа и начало всего стратегического процесса (рис. 1).

Но сущность самих составляющих SWOT-подхода, его основные компоненты не определены. Вместо раскрытия их содержания указывается: «Сильные стороны компании (Strengths) – внутренние положительные качества, которые помогают компании конкурировать в своей стратегической группе или отрасли. Слабые стороны компании (Weaknesses) – отрицательные характеристики компании в своей стратегической группе или отрасли» [7]. При таком упрощении возникает полная неопределённость, что же под этим нужно понимать? Менеджеры, описывая эти составляющие, дают противоречивые, неясные термины, не могут сформировать общую концепцию.

«Простая» модель SWOT становится противоречивой, когда начинается её формирование. Например, даются рекомендации по заполнению таблицы SWOT: «Основные вопросы для создания SWOT-таблицы: Сильные стороны 1. В чем конкурентное преимущество? 2. Какие ресурсы имеются? Слабые стороны 1. Что и где можно улучшить? 2. Где не хватает ресурсов? Возможности 1. Можно ли расширить основной вид деятельности? 2. Какие новые технологии можно использовать для улучшения деятельности компании? 3. Какие новые сегменты рынка можно исследовать? Угрозы: 1. Какие изменения в законодательстве угрожают работе компании? 2. Что делают конкуренты хорошо или лучше, чем делает сейчас компания? 3. Какие потребительские тенденции угрожают бизнесу?» [3]. При ответе на эти вопросы начинается смешение характеристик, утрачиваются связи между ними, например, к слабым сторонам относят: «Конкуренты имеют более разнообразный ассортимент продукции» [3]. Но отсутствие диверсификации и фокусирование на ключевых продуктах на ряде рынков и в ряде сегментов может быть сильной стороной или возможностью развития, а тогда нужно

³ SWOT-анализ https://www.alt-invest.ru/lib/swot_analysis/ 2004–2023 © «Альт-Инвест» Энциклопедия Альт-Инвест, <https://www.alt-invest.ru> (дата обращения: 10.01.23).

Рис. 1. Линейно-рациональный стратегический процесс [7, с. 112, 219]

повторять один и тот же параметр в разных блоках. При сложном анализе возникает хаос понятий, неоднозначных характеристик, их дублирование.

Ряд авторов критиковали SWOT-подход. Например, А. Репьев: «В лучшем случае, правильно проведенный **SWOT** – это **поверхностная инвентаризация** тем, которые следовало бы рассмотреть, или вопросов, на которые нужно дать ответ. Это определенный чеклист. Не более. Слов нет, хорошая инвентаризация иногда полезна. Однако, при всей важности грамотно поставленных вопросов в тысячу раз важнее продуктивные ответы на эти вопросы. А вот ответов-то вы от SWOT никаких не получите!» [8].

«В двух исследованиях рассматривался SWOT. Менон и др. (1999) опросили 212 менеджеров из «Компании из списка Fortune 1000» о последних маркетинговых стратегиях, внедренных в их фирмах. Результаты показали, что SWOT-анализ вредил производительности. Когда Хилл и Уэстбрук (1997) изучали использование SWOT 20 компаниями в Великобритании в 1993–94 годах, они пришли к выводу, что процесс был настолько несовершенным, что пришло время для «отзыва продукта... Учитывая имеющиеся доказательства, SWOT не оправдан ни при каких обстоятельствах. Вместо этого используйте комплексную процедуру планирования, состоящую из 5 этапов» [9].

В результате анализа часто приводят общие ни о чем не говорящие характеристики. Например, при SWOT-анализе корпорации Airbus в качестве возможностей отмечается «Прогресс в отрасли», а сильные стороны – «развитие инноваций и новых технологий», именно в таком виде, бессодержательном и бесполезном [10].

Хилл и Р. Вестбрук провели статистическое исследование применения в компаниях SWOT-подхода и выявили его недостатки: «SWOT, применяемый в этих компаниях, **был неэффективен как средство анализа** или как часть обзора корпоративной стратегии. Действительно, можно утверждать, что эта SWOT-активность и ее результаты вообще не представляют собой анализ, поскольку **они не выходят за рамки описания, и описание только в самых общих чертах**» [11].

Выделим принципиальные недостатки SWOT-модели, выявленные в практике применения «Деловых учений по стратегическому менеджменту» в Санкт-Петербургском государственном университете, основанных на реальных данных компаний и разработке моделей развития бизнеса в новых условиях, а также на основе изучения SWOT-анализа многих компаний, регионов и отраслей (2015–2023 гг.). Общие выводы таковы:

1. SWOT часто называют моделью, но это не модель, а всего лишь подход, который построен на дезориентирующих разработчиков неопределённых и неконкретных, субъективных и в основной массе (80...100 %) нецифровых характеристиках, значительная часть которых, как показывает анализ документов стратегирования, вообще не имеет никакого отношения к решаемым проблемам.

2. Подход SWOT-анализа должен содержать описание процесса этого анализа, т. е. быть технологичным. Однако SWOT-анализ чрезвычайно упрощен, максимум, что смогли выжать из него – это попарные сравнения СиСл (сильные и слабые стороны), СиУг (сильные стороны и угрозы) и другие пары. Но при этом процесс становится громоздким, главные факторы теряются среди второстепенных, возникает хаос в стратегическом процессе. Чаще всего из этих попарных сравнений искусственно вырывают какие-то рекомендации, в основном второстепенные, теряя в их нагромождениях и противоречиях главные факторы, при этом искажается стратегический процесс и разрывается системное единство процессов и результатов.

3. SWOT-подход **абсолютно нетехнологичен**, его применение приводит к ошибочным выводам и предложениям, создаёт ложную иллюзию «научного процесса» стратегического анализа с «удобными» и понятными характеристиками, не отражающими реальность. Отсутствие технологичности и возможности алгоритмизации SWOT-подхода делает невозможным его использование в сфере развития функций искусственного интеллекта.

4. SWOT-подход **нарушает системное единство** анализируемых составляющих стратегического анализа. Отсутствуют целевая направленность и фокусирование разработчиков на главном – решении проблем развития и устранении препятствий на этом пути. Создаются наборы не связанных между собой описаний факторов, смешиваются причинно-следственные связи, следствие считается причиной, и наоборот. И это происходит массово и повсеместно. В целом, SWOT порождает хаос в управлении и даёт возможность трактовать объективные процессы как угодно, а не так, как они развиваются.

5. SWOT-подход не содержит объективных инструментов стратегического анализа, чаще всего он создаёт лишь **видимость научного подхода**, приводит к расфокусированию внимания и усилий управленческого персонала, требует больших затрат времени на разработку и не решает проблем развития компаний.

Как проводить стратегический анализ в условиях, когда SWOT-подход не даёт нужных результатов, а лишь создаёт их видимость и дезориентирует менеджеров?

И. Ансофф предложил свой вариант стратегического анализа, включая анализ многочисленных составляющих: профиля способностей, конкурентного портфеля компании, конкурентоспособности, матрицы позиционирования фирмы, последова-

тельности принятия решений и др. Проблема заключается в том, что большинство предложенных схем слишком трудоёмки, не связаны в единое целое, трудны для понимания и применения специалистами-практиками, отражают его индивидуальное внутреннее видение этого процесса, в них, к сожалению, отсутствует описание целостного процесса стратегического анализа. Так, анализ конкурентной позиции включает 27 факторов в составе сложной для анализа многоуровневой схемы [12, с. 205, 244, 262]. Поэтому данный подход не нашёл широкого применения в практике управления.

Что следует сделать, чтобы устранить принципиальные слабые звенья и ошибки SWOT-модели, которая на самом деле моделью не является?

Исходя из множества примеров SWOT-анализа, можно сделать вывод, что он лишь создаёт видимость расширения поля стратегического анализа, но одновременно дезориентирует разработчиков стратегий, часто становится простым и ненужным приложением к стратегическим документам.

Проблема в том, что в основу SWOT-подхода заложены ошибочные, хотя легко воспринимаемые и удобные для быстрого и нетрудоёмкого составления стратегических документов нечёткие переменные: Сильные – Слабые – Угрозы – Возможности, которые могут означать что угодно и не образуют единого целого, не содержат методологии проведения стратегического анализа.

Поэтому необходимо изменить прежде всего саму основу этого подхода и в качестве основы новой модели выбрать другие, конкретные по содержанию и в то же время обобщённые, интегрированные характеристики, которые устраняют приведённые выше недочёты.

В основу новой модели стратегического анализа предлагается принять следующие компоненты:

- вместо Сильные стороны – **Конкурентные преимущества по отношению к наиболее сильным лидерам.** В результате вместо наборов общих положений (доля рынка, рост прибыли и др.), которые не приближают к решению проблем, появляется конкретное видение реальных преимуществ организации, а одновременно и её слабых мест, так как всё познаётся в сравнении. При этом важно, что они рассматриваются в диалектическом единстве, а не рассекаются искусственно, как в подходе SWOT;

- вместо Слабые стороны – **Проблемы развития и препятствующие факторы.** Понятие Слабые стороны не говорит ни о чем, не ясно по отношению к чему, так как даётся безотносительно и уводит внимание в сторону от главной составляющей анализа, которой вообще нет в SWOT, – Проблемы развития, которые и содержат наиболее важную составляющую слабостей организаций, препятствующих их решению;

- вместо Возможности – **Резервы и ресурсы развития.** Понятие Возможности бессодержательно, возможности чего – персонала, технологий, ресурсной базы? Понятие Резервы и ресурсы развития, наоборот, конкретизировано и показывает, что менеджмент организаций может использовать для решения проблем развития;

- вместо Угрозы – **Прогнозные изменения ключевых факторов и стратегических рисков развития.** Формулировка Угрозы – малосодержательное понятие, угрозы кому – организации, экономике, руководству, персоналу? Прогнозные изменения ключевых факторов развития, внешней и внутренней сред систем – вот главные реальные угрозы. Например, когда цены на ресурсы резко растут, возникает острый дефицит персонала или появляется продукт-субститут.

Вместо структуры SWOT предлагается структура обобщённых переменных. Количество их остаётся прежним, но содержание и взаимосвязи полностью изменяются (рис. 2).

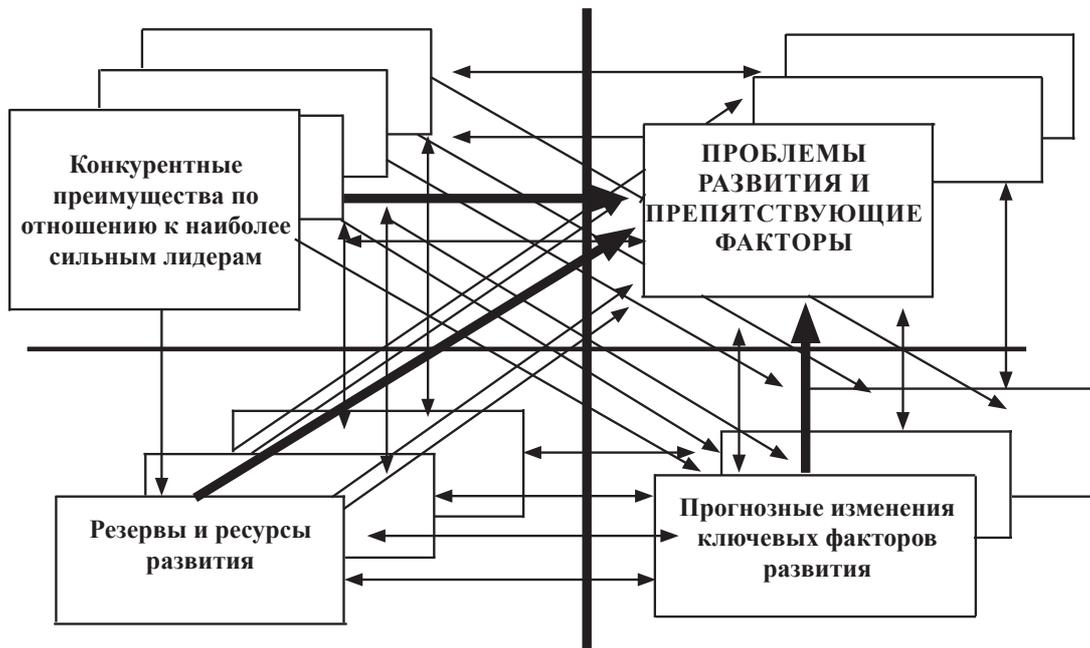

Рис. 2. Стратегический анализ в новых обобщённых переменных (КРПП)

Принципиально выделение главного звена – Проблемы развития и препятствующие факторы, без преодоления которых развитие становится невозможным или малоэффективным, что типично для практики управления. Остальные составляющие (компоненты) стратегического анализа образуют основу для решения этих проблем, при этом они сфокусированы на главном: стратегическое управление конкурентоспособностью, резервами и ресурсами развития с учётом ключевых факторов изменения внешней и внутренней сред организаций. Стрелки отражают взаимосвязи между этими переменными. Жирные стрелки показывают, что все три основных компонента анализа имеют главной целью решение проблем развития. Для этого и проводится стратегический анализ, а не для перечисления наборов противоречивых характеристик. Анализ ради анализа практически бесполезен, стратегический анализ должен предлагать пути решения на основе ресурсов, резервов и прогнозов изменений.

Проблемы целесообразно разделить на ближайшие, среднесрочные и перспективные с учётом их взаимосвязей. Конкурентные преимущества рекомендуется оценить по трём видам: сравнение с лидерами местных рынков, с региональными лидерами и с лучшими мировыми. В SWOT-анализе нет таких разграничений, поэтому часто для оценки конкурентоспособности менеджеры выбирают только местных конкурентов, лидеры которых являются аутсайдерами на мировых рынках, а это занижает планки уровней конкуренции и искажает реальную картину. В результате часто создаётся видимость конкурентоспособности там, где её практически нет.

Ресурсы и резервы следует разделить по видам, включая компетенции менеджмента, а прогнозы изменений проводить обязательно по факторам, существенно влияющим на компанию, её продукты, регионы, которые существенно индивидуальны. В практике применения SWOT часто используют наборы характеристик, механически переписываемых из других SWOT-анализов, что искажает всю модель стратегического анализа.

Вместо упрощённых и абстрактных понятий разработчики стратегий должны быть сфокусированы на стратегическом анализе конкретных проблем развития. Переход к новым конкретным и в то же время обобщённым переменным пространства развития кардинально изменяет и улучшает весь стратегический процесс, который приобретает конкретные формы и содержание, обладает интегративной целостностью и, что очень важно, исключает появление в результатах стратегического анализа SWOT-пустышек, в которых даются малосодержательные и совершенно ненужные описания.

Переход к новым обобщённым переменным стратегического анализа полностью изменяет его концепцию, создаёт возможности для формирования новой технологии стратегического анализа, включающей конкретные, в основной части цифровые, параметры, образующие единый, связный и понятный стратегический процесс.

Предлагается технология стратегического анализа (рис. 3), которую можно назвать «Поиск резервов и ресурсов создания конкурентных преимуществ для решения проблем развития» – это именно то, для чего и должен проводиться стратегический анализа.

Рис. 3. Принципиальная технология стратегического анализа

В названии технологии вместо аббревиатуры SWOT, которая ничего не отражает, содержится описание главного назначения стратегического анализа «Комплекс проблем развития и препятствующие факторы», что фокусирует внимание всех разработчиков на решении конкретных проблем развития организаций на основе понятных терминов и целей. Технология стратегического анализа построена на ясных, обязательных и лишённых всего лишнего составляющих.

На начальном этапе определяют ключевые факторы развития сложной системы (предприятие, регион, муниципальное образование и другие) и стратегические риски. На следующем этапе формируют комплекс проблем развития и препятствующие факторы. Проблемы определяют и структуру целей, которые нужно достичь. Отметим, что проблемы и цели должны строиться в виде комплексов. С учётом структуры ключевых факторов и комплекса проблем и рисков следует оценить конкурентные преимущества по трём уровням: резервы и ресурсы развития, основные пути ликвидации критических отставаний от лидеров и устранения препятствующих развитию факторов.

На основе включения в процесс стратегического анализа механизмов стратегического планирования и прогнозирования (моделирование, построение системы критериев и описание взаимодействия объекта управления с окружающей средой) определяют пути достижения конкурентных преимуществ, ликвидации критических отставаний от лидеров и устранения препятствующих факторов.

Далее оценивают результаты и синергетические следствия решения проблем развития и устранения препятствующих факторов. Учёт синергии необходим в связи с тем, что решение одних проблем часто существенно облегчает и повышает эффективность решения других. В SWOT-анализе это полностью игнорируется. Пунктирными линиями на рис. 3 показаны обратные связи между проблемами и резервами и ресурсами, между результатами и прогнозными изменениями, так как изменения могут существенно повлиять на результаты.

Предложенные новый подход и технология проведения стратегического анализа позволяют алгоритмизировать процесс стратегического анализа и подключить функции искусственного интеллекта; они вполне доступны для понимания менеджеров и работников государственных систем управления. Их применение позволит избежать грубых ошибок стратегического анализа, когда вместо создания предпосылок для успешного решения проблем образуется хаотическое нагромождение не связанных друг с другом описаний, нарушаются причинно-следственные и системные связи.

Предложенная технология формирует единый комплекс действий и мер, которые системно воздействуют на решение ключевых проблем развития социально-экономических, технических и других сложных систем.

Список литературы

1. Стратегическое планирование в Российской Федерации: состояние методического обеспечения: аналит. доклад (по результатам мониторинга реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации») / А. В. Клименко, В. А. Королев, Д. Ю. Двинских [др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 48–60. URL: https://wp.hse.ru/data/2016/10/17/1108935332/WP8_2016_02__f.pdf. (дата обращения: 20.01.23).
2. Бодрунов, С. Д. Современная стратегия развития требует поворота к планированию / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 3(69). С. 5–14. URL: https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2021/09/EVR_3_69_2021.pdf. (дата обращения: 20.01.23).
3. Карпов, А. Стратегический анализ; Компания РиК. URL: https://rik-company.ru/strategy_analysis.html 2003–2023 (дата обращения: 10.01.23).
4. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Strategy Safari: A Guided Tour Through the Wilds of Strategic Management. FT Publishing International. 1998. P. 28.

5. Morrison M. Myth of the History of SWOT – Learned, Christensen, Andrews and Guth – wrong? RapidBi. 2015. URL: <https://rapidbi.com/history-of-swot-analysis-the-error-many-on-the-internet-make/> (дата обращения: 10.01.23).
6. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве / Сунь-Цзы. – СПб.: Азбука- Аттикус, 2018. – 280 с.
7. Кэмпбелл, Д. Стратегический менеджмент: учебник / Д. Кэмпбелл, Дж. Стоунхаус, Б. Хьюстон; пер. с англ. Н. И. Алмазовой. – М.: ООО «Изд-во С83 Проспект», 2003.
8. Репьев, А. Убожество SWOT-анализа. URL: <https://hr-portal.ru/article/ubozhestvo-swot-analiza> (дата обращения: 05.01.23).
9. Armstrong J. (2004) Don't Do SWOT: A Note on Marketing Planning. A. Repiev's School. URL: http://repiev.ru/doc/Don%27t_do_SWOT.pdf. (дата обращения: 10.01.23).
10. Miteva, A. 3 Great SWOT Analysis Examples with Real Companies. Marketing Toolbox Suite. URL: <https://mktoolboxsuite.com/swot-analysis-examples> (дата обращения: 03.01.23).
11. Hill T., Westbrook R. (1997) SWOT Analysis: It's Time for a Product Recall. Long Range Planning, 30(1), pp. 46–52. URL: https://ftms.edu.my/images/Document/MOD001074%20-%20Strategic%20Management%20Analysis/WK6_SR_MOD001074_Hill_Westbrook_1997.pdf (дата обращения: 03.01.23).
12. Ансофф, И. Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 416 с.

References

1. Klimenko A. V., Korolev V. A. Dvinskikh D. Y., [et al.] (2016) Strategicheskoye planirovaniye v Rossiyskoy Federatsii: sostoyaniye metodicheskogo obespecheniya. Analiticheskiy doklad (po rezul'tatam monitoringa realizatsii Federal'nogo zakona ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ «O strategicheskoye planirovanii v Rossiyskoy Federatsii») [Strategic Planning in the Russian Federation: The State of Methodological Support. Analytical Report (Based on the Results of Monitoring the Implementation of the Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation”)]. Moscow: NRU HSE; HSE Publishing House, pp. 48-60. URL: https://wp.hse.ru/data/2016/10/17/1108935332/WP8_2016_02___f.pdf (accessed: 20.01.23).
2. Bodrunov S. D. (2021) Sovremennaya strategiya razvitiya trebuet povorota k planirovaniyu [Modern Development Strategy Requires a Turn to Planning]. Economic Revival of Russia, 3(69), pp. 5–14. URL: https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2021/09/EVR_3_69_2021.pdf (Accessed: 20.01.23).
3. Karpov A. Strategicheskii analiz [Strategic Analysis]. R&Q. URL: https://rik-company.ru/strategy_analysis.html 2003–2023 (accessed: 20.01.23).
4. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. (1998) Strategy Safari: A Guided Tour Through the Wilds of Strategic Management. FT Publishing International, p.28
5. Morrison M. (2015) Myth of the History of SWOT – Learned, Christensen, Andrews and Guth – wrong? RapidBi. URL: https://rapidbi.com/history-of-swot-analysis-the-error-many-on-the-internet-make (accessed: 10.01.23).
6. Sun Tzu (2018) The Art of War. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ. 280 p.
7. Campbell D., Stonehouse G., Houston B. (2003) Business Strategy: An Introduction. Translated by Almazova N. I. Moscow: ООО С83 Проспект Publishing House, p. 112, p. 219.
8. Repiev A. P. (2014) Ubozhestvo SWOT-analiza [Poorness of SWOT-analysis]. HR-Portal. URL: <https://hr-portal.ru/article/ubozhestvo-swot-analiza> HR-Portal (accessed: 05.01.23).

9. Armstrong J. (2004) Don't Do SWOT: A Note on Marketing Planning. A. Repiev's School. URL: http://repiev.ru/doc/Don%27t_do_SWOT.pdf (accessed: 10.01.23).

10. Miteva A. 3 Great SWOT Analysis Examples with Real Companies. Marketing Toolbox Suite. URL: <https://mktoolboxsuite.com/swot-analysis-examples> (accessed: 03.01.23).

11. Hill T., Westbrook R. (1997) SWOT Analysis: It's Time for a Product Recall. Long Range Planning, 30(1), pp. 46–52. URL: https://ftms.edu.my/images/Document/MOD001074%20-%20Strategic%20Management%20Analysis/WK6_SR_MOD001074_Hill_Westbrook_1997.pdf (accessed: 03.01.23).

12. Ansoff I. (1999) Novaya korporativnaya strategiya [The New Corporate Strategy]. St. Petersburg: Piter-Kom Publ. 416 p.

Y. A. Malenkov⁴. Development of Russian Methods of Strategic Analysis and the Feasibility of Replacing the SWOT Model. Theoretical problems of developing methods and technologies of strategic analysis are considered. The scientific criticism of the SWOT approach widely used today in management practice and in education is given and the inexpediency of its use is shown. Instead of the SWOT approach, a new model of strategic analysis is proposed, based on new generalized variables, creating a target orientation to solving a set of development problems, completely eliminating the defects and miscalculations of the SWOT approach. A new technology of strategic analysis “Search for reserves and resources for creating competitive advantages and eliminating obstacles to solving development problems” has been developed, which is advisable to use in managing the development of enterprises, regional industries, the economy of the Russian Federation as a whole and other complex systems, and in the future can be used for inclusion of artificial intelligence functions (AI) in the sphere of strategic analysis.

Keywords: strategic analysis, SWOT, strategic planning, technology, model, efficiency, artificial intelligence.

⁴ *Yuri A. Malenkov*, Professor at the Department of Management and Planning of Socio-Economic Processes, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: y.malenkov@spbu.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49

*В. В. Архипова*¹

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: НООПОДХОД И РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В условиях обострения межстрановых конфликтов, финансово-экономических кризисов, непредсказуемых эпидемий, нарастания угроз и рисков существованию человечества особую актуальность приобретают вопросы интеграции и солидаризма. Существующие теории интеграции и подходы к её трактовке весьма специфичны в силу концентрации преимущественно на экономических и политико-экономических процессах, а также их «заточенности» под Евросоюз. Цель настоящего исследования – выработка альтернативного подхода к определению и анализу интеграции на основе теории ноономики С. Д. Бодрунова. Приводятся доказательства завышения оценки результатов евроинтеграции, основанной на создании идеализированного имиджа этой интеграционной группы как непрерывно прогрессирующей и образцово-показательной модели, выделяющейся на фоне остального мира. Излагаются базовые положения и выводы теории ноономики, её «параллели» и итоги «стыковки» с теорией смены технологических укладов и концепцией смены мирохозяйственных укладов С. Ю. Глазьева. Вводится понятие нооинтеграции, выделяются её основные стадии, анализируются различия и соотношение её процессов с классическими интеграционными. Объясняется, почему нооинтеграция предпочтительнее для гармоничного соразвития евразийского пространства и стран-участниц, нежели классическая интеграционная модель.

Ключевые слова: интеграция, ЕС, ноономика, ноопереход, ЕАЭС, евразийское пространство, нооинтеграция.

УДК 330.352

Традиционно в экономической литературе и экономико-политическом дискурсе наиболее ярким символом интеграции, её глубины, эффективности и впечатляющих достижений считается Европейский союз (ЕС). В общественном сознании укоренилось представление о том, что именно эта региональная интеграционная группа является наиболее развитой и продвинутой в мире, а участие в ней привлекательно с точки зрения перспективы решения экономико-социальных проблем. В качестве научного обоснования обычно приводят чётко выделенные стадии экономической интеграции и триумфальное восхождение европейских стран к её вершинам.

Особенно значимыми интеграционно-экономические достижения ЕС представляются при их сравнении со скромными попытками интеграции и результатами интеграционных усилий остальных государств и регионов, в частности, с так называемой бумажной интеграцией [1, с. 31] стран постсоветского пространства. Нередко в нега-

¹ *Виолетта Валерьевна Архипова*, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН (117218, РФ, Москва, Нахимовский пр., 32), канд. экон. наук, e-mail: q123zv@yandex.ru

тивном контексте упоминается стремление последних к развитию и расширению ЕАЭС, их объединению с азиатскими странами (тем более – с территориально отдалёнными латиноамериканскими и африканскими) в рамках БРИКС, ШОС или Большого Евразийского партнёрства. Реальные и потенциальные плоды таких партнёрств представляются скептикам ничтожными, а перспективы – более чем туманными, поскольку здесь якобы всё держится исключительно на политической воле и инициативе руководителей.

Цель настоящей работы – переосмысление традиционных подходов к определению и оценке интеграционных процессов (в том числе на евразийском пространстве) на основе теории ноономики [2, 3], а также роли России в становлении нового технологического уклада (ТУ) и интегрального мирохозяйственного уклада (МХУ) [4].

Традиционный подход к анализу интеграции

Традиционно понятие интеграции тесно связывается с экономикой. Так, под международной интеграцией чаще всего понимают «объективный, осознанный и направляемый процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания **национальных хозяйственных систем, обладающих потенциалом саморегулирования и саморазвития**», в основу которого закладывается **экономический интерес** субъектов хозяйственной деятельности и разделение труда [5, с. 276, с авторскими выделениями].

На основе той же экономической парадигмы в традициях, заложенных Б. Балассой, выделяются довольно чёткие стадии развития интеграции, несколько видоизменяемые в зависимости от подхода, избранного авторами для исследования (например, [6] со ссылкой на работы упомянутого теоретика интеграции). При этом, несмотря на достаточно символические различия в вариациях, в них заложен классический «костяк», с помощью которого «конструируются» модели и выделяются стадии экономической интеграции.

Традиционно приводят около 5-6 последовательных этапов, различающихся по степеням свободы. Эти этапы должна пройти каждая интеграционная группа, стремящаяся ко всё более тесному объединению. К ним относятся: нулевой – преференциальные торговые соглашения (ПТС); первый – зона свободной торговли (ЗСТ); второй – таможенный союз (ТС); третий – общий рынок (ОР); четвёртый – экономический и валютный союз (ЭВС); пятый – политический союз (ПС), иногда добавляемый к списку чисто экономических стадий и сопровождающий их как наивысшая стадия региональной интеграции (см. таблицу).

Базовые этапы развития интеграции*

Этап	Знаковые моменты, выделяемые внутри группы				
	Снижение тарифов	Отмена тарифов	Единый тариф для третьих стран	Свобода мобильности <i>L</i> (труд) и <i>K</i> (капитал)	Единые валюта и экономическая политика
0. ПТС	√	-	-	-	-
1. ЗСТ	√	√	-	-	-
2. ТС	√	√	√	-	-
3. ОР	√	√	√	√	-
4. ЭВС	√	√	√	√	√
5. ПС	Особая стадия с выходом за пределы чисто экономических				

*Доработано и дополнено авторами на основе [7, с. 340–341; 5, с. 288; 8, с. 22].

Данная классификация нередко критиковалась из-за излишней концентрации на экономической составляющей и вынесения за скобки сфер культуры, науки и образования, экологии и т. п. Тем не менее в определении интеграции продолжали превали-

ровать (и сохраняются) акценты на «игре с положительной суммой» (т. е. на получении выгоды, сводимой к экономической результативности, и экономически осязаемых эффектов от создаваемой целостности), самовыделении на этой основе интеграционной группы и её обособленности от мира (участии группы стран в «процессе глобальной стратификации мира» [8, с. 15–18, 23]) в целях получения «преимуществ» за счёт остальных, первоочередности экономики как одной из сфер охвата общественной жизни.

Среди классических факторов, условий и предпосылок, определяющих вероятность и возможность интеграции (экономической), а также её эффективность в будущем, как правило, отмечают следующие (приведено на основе [5, с. 281–286]):

1) близость основных показателей, отражающих общий уровень экономического развития стран-партнёров;

2) выбор стадии экономического подъёма для старта интеграции, что благоприятно сказывается на повышении эффективности интеграционных процессов;

3) пространственно-географическая близость стран-участниц;

4) политическая воля и заинтересованность руководства государств-партнёров в интеграции;

5) готовность стран-участниц создавать наднациональные институты и делегировать им ряд полномочий;

6) *естественное выделение или искусственное создание «гегемона» интеграции* (что оправдывается положениями *теории гегемонистской стабильности* [9], призывающей воспринимать данную идею адекватно, а также *практической необходимостью централизованной инициации и стимулирования интеграционных процессов*) – государства-«лидера» либо группы стран внутри интеграционного сообщества, которым будут подконтрольны рынки сырья, капитала, производство высокотехнологичной продукции и иные значимые для конкретной интеграционной группы рынки.

Мы ограничимся кратким описанием основных положений традиционного подхода к определению и анализу интеграции, на основе которого преимущественно и оцениваются глубина и продвинутость интеграции по регионам. Безусловным и непревзойденным лидером здесь на протяжении нескольких десятков лет признан Евросоюз, за которым в интеграционном рейтинге следуют недалеко ушедшие в данном направлении интеграционные группы. Среди них упоминаются ЦЕФТА, НАФТА, АСЕАН (с расширением формата), АТЭС, ЛАСТ-ЛАИ, МЕРКОСУР, КАРИКОМ, многочисленные африканские субрегиональные группы и ряд интеграционных объединений в постсоветской части евразийского пространства.

«Образцово-показательная» интеграция в ЕС. А такова ли она?

Интеграция (с упором на экономическую составляющую) в ЕС традиционно считается образцово-показательной (особенно на фоне остальных интеграционных групп в мире). Среди вариантов развития Евросоюза выделяется сценарий формирования «нового сообщества и супергосударства – Соединенных Штатов Европы» [10, с. 75].

В чём секрет «успеха» ЕС?

Не отрицая позитивные аспекты евроинтеграции (ряд из них присущ и иным интеграционным моделям), посмотрим на ЕС «вооружённым глазом» – не сквозь «розовые очки» идеализации европейских достижений, а через призму объективных оценок и непредвзятого анализа.

Во-первых, нетрудно заметить *грамотное и целенаправленное формирование имиджа анализируемой интеграционной группы в мире при сравнительно скромных реальных результатах интеграции.*

Так, практически все ключевые направления теории интеграции, включая актуальные и востребованные (в том числе с критериями оценки условий и эффектов интеграции), созданы и в своём развитии «заточены» под Евросоюз (и навряд ли подходят для других государств и регионов²). Нередко они выглядят как банальная «научно обоснованная» констатация «уникальности» и «прогрессивности» модели ЕС либо как специально созданные разработки для конкретных нужд с учётом особенностей и сложностей европейской интеграции, призванные сформировать определённое представление о ней и объяснить происходящие в её рамках процессы как объективные. В числе таких теорий выделяются федерализм [8], неофункционализм, межправительственный подход, постфункционализм [11].

Более того, львиная доля широко известных «классических» теоретических разработок по интеграции (с особым упором ряда из них на экономику и политико-экономический интерес стран-участниц, а также выделенными стадиями, предпосылками, факторами, методологиями оценки и т. п.) есть не что иное, как «доказательная база», подведённая под существовавшие на европейском пространстве до экономической интеграции или назревшие ранее процессы, которые с высокой долей вероятности нигде в мире неповторимы.

Подчеркнём, что часто эффекты, полученные в интеграционный период, обусловлены не столько моделью интеграции, сколько существовавшими (независимо от интеграции и до её начала) условиями и трендами развития. Более того, во многих случаях в модели евроинтеграции невозможно доказать, усилились в результате интеграции позитивные для отдельных её участников тренды или нет, а, может, и вовсе «сошли на нет» под давлением внутригрупповых факторов в ходе развития интеграции. (Есть бесчисленное множество примеров «ущемления» экономических интересов участников евроинтеграции – взять хотя бы падение промышленного производства в базовых секторах экономики стран юга Европы или недавний отказ Венгрии от ряда санкций в отношении России в связи с абсолютной их ущербностью для самой Венгрии.) Существующие подходы и методики оценки эффектов интеграции не позволяют получить однозначные выводы относительно возможной реализации этих эффектов вне интеграционной модели.

Что до стартовых условий евроинтеграции и её становления, то, рассматривая торговые эффекты интеграции на европейском пространстве, надо учитывать, что эти страны с давних времен торговали между собой значительно больше, чем с остальными, неевропейскими, государствами и регионами мира. Ещё до начала интеграции они были тесно связаны экономически, в том числе в силу перечисленных выше факторов. Так, в 1860, 1910 и 1996 гг. основным торговым направлением для стран Европы было европейское, о чём свидетельствуют его доли (в % от совокупного показателя) по экспорту (67,5, около 68 и чуть более 76 соответственно) и импорту (61, 60 и 70,7 соответственно). Причём евроинтеграция, хотя и усилила процесс регионализации европейской торговли, всё же не оказала на неё принципиального или масштабного влияния [12, с. 16].

² К примеру, географический фактор – одно из условий успешности интеграции. Совершенно ясно: то, что подходит для оценки эффективности в территориально компактной Европе (в том числе «лекала», используемые для анализа процессов с позиции снижения транспортных расходов и т. п.), неприменимо для получения объективных выводов по интеграции таких крупных стран, как Россия, Казахстан, Китай, Индия, Бразилия, США, Канада, Мексика в рамках той или иной интеграционной группы.

В связи с этим возникает вопрос: далеко ли в реальности (и куда?) продвинулись европейские страны в ходе своей интеграции, и каковы её динамика и «плоды» для стран-участниц?

Прежде всего, отметим, что в международной практике накоплен внушительный опыт создания и использования различных индикаторов эффективности экономической интеграции и их систем. Соответствующие показатели в рамках проектов ряда органов и институтов рассчитываются для ЕС, АСЕАН и т. п., результаты своего мониторинга и оценок интеграционных процессов публикуют Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)³. Предлагаются разного рода экспертные методологические разработки и оценки [6, 13].

Приведём выборочные оценки, взяв в качестве примера результаты наработок ЕЭК. Сводный индекс глубины интеграции показывает, что в начале 2020-х гг. наиболее тесное и интенсивное взаимодействие внутри интеграционной группы наблюдалось в рамках ЕС⁴, лидирующие позиции Евросоюза отмечены и по уровню индикаторов, сгруппированных по ряду направлений (по институциональной интеграции, интеграции в ключевых секторах, на основных рынках и макроэкономической конвергенции)⁵.

Однако, согласно выводам экспертов, проводивших анализ более ранних зарубежных оценок европейской интеграции (классический подход и метод для их получения связывают с разработками Б. Балассы 1960-х–1970-х гг.), «...первые измерения эффектов экономической интеграции в Западной Европе показали, что эффекты создания торговли действительно превышают эффекты отклонения торговли, но составляют менее 1% ВВП стран-членов» (подробнее [7, с. 354–355] со ссылками на ранние работы «оценщиков» интеграции).

Неоднозначность оценки эффективности евроинтеграционной модели подтверждает практика. Возрастающая сложность управления, «делегирование» суверенитета стран по чувствительным для них вопросам общеевропейскому центру, давление «старших» участников интеграции на «младших», засилье евробюрократии и многие другие отрицательные эффекты данной модели расшатывают ЕС. Более того, в современный период прогресс углубления европейской интеграции остаётся под вопросом.

В то же время в других интеграционных объединениях отмечается более мощная позитивная динамика сближения. Так, исходя из сравнительного анализа и оценок ЕЭК, за 2007–2017 гг. динамика субиндекса институциональной интеграции стран ЕАЭС⁶ показала существенный прогресс (рост с 43 до 72 пунктов) по сравнению с Евросоюзом, застрявшим в течение десятилетия на 89 пунктах. Более того, сводная оценка интеграционных процессов за 2011–2017 гг. демонстрирует рост от 56 до 70 пунктов для ЕАЭС при некотором снижении (с 93 до 92 пунктов) для ЕС. Похожая ситуация – в динамике субиндекса интеграции на рынке капитала, что свидетельствует о прилич-

³ ЕЭК (2019) Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений. М.: ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatoriy-integratsii-2019.pdf>. Далее – ЕЭК (2019).

⁴ См. подробнее: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d9/Spravka_-rezultaty-obnovleniya-2021-v2.pdf?ysclid=ldh4dtqqso356206943 (Индикаторы интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС).

⁵ ЕЭК (2019).

⁶ Временной интервал указан с учётом логики анализа до и после активизации интеграции в середине 2010-х гг.

ных успехах ЕАЭС (прирост от 32 до 46 пунктов) и нелучших временах для ЕС (сокращение с 90 до 85 пунктов)⁷.

Таким образом, в Евросоюзе динамика важных показателей и индикаторов интеграции за проанализированные периоды не отличалась существенным прогрессом, чего нельзя сказать о ЕАЭС, который, по выводам экспертов ЕЭК, несмотря на свою относительную молодость, «опережает по уровню интеграции и МЕРКОСУР, и АСЕАН»⁸.

Результаты чисто экономических процессов в рамках евроинтеграционной модели не могут не отразиться на состоянии общества, социальной компоненте, что подтверждают результаты анализа динамики индекса человеческого развития (ИЧР). Согласно экспертным оценкам, ИЧР новых стран-членов Евросоюза свидетельствует о нереализованном социально-экономическом потенциале интеграции: среднегодовой прирост индекса за 2010–2018 гг. оказался для Румынии в 4 раза ниже значений 2000–2010 гг.; для Венгрии, Латвии, Словакии, Словении, Хорватии и Чехии – в 2 раза и более [14, с. 11–12].

Тем не менее на протяжении длительного времени (примерно до событий второй половины 2010-х гг.) имидж европейской интеграции поддерживался на весьма высоком уровне: отмечались её прогрессивность, уникальность и непревзойдённость. Евросоюз, как ни одна другая интеграционная группа, смог соответствовать образцовой и эталонной модели, созданной теорией, в которой вопросы во многом подогнаны под ответы.

Во-вторых, *для ЕС и на более ранних этапах европейской интеграции, и сейчас характерен относительно низкий уровень солидаризма*, несмотря на развитость наднациональных институтов и механизмов и демонстрируемое по известному поводу «европейское единство». Приведем ряд доказательств.

Прежде всего следует упомянуть о двух существенных *антиинтеграционных феноменах*, сказавшихся на дальнейшем развитии европейской интеграции: о грекзите и брекзите (от англ. «*Grexit*» и «*Brexit*» – термины, обозначающие выход Греции и Великобритании из Евросоюза). Причём, если первое событие чуть не произошло в 2015 г. (ситуацию спасла в основном Германия) и остаётся потенциальным, то второе – состоялось [15, 16]. Последствия данных феноменов для ЕС огромны. Произошло «развенчание мифа» о ЕС как образцово-показательной и непрерывно прогрессирующей модели интеграции. Обострились вопросы и дискуссии о выгоды/невыгоды (прежде всего – экономической) интеграции для каждого государства, преследующего собственные интересы, и многие другие [7, 16]. Однако в данном случае речь не идёт о том, что для ЕС, выражаясь словами С. Есенина, «скатилась со счастья вожжа» или у него вообще нет интеграционных достижений. Здесь лишь отмечается, что созданный образ европейской интеграции излишне идеализирован, а большая часть позитивных результатов первых её стадий либо была предопределена условиями взаимодействия соответствующих государств, либо они состоялись бы и без интеграции по нынешней евромодели.

Подчеркнём, что сам факт возникновения антиинтеграционных феноменов свидетельствует, что экономические интересы (и представления о политико-экономических выгодах), которые ставились во главу угла в процессе интеграции, могут перестать совпадать в силу рационального экономического поведения и экономического эгоизма, а посему представляются ненадёжной, во многом искусственной и временной «спайкой» для интеграционных процессов современности.

⁷ ЕЭК (2019), с. 68–75.

⁸ Там же, с. 74–75.

Открытое нежелание участвовать в интеграционных проектах или интеграции в целом европейские страны (в особенности Норвегия, Швейцария, Исландия) демонстрировали и раньше. Это ярко проявилось при создании ЭВС и шенгенской зоны (примеры Великобритании и Дании). Более того, соответствующие процессы существенно затормаживались именно тогда, когда развитие интеграции требовало большей активизации совместных усилий и создания новых форм и пространств объединения – «позитивной интеграции». К примеру, путь к валютному союзу, отмеченный провалами проектов и инициатив, растянулся более чем на 40 лет [7, с. 20]. Безусловно, для качественной интеграции необходима постепенность, однако, будь уровень солидаризма выше, прогрессивная европейская интеграционная группа могла бы существенно сократить сроки построения ЭВС и преодоления ряда кризисов (суверенных долгов, миграционного и т. п.).

Его низкий показатель сказывается и на глубине взаимоуважения стран-участниц ЕС. Об этом красноречиво свидетельствует активное использование аббревиатуры *PIGS* (англ. – *свиньи*) для выказывания неуважительного отношения к Португалии (*P*), Италии (*I*), Греции (*G*) и Испании (*S*) из-за несоблюдения экономических критериев (критериев конвергенции), до условленной «планки» которых они не смогли дотянуть по объективным причинам.

Отсутствие взаимопонимания и согласованности интересов проявляется и во внешней политике ЕС. Например, наблюдалась существенная разница во взглядах государств-участников на введение санкционного режима в отношении России⁹.

В-третьих, особого внимания требует развитие **евроскептицизма в обществе вследствие устойчивости его тренда, в том числе нарастания коллективного разочарования в эффективности европроекта.** Исследователи рекомендуют политическим элитам не столько концентрироваться на интеграционном прогрессе, сколько всесторонне изучать природу, причины и особенности евроскептицизма; не рассчитывать в ближайшее время на углубление интеграции, но попытаться сохранить достигнутые ранее уровень и целостность [17].

Наконец, в-четвертых, **ряд положений и теорий интеграции подвергаются серьёзной критике.** Это относится не только к вопросам выделения стадий интеграции, но и к переоценке потенциала экономики к саморегулированию, необходимости наличия «гегемона» (хотя данный термин определяет не столько движущую силу интеграции, сколько субъекта, стремящегося к господству над другими) и др.

Очевидно, что сложившаяся теоретическая база интеграции, особенно представления о ней на основе мифологизированного образа ЕС, не дают ответов на практические вопросы, вызовы и потребности; необходим иной подход к её определению, классификации стадий и оценке результатов.

Ноономика и интеграция

Созданное одним из авторов настоящей работы [2, 3] учение о ноономике представляет собой систему оригинальных теоретических положений, составляющих научную теорию о закономерностях формирования и развития ноообщества. Кратко изложим его ключевые идеи и содержательные выводы с учётом целей настоящего исследования.

Прежде всего, это учение не столь тесно связано с классическими идеями о ноосфере, к которой отсылает созвучие основных терминов (общая часть «ноос», от греч. –

⁹ См. подробнее: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2021/61b9a8f59a794704eda90f46?ysclid=ldo3mdtjs7465120259>; <https://interaffairs.ru/news/show/36620?ysclid=ldo3owcd5s378357292>.

мысль, разум) и с которой ноономика как особая стадия цивилизационного развития «соприкасается» своими результатами. В большей степени оно сопряжено с теорией смены технологических укладов (ТУ) и концепцией смены мирохозяйственных укладов (МХУ) в актуальной и нестандартной трактовке производительных сил и производственных отношений с переосмыслением роли НТП, предложенными С. Ю. Глазьевым [4].

Базовой категорией и главным элементом фундамента теории ноономики является **знание**, через которое объясняется социальное развитие и трактуются ключевые понятия (НТП, потребности человека и общества, технологии и производство, культура, ценности и т. д.). Отсюда выводится основная характеристика, позволяющая сравнивать и чётко различать каждый из обозначенных (к настоящему времени) шести ТУ. Это – **знаниеёмкость** производства, нарастающая в ходе последовательной смены ТУ и способствующая сокращению иных «ёмкостей» (материало-, фондо-, энерго-, ресурсо- и т. п.) (см. «Крест Бодрунова» [2, с. 72]). Причём, процесс возникновения новых технологий и переоценка возможностей НТП как основного фактора социально-экономического развития трактуются посредством сформулированного ранее **закона «взаимной сочетаемости», или PR-закона** (от англ. $P=penetration$, $R=readiness$)¹⁰ [2, с. 151–165].

В свою очередь, ключевые понятия или сопутствующие категории с течением времени влияют на базовую. Например, расширение знания, познание окружающего мира определяют новые потребности человека и общества, которые стимулируют открытие новых сфер знания – уже для удовлетворения этих новых потребностей. Технологии и НТП предстают как формы воплощённого Знания. Существуют особые виды воплощённого Знания – высшие. К ним относятся: религия, которая является данным свыше знанием, а также ценности и культура – знания, приобретаемые человеком в процессе социализации и призванные, сняв нейтральность знания открываемого, установить для него морально-этические границы. В этом смысле знание есть «величайшая сила», как справедливо заметил Ф. Бэкон. Представляется, что без подобной философской основы или даже **ноофилософии** (как одного из новых направлений философской мысли¹¹) невозможно говорить о фундаментальных закономерностях развития человечества.

Переживающий становление ТУ-VI в определении теории ноономики связан с зарождением **принципиально нового типа материального производства – знаниеинтенсивного** [2, 3], что ведёт к формированию нового общественного устройства – нового индустриального общества следующего поколения – НИО.2.

Согласно гипотезе А. Э. Айвазова и концепции смены МХУ С. Ю. Глазьева [4, с. 48], в рамках одного МХУ может обнаруживаться до двух жизненных циклов ТУ. По нашему предположению, образование НИО.2, генезис которого наблюдается сегодня, произойдет на стыке ТУ-VI и ТУ-VII в рамках развития интегрального мирохозяйственного уклада, возникающего в ходе последовательной смены предыдущих МХУ (торгового, колониального, имперского, тесно связанных с системными циклами накопления капитала). Если ТУ-VI – это материальная основа НИО.2, то интегральный МХУ есть институциональная основа перехода от знаниеинтенсивного материального производства к НИО.2.

¹⁰ В оригинальной авторской трактовке: закон риднесс-пенетрационного взаимодействия, устанавливающий, что, чем выше изотропные Р-потенциал и R-потенциал взаимодействующих объектов, тем выше вероятность возникновения соответствующего процесса развития.

¹¹ См., например, цикл статей С. Д. Бодрунова в журнале «Вопросы философии».

Наконец, выделяемый нами в процессе становления интегрального МХУ седьмой ТУ характеризуется эволюцией знаниеинтенсивного материального производства до уровня **нооинтенсивного (или ноопроизводства)**. Последний ассоциируется: а) с превращением знания в основной фактор производства; б) двухвекторным развитием знания (по направлениям «знание – технология» и «знание – культура», отражающим прогресс НТП и личностное совершенствование человека с ростом духовных потребностей и ноопотребностей – в первую очередь ноопроизводство личности); в) последующим выходом человека за пределы материального производства с сохранением функций организации производственной сферы, управления ею и контроля над ней.

Прогнозируемый в рамках данной теории период формирования **ноономики как неэкономического способа удовлетворения потребностей человека и социума** и управления развитием на основе понимания его закономерностей, а также ноообщества – ТУ-VII и, следовательно, вторая половина жизненного цикла интегрального МХУ.

НИО.2 – это пока этап экономического развития, однако уже на этом этапе экономические мотивы в механизме удовлетворения потребностей, с прогрессированием диффузии собственности [18], постепенно уступают место неэкономическим, и ценности начинают превалировать над экономическими интересами. Формируемое в ходе его эволюции **нооценностное ядро** представляет собой новую социальную базу, предтечу изменения направленности прогресса цивилизации к нооразвитию, являющемуся прямым путем к образованию ноообщества, поворотной вехой траектории глобальной трансформации цивилизации в ноосферное существование [3], о котором писали В. И. Вернадский и Э. Ле Руа.

Ноообщество в представлении теории ноономики и есть та самая идеальная сфера (или ноосфера) в общественном устройстве, о которой грезили классики-ноосферисты. Его генезис, ассоциируемый с «квадригой ноономики» (НТП, диффузия собственности, социализация общества и солидаризм [18]), прослеживается уже сегодня. Его императивы – десимулятизация потребностей, переход к ноокритериальной базе ценностей, этические границы для безграничного знания и возникновение **ноочеловека**. Формирование такого общества в корне изменит современное представление о демократии, государстве и управлении социальным развитием. С помощью НТП и новейших технологических решений общество перейдет к самоуправлению, в котором подлинным центром управления станет не набор формальных институтов [19]), а нооценностное ядро, формирующее нооинституты и феномен постгосударства. Человек в ноообществе будет жить в соответствии с личными и общими ноопринципами – это и есть (в нашей трактовке) истинная ноосфера, достижение которой возможно только благодаря переходу к ноономике и посредством ноономики. Всё перечисленное – не утопия, а научно обоснованная реальность, к воплощению которой уже идут Китай и Индия, рассматриваемые С. Ю. Глазьевым (наряду с Россией) в качестве ядра нового, интегрального МХУ.

Подчеркнём, что мы не идеализируем текущую ситуацию, для нас это – поворотная точка современного периода развития к началу полноценного нооперехода. Как показал С. Ю. Глазьев, происходящая смена ТУ и МХУ – самый сложный в истории человечества, чреватый катастрофическим развитием событий), связанный с трансформацией их «ядра» и обострением конфликтов, нарастанием рисков остановки позитивного развития цивилизации, и одновременно – это период творческого расцвета общества, нацеленного на поиск новых путей и форм прогресса [4].

Отметим, что историческая «развилка» с выходами на обозначенные выше сценарии (позитивный – развитие нового, интегрального МХУ и негативный – катастрофический) сохраняется.

В контексте настоящего исследования формирование ТУ-VII и интегрального МХУ становится знаковым. Более того, само название нового мирохозяйственного уклада – *интегральный* – отсылает не столько к идее интегрального общества, сколько к понятию *интеграция*, которое становится ключевым и определяющим для социального развития на данной стадии.

Что же есть интеграция в контексте ноономики? И существует ли интеграция при отмирании экономики, без традиционной увязки с которой сложно представить, а тем более оценивать, анализируемый процесс? Ответ принципиален. Интеграционные процессы не только актуальны в рамках продвижения к ноономике, они имеют особое значение для её формирования и становления.

Заметим, что прежние акценты существенно смещаются, вплоть до того, что потребуется иное название и определение этих процессов: *нооинтеграция* или интеграция на основе знаний, общих высших ценностей (нооценностей – вечных ценностей, проверенных временем и формирующих пространство ноономики – и их ядра) и этико-культурных принципов, взаимопонимания. На доноономической стадии – это основной фактор и двигатель экономической интеграции (из экономики рождается ноономика – это логично) и одна из форм проявления международного солидаризма/взаимопомощи; на ноономической стадии – один из показателей и ускорителей развития ноообщества.

Более того, экономическая интеграция, основанная на неэкономических принципах и ценностях, гораздо прочнее. Экономические реалии переменчивы, ценности – вечны.

Евразийская интеграция или Евразийская нооинтеграция – разница есть!

Евразийская интеграция обычно ассоциируется с интеграционными процессами на постсоветском пространстве как в малом масштабе, например в рамках ЕАЭС, так и в широком – в «поясе соседства» с его ближайшими государствами-партнёрами. В числе таких мегапроектов выделяется концепция Большого Евразийского партнёрства [20] как идея интеграции интеграций. Некоторые авторы подразделяют евразийскую интеграцию на постсоветскую и континентальную, включая Европу, Северную и Центральную Евразию (постсоветский мир), Восточную, Южную и Западную Азию [21, с. 9]. В контексте данного исследования евразийская интеграция анализируется как объект, зачастую противопоставляемый ЕС и сравниваемый с ним.

Достижения евразийской интеграции (за исключением показателей динамики), оцениваемые по классическим лекалам экономической интеграции, выглядят пока довольно скромно по сравнению с европейскими (см. данные по ЕАЭС и ЕС и приведенные источники), хотя даже при первом взгляде очевидна колоссальная разница в стартовых условиях. Здесь важнее обратить внимание не на разницу в показателях на сегодня, а на различие в динамике этих показателей, где ЕАЭС выглядит довольно уверенно. По нашему мнению, участники ЕАЭС больше опираются на принципы нооинтеграции, чем Евросоюз (хотя отдельные её элементы и здесь реализуются), тем не менее пока ещё сами недооценивают результаты и перспективы этого уникального пути, продолжая «меряться» с другими интеграционными группами экономическими индексами, которые заточены не под них, не учитывают их особенности и преимущества и по уровню которых они заведомо проигрывают. Это не добавляет «психологиче-

ского оптимизма» евразийской интеграции, обладающей огромным объединяющим и взаимодополняющим потенциалом.

Для реальной оценки хода, результатов и перспектив евразийской интеграции любого формата и масштаба необходим пересмотр чисто экономических и политико-экономических подходов к выделению стадий и конструированию механизмов этой интеграции как ноофеномена – того, что наши страны интуитивно выстраивают на евразийском пространстве, но что пока не сформулировано так же чётко, последовательно и логично, как более просто «калькулируемая» экономическая интеграция.

Это вовсе не означает, что переработка подхода к анализу интеграции полностью отвергает или отрицает экономическую интеграцию. Предлагается лишь не концентрироваться исключительно на экономике и экономических интересах стран-участниц, а анализировать интеграционные процессы «в разных измерениях», иначе расставляя акценты при их оценке.

К примеру, наряду со стадиями экономической интеграции можно включать в анализ стадии нооинтеграции (с созданием на каждой – интеграционных институтов), в которую первая логично войдет в качестве составного элемента:

- 1) единое нооценностное пространство и пространство культурного обмена;
- 2) единое пространство обмена знаниями и научное пространство;
- 3) единое технологическое и коиндустриальное (от англ. – *co-industrialization*) пространство;
- 4) единое социальное пространство (с широким спектром подпространств);
- 5) высшая стадия нооинтеграции с образованием ноообщества (единых нооинституций) в рамках интегрального МХУ.

Безусловно, данный перечень потребует существенной детализации и проработки, в настоящей работе он рассматривается в качестве предложения к размышлению и широкой дискуссии, а также «начального» проекта интеграционного бизнес-плана для практической реализации.

Среди отличительных черт и характеристик нооинтеграции выделим следующие (допускаются дополнения к приведенному перечню):

- снятие требования географической близости государств-участников как условия эффективности интеграции;
- допущение разноразности их экономического развития;
- отрицание гегемонизма в любых проявлениях и формах, допущение наличия лишь инициативного ядра стран-членов;
- опора на неэкономические принципы и интересы интеграции без отрицания необходимости (но не первостепенности) её экономической составляющей (на этапе НИО.2);
- понимание интеграции не как регионального обособления интеграционной группы от остального общества и мира, а как объединяющего начала и воплощения солидаризма;
- отсутствие проблемы так называемой конкуренции регионализмов.

В контексте нооинтеграции иначе воспринимается и роль России как одной из стран ядра интегрального МХУ и одного из важнейших интеграторов на евразийском пространстве. Обычно в рассуждениях о России как интеграционном центре Евразии (особенно его постсоветской части) отмечают географические, ресурсно-сырьевые и оборонные характеристики нашего государства. С позиции движения к нооэкономике Россия предстаёт в качестве одной из стран-двигателей нооперехода: а) как пространство, демонстрирующее высокий уровень социального солидаризма, формирования

ноценностей и опор нооинтеграции – с духовной точки зрения; б) при условии запуска процессов реиндустриализации на основе технологий следующего ТУ [22, 23] – с экономической точки зрения.

Заключение

Реальная интеграция – не есть воплощённая в чистом виде экономика, это нечто большее и высшее для общества; отчасти поэтому новому мирохозяйственному укладу *должно и суждено* (напомним читателю о философских идеях, касающихся взаимоотношений «сущего» и «должного» Н. Кондратьева) носить название в её честь – Интегральный. Однако на практике данный вывод оказывается не столь очевидным: многие десятилетия экономический и политико-экономический интерес и принцип лежат в основе теории и практики интеграции, что привело к завышенным оценкам эффективности и глубины интеграционных процессов на европейском пространстве и недооценке перспектив других форматов интеграции, включая евразийское направление.

Метод теории ноономики позволяет выстроить иной подход к трактовке интеграции, выделению её стадий и анализу успешности на каждой из них. По этому поводу можно процитировать русского поэта Ф. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

На наш взгляд, слова классика помогают понять *природу интеграции как ноофеномена*.

Список литературы

1. Гринберг, Р. С. Новая экономика: оптимальные модели / Р. С. Гринберг // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 173. – С. 14–34.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Бодрунов, С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. М.: ИНИР; Культурная революция. – 2020. – 224 с.
4. Глазьев, С. Ю. За горизонтом конца истории / С. Ю. Глазьев. – М.: Проспект, 2021. – 416 с.
5. Международные экономические отношения: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. В. Е. Рыбалкина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 591 с.
6. Зуев, В. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции / В. Зуев // Евразийская экономическая интеграция (ЕЭИ). – 2014. – Май. – №3(24). – С. 25–43.
7. Волгина, Н. А. Международная экономика: учеб. пособие / Н. А. Волгина. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
8. Европейская интеграция: учебник / под ред. О. В. Буторина. – М.: Издат. дом «Деловая литература», 2011. – 720 с.
9. Ткаченко, С. Л. БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности / С. Л. Ткаченко, У. Койл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301>.
10. Кувалдин, В. Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения: учеб. пособие / В. Б. Кувалдин. – М.: Магистр, 2009. – 207 с.

11. Hooghe L., Marks G. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy*, vol.26, no. 8, pp. 1113-1133, DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
12. Baldwin R. E., Martin P. (1999) Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences / NBER. Working Paper No. w6904.
13. Кавешников, Н. Ю. Эволюция процедур принятия решений в ЕС как параметр глубины интеграции / Н. Ю. Кавешников // Современная Европа. – 2020. – №5. – С. 77–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520207788>.
14. Социальные стимулы и барьеры межгосударственной интеграции (европейский и постсоветский опыт): науч. докл. / ред. Л. Б. Вардомский, Т. В. Соколова. – М.: Институт экономики РАН, 2020. – 48 с.
15. Громыко, Ал. А. Новая реальность и европейская безопасность / Ал. А. Громыко // Современная Европа. – 2016. – №5. – С. 5–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520160620>.
16. Буторина, О. В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции / О. В. Буторина // Современная Европа. – 2020. – №2. – С. 20–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220202032>.
17. Вайнштейн, Г. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №8. – С. 40–48.
18. Что такое ноономика? / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР, 2021. – С. 19–92.
19. Бодрунов, С. Д. Ноообщество: интегральное однородное общество на базе нооценностей, полилогия и постгосударство: тезисы к коллоквиуму Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (02 декабря 2021 г.) // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, №2. – С. 148–151.
20. Глазьев, С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого Евразийского партнерства / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21. – №1(159). – С. 6–17.
21. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман. – СПб.: ЕАБР, 2012. – 224 с.
22. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: в 2 ч. / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР, 2015.
23. Бодрунов, С. Д. Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики: докл. на открытии Пленарной сессии СПб междунар. экон. конгресса (СПЭК-2019) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека» (Санкт-Петербург, 3 апреля 2019 г.) // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. IV. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020. – С. 83–91.

References

1. Grinberg R. S. (2013) *Novaya ekonomika: optimalniye modeli* (New economy: optimal models). *Nauchniye trudi Volnogo Ekonomicheskogo obschestva Rossii*, vol. 173, pp. 14–34.

2. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomy*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 432 p.
3. Bodrunov S. D. (2020) *Noonomika: trayektoriya globalnoj transformatsii* [Noonomy: the Trajectory of Global Transformation]. Moscow: INID; Kulturnaya revolyutsiya. 224 p.
4. Glazyev S. Yu. (2021) *Za gorizontom kontsa istorii* [Beyond the horizon of the history's end]. Moscow: Prospect. 416 p.
5. Rybalkin V. E. (Eds). (2008) *International Economic Relations: textbook*. Moscow: UNITY. 591 p.
6. Zuev V. (2014) Methodology of classification and evaluation of regional integration forms. *Eurasian Economic Integration*, May, 3(24), pp. 25–43.
7. Volgina N. A. (2006) *Mezhdunarodnaya ekonomika: uchebnoye posobiye* [International Economics: textbook]. Moscow: Eksmo. 736 p.
8. Butorina O. V. (Eds). (2011) *European Integration: textbook*. Moscow: Izdatelskij dom "Delovaya literatura". 720 p.
9. Tkachenko S. L., Coyle W. (2020) BRICS and a new model of hegemonic stability. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol.13, iss.3, pp. 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301>.
10. Kuvaldin V. B. (2009) *Globalnij mir: ekonomika, polotika, mezhdunarodniye otnosheniya: ucheb. posobiye* [Global world: economy, policy, international relations: textbook]. Moscow: Magistr. 207 p.
11. Hooghe L., Marks G. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy*, vol. 26, no. 8, pp. 1113–1133, DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
12. Baldwin R. E., Martin P. (1999) *Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences* / NBER. Working Paper No. w6904.
13. Kaveshnikov N. (2020) Evolution of Decision Making in the European Union as a Parameter of the Depth of Integration. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 77–88.
14. Vardomsky L. B., Sokolova T.V. (Eds.). (2020) *Social incentives and barriers to inter-state integration (European and post-Soviet experience): Scientific report*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 48 p.
15. Gromyko Al. A. (2016) *New Reality and European Security*. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 5–10.
16. Butorina O. (2020) *The Shrinking of the European Union and its Integration Capability*. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 20–32.
17. Vainshtein G. (2015) *Euro-scepticism: New Factor of European Politics*. *World Economy and International Relations*, 8, pp. 40–48.
18. Bodrunov S. D. (2021) *Chto takoye noonomy?* [What is noonomy?] / Bodrunov S. D. (Eds). *A(O)ntology of Noonomy: the Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences*. St. Petersburg: INID, pp. 19–92.
19. Bodrunov S. D. (2022) *Noosociety: an integral homogeneous society based on values, polylogy and post-state* (abstracts to the Colloquium of the Witte Institute for New Industrial Development, December 02, 2021) / *Noonomy and Noosociety*. *Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, 2, pp. 19–92.
20. Glaziev S. Y. (2019) *Conceptual Proposals for Practical Implementation of the Big Eurasian Partnership Idea*. *Ekonomicheskiye strategii*, vol. 21, 1(159), pp. 6–17.
21. Vinokurov E. Y., Libman A. M. (2012) *Evrazijskaya kontinentalnaya intergatsiya* [Eurasian continental integration]. St. Petersburg: EABR. 224 p.

22. Bodrunov S. D. (2015) Formirovaniye strategii reindustrializatsii Rossii [Formation of Russia's reindustrialization strategy]. In 2 parts. St. Petersburg: INIR.

23. Bodrunov S. D. (2020) Tekhnologicheskaya revolutsiya trebuetsya glubokogo reformirovaniya ekonomiki. Doklad na otkritii Plenarnoy sessii Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo kongressa (SPEK-2019) "Forsajt "Rossiya": budushee tekhnologiy, ekonomiki i cheloveka" (Sankt-Peterburg, 3 aprelya, 2019 g.) [The technological revolution requires a deep reform of the economy. The Plenary Session opening report of the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2019) "Foresight "Russia": The Future of technologies, economy and man" (St. Petersburg, April 3, 2019)]. In: Bodrunov S. D. (Eds.) (2020) The new industrial society: origins, reality, the future. Noonomy. Vol. IV (Selected materials of seminars, publications and events of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) on the concept of a new industrial society of the second generation and the new nooindustrial development of society). St. Petersburg: INID. P. 83–91.

V. V. Arkhipova¹². Integration Processes in the World Economy: a Nooapproach and Development of Eurasian Space. Within the current conditions and realities – namely, aggravation of inter-country conflicts, continuous chains of financial and economic crises, unpredictable epidemics and pandemic, increasing threats and risks to the existence of humanity – issues of integration and solidarity are becoming particularly relevant. At the same time, the existing theories of integration and approaches to its interpretation, identification of stages and evaluation of results are very specific due to the concentration mainly on economic and political-economic processes, as well as often because of their "sharpening" for the European Union. The purpose of this paper is to develop an alternative (to the "classical" one) approach to the determination and analysis of integration based on the theory of noonomy worked out by S. D. Bodrunov. The article provides evidence of an overestimating the results of European integration, based mainly on the creation in theory and practice of its idealized image of this continuously progressive and exemplary model that stands out from the rest of the world. The basic provisions and conclusions of noonomy, the "parallels" of this theory and the results of its "conjugation" with the theory of changing technological modes and the concept of changing world economic modes, worked out by S. Y. Glazyev, are presented. We enter the concept of "noo-integration", highlight its main stages and analyze the differences and correlation of its processes with classical integration. It is explained why noo-integration, without denying economic integration at the pre-noonomic stage of public life, turns out to be of a higher priority and more useful for the harmonious joint development of the Eurasian space and its participating countries than the classical integration model.

Keywords: integration, EU, noonomy, nootransition, EAEU, Eurasian area, noo-integration.

¹² *Violetta V. Arkhipova*, Senior Research Fellow of the Center for International Macroeconomics and International Economic Relations at the Institute of Economics of RAS (32 Nakhimovsky pr., Moscow 117218, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: q123zv@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-50-55

С. В. Кочетков¹, О. В. Кочеткова²

ИННОВАЦИОННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА КАК ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ СНИЖЕНИЯ МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Предложена модель построения инновационного состояния экономики региона. Обоснован процесс формирования инновационного состояния экономики региона. Разработаны система показателей регулирования и параметры прогностики инновационного состояния региональной экономики. Полученные результаты выступают базисом интенсификации экономики региона. Сформулированы практические рекомендации по созданию механизма устранения межтерриториального неравенства в нашей стране.

Ключевые слова: инновационное состояние, инновационный потенциал, инновационное развитие, интенсификация экономики, межтерриториальное неравенство.

УДК 330.341; 332.142.2

Введение

Повестка дня диктует необходимость перевода экономики России на инновационные рельсы с соответствующим изменением её структуры. В этом случае одну колею составляют научные исследования, а другую – процессы внедрения их результатов в производство. Задачи приведения их в соответствие и обеспечения бесперебойного движения российской экономики по ним должны решиться в ближайшее время.

Как будут выстроены эти рельсы, их взаимообусловленность (организация и управление этими процессами на уровне государства), так и будет осуществлён переход к экономике инноваций и её дальнейшему развитию – научно-технологическому прорыву и, как следствие, устранению межтерриториальных различий.

Цель исследования – научное построение механизма устранения межтерриториального неравенства в нашей стране.

Задачами являются:

- формирование инновационного состояния экономики региона;
- конструирование системы показателей регулирования инновационного состояния;
- разработка параметров прогностики инновационного состояния.

Теоретическая база

Особый интерес этот вопрос вызывает в условиях функционирования региональной экономики [2]. В настоящее время в нашей стране практически выведен из строя, деформирован механизм внедрения результатов научных исследований в производ-

¹ Сергей Вячеславович Кочетков, член Санкт-Петербургской региональной общественной организации Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», д-р экон. наук, e-mail: kochetkovsv@list.ru

² Олеся Вячеславовна Кочеткова, канд. экон. наук, e-mail: kochetkova.olesya@bk.ru

ство. Он не исследуется, на него не обращают никакого внимания (за редкими исключениями) [1, с. 7; 3].

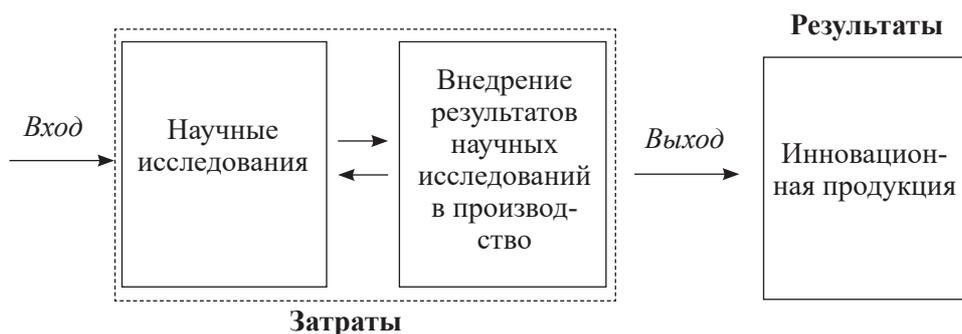
По указанным причинам имеющиеся подходы к сглаживанию межтерриториальных различий не позволили достичь нужных результатов [5, 6]. Требуется разработка новых способов и механизмов выравнивания в развитии регионов.

Как справедливо отмечено в работе [4, с. 3], инновационное развитие экономики является необходимой предпосылкой расширенного воспроизводства.

Модель инновационного состояния экономики региона

Взаимообусловленное развитие науки и техники – это процесс, совершаемый в рамках определённых общественных отношений в тесной связи с социальными процессами, происходящими в обществе. Влияние науки на производство посредством изменения его технической и технологической основы, размеры и характер воздействия во многом определяются производственными отношениями, характером собственности на средства производства.

Экономические и политические институты общества оказывают давление на развитие производительных сил: в принципе, они могут как тормозить инновационное развитие, так и стимулировать его в соответствии со своими экономическими и политическими целями. На этой базе инновационное состояние экономики региона выглядит следующим образом (см. рисунок).

Модель инновационного состояния экономики региона

В этой связи экономическая оценка инновационного развития заключается в оценке эффективности и интенсификации использования инновационного потенциала хозяйственной системы. Другими словами, процесс оценивается от зарождения идеи до её внедрения в производство, в конечном итоге – до освоения экономикой результатов научных достижений.

Результаты исследования

1. Процесс формирования инновационного состояния экономики региона

Само по себе воспроизводство следует рассматривать как понятие, определяющее смену элементов и состояний системы, как условие её сохранения и развития. Это означает, что для сохранения системы необходимо простое воспроизводство, т. е. достаточно замены каких-либо её элементов для поддержания нужного уровня. В свою очередь, расширенное воспроизводство обеспечивает развитие системы любого уров-

ня сложности. Мы говорим о смене состояний инновационного потенциала в результате его использования.

Рассмотрим инновационный потенциал региона в качестве объекта экономической оценки:

- на «входе» – труд учёных, выражаемый затратами на научные исследования, а также накопление капитала, характеризующееся затратами на внедрение их результатов в производство;

- «выход» – определяется объёмом инновационной продукции.

Такая конструкция инновационного потенциала региона раскрывает взаимосвязь между применяемыми ресурсами и зависимость между ними (выступающими в качестве используемых факторов) и полученными результатами.

2. Система показателей регулирования инновационного состояния экономики региона

Использование инновационного потенциала как важнейшего фактора повышения эффективности производства и интенсификации экономики региона влечёт за собой тщательный системный анализ основных направлений такого использования (осуществление прогрессивных структурных сдвигов, внедрение новой техники и технологии, новых материалов, методов организации и управления).

В этих условиях необходимо добиваться оптимального распределения всех видов ресурсов на каждое направление, полной и вместе с тем исключаяющей повторный счёт оценки затрат и результатов, связанных с направлениями (и конкретными мероприятиями).

В связи с этим система показателей регулирования инновационного состояния экономики региона включает в себя:

эффективность применения научных результатов в регионе:

$$\mathcal{E}_{\text{п.н.р.}} = \frac{P_1}{A + B_1 + B_2}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{\text{п.н.р.}}$ – эффективность применения научных результатов, р./р.; P_1 – объём продукции опытных производств, р.; A – затраты на науку, р.; B_1 – затраты на реконструкцию действующих предприятий и расширение производственных мощностей, р.; B_2 – затраты на создание опытных производств, р.;

эффективность распространения научных результатов в регионе:

$$\mathcal{E}_{\text{р.н.р.}} = \frac{P_2}{B_1 + B_2 + C}, \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_{\text{р.н.р.}}$ – эффективность распространения научных результатов, р./р.; P_2 – объём инновационной продукции, р.; C – затраты на создание новых производств (на накопление и распространение научных результатов в регионе);

эффективность использования инновационного потенциала региона (интегральная эффективность инновационного процесса на уровне региона):

$$\mathcal{E}_{\text{инт}} = \frac{P_2}{A + B_1 + B_2 + C}, \quad (3)$$

где $\mathcal{E}_{\text{инт}}$ – интегральная эффективность инновационного процесса, р./р.

Результаты расчётов данных показателей позволят правильно учитывать возникающие эффекты синергетического характера, включающие в себя в качестве состав-

ляющих непредвиденные (определяемые целостностью системы) и агломерационные (связанные с присоединением, накоплением и концентрацией элементов) эффекты. С этими явлениями особенно надо считаться при решении проблем рациональной специализации производства, территориального разделения труда, определения пропорций развития отраслей материального производства и непромышленной сферы, базисных отраслей и инфраструктуры.

3. Прогностика инновационного развития экономики региона

Анализ проблем инновационного развития хозяйственных систем требует всестороннего рассмотрения его экономических последствий, применения специальных параметров прогностики инновационного состояния экономики региона (см. таблицу).

Параметры прогностики инновационного состояния экономики региона

Параметры	Анализируемый период (например, годы)					
	2010		...		2020	
	В действующих ценах	В сопоставимом виде	В действующих ценах	В сопоставимом виде	В действующих ценах	В сопоставимом виде
Количество производственных предприятий как единиц экономики региона	...					
Валовой объём производства продукции		...				
Количество опытных производств			...			
Объём продукции опытных производств				...		
Количество новых производств					...	
Объём инновационной продукции						...

Подчеркнём, что при анализе параметров прогностики инновационного состояния экономики региона важен учёт сложных многоуровневых экономических структур региона. Здесь приходится особенно тщательно анализировать экономические последствия проводимых мероприятий.

В ряде случаев повышение эффективности производства на уровне отдельных предприятий может привести не к повышению, а к снижению этих характеристик на более высоком уровне иерархии (их объединений, отрасли, территории, региона в целом).

Обсуждение результатов

В процессе использования инновационного потенциала происходят существенные перемены в науке (закономерные качественные изменения), в использовании её результатов в промышленности (необратимые изменения), а также в распространении научных результатов в экономике региона (накапливаемые изменения). Углубление взаимосвязи этих этапов, растущая сложность инновационного развития определяют задачи качественного совершенствования интенсификации экономики региона.

Разрабатываемая сегодня новая государственная программа научно-технологического развития³ может стать принципиальной основой для постановки и конкретизации этих задач. Выдвигаемые стратегические установки, формы и средства осуществления планируемых преобразований должны быть комплексными, системными по своей природе и требуют концентрации усилий на всех этапах инновационного развития экономики и решения возникающих проблем.

Заключение

Полученные результаты: обоснованный процесс формирования, разработанные система показателей регулирования и параметры прогностики инновационного состояния экономики региона в совокупности составляют теорию измерения инновационного развития региона. Применение её основных положений позволит выделить основные направления интеграции науки и промышленности в России. На основе расчётов разработанных показателей представляется возможность сформулировать и научно обосновать задачу построения и обеспечения устойчивого развития пространственно-индустриальных систем. В свою очередь, их функционирование послужит основой для разработки концепции организации и управления наукой и производством в нашей стране. В целом, это представляет собой новый механизм устранения межтерриториального неравенства.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное будущее для глобального мира / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2 (72). – С. 5–23.
2. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / А. Г. Гранберг; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 4-е изд. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.
3. Ломовцева, О. А. Инструментарий измерения экономической эффективности инновационного потенциала / О. А. Ломовцева, С. В. Кочетков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2010. – № 19 (90). – С. 56–64.
4. Brown, M. (1966) *On the Theory and Measurement of Technological Change*. Cambridge University Press. 214 p.
5. Glinskiy, V. V., Serga, L. K., Alekseev, M. A. (2020) Territorial Differentiation as the Factor of Sustainable Economic Development. *Procedia Manufacturing*, 43, 263–268. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.02.152>
6. Sgroi, F. (2021) Territorial development models: A new strategic vision to analyze the relationship between the environment, public goods and geographical indications. *Science of The Total Environment*, 787, Article 147585. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.147585>

³ Заседание Совета по науке и образованию от 08 февраля 2021 года. <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.11.2022).

References

1. Bodrunov S. D. (2022) Novoye industrial'noye budushcheye dlya global'nogo mira [A New Industrial Future for a Global World]. *Economic Revival of Russia*, 2(72), pp. 5–23.
2. Granberg A. G. (2004) *Osnovy regional'noy ekonomiki* [Basics of the Regional Economy]. 4th edition. Moscow: Higher School of Economics. 495 p.
3. Lomovtseva O. A., Kochetkov S. V. (2010) Instrumentariy izmereniya ekonomicheskoy effektivnosti innovatsionnogo potentsiala [Set of Instruments for Measuring of the Economic Effectiveness of Innovative Capacity]. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Economics. Information technologies*, 19(90), pp. 56–64.
4. Brown M. (1966) *On the Theory and Measurement of Technological Change*. Cambridge University Press. 214 p.
5. Glinskiy V. V., Serga L. K., Alekseev M. A. (2020) Territorial Differentiation as the Factor of Sustainable Economic Development. *Procedia Manufacturing*, 43, pp. 263–268. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.02.152>
6. Sgroi F. (2021) Territorial Development Models: A New Strategic Vision to Analyze the Relationship Between the Environment, Public Goods and Geographical Indications. *Science of The Total Environment*, 787, Article 147585. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.147585>.

S. V. Kochetkov⁴, O. V. Kochetkova⁵. Innovative state of the region's economy is the main condition for reducing inter-territorial inequality. The article is devoted to the construction of the innovative state of the region's economy. To do this, a model of innovative state of the regional economy. It justified the formation of innovative state of the economy of the region. System indicators for regulation and parameters for prognostics the innovative state of the regional economy have been developed. The results obtained are the basis for an intensification of the regional economy. On this basis, practical recommendations were formulated for creating a mechanism for eliminating territorial inequality in our country.

Keywords: innovative state, innovative capacity, innovative development, economy intensification, territorial inequality.

⁴ *Sergei V. Kochetkov*, Doctor of Economics, the member of the St. Petersburg regional public organization of the All-Russian public organization The Free Economic Society of Russia, e-mail: kochetkovsv@list.ru

⁵ *Olesia V. Kochetkova*, Candidate of Sciences in Economics, e-mail: kochetkova.olesya@bk.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-56-66

И. В. Манахова¹, К. С. Хрупина²

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Рассматриваются четыре способа оценки уровня экономической безопасности России: 1) пороговый, предложенный учёными ИЭ РАН; 2) индикативный, представленный В. К. Сенчаговым и С. Н. Митяковым на основе пороговых значений; 3) институциональный (законодательный), его показатели закреплены в Стратегии экономической безопасности России до 2030 г.; 4) интегральный метод, применяемый И. А. Сушковой для оценки уровня финансовой безопасности. Приведены статистические данные и расчёты по данным способам в период 2012–2021 гг., выполнена оценка уровня экономической безопасности России в четырёх сферах. Представлена сравнительная характеристика данных способов, отражены положительные и отрицательные стороны каждого из них.

Ключевые слова: экономическая безопасность, показатели, способы оценки, мониторинг.

УДК 330.352

Актуальность научной проблемы

Экономика России сталкивается со множеством деструктивных факторов, оказывающих негативное влияние на экономическую безопасность страны. Глобальные технологические, экономические и социальные изменения в экономике усиливают обострение проблем экономической безопасности государства. Сложные, быстро меняющиеся условия, обусловленные пандемией коронавируса, новыми санкциями, экономическими ограничениями, создают новые опасности для дальнейшего развития России и актуализируют проблему обеспечения экономической безопасности страны. Для исследования динамики и состояния национальной экономической безопасности необходима своевременная оценка показателей, отражающих её реальный уровень.

Методология исследования

В настоящий момент в научной среде применяются 36 индикаторов с пороговыми значениями, предложенных учёными Института экономики РАН [1, с. 34]. В 2011 г. В. К. Сенчаговым и С. Н. Митяковым предложенные индикаторы были ранжированы в зависимости от степени риска. В 2017 г. Президент России подписал Стратегию эконо-

¹ *Ирина Викторовна Манахова*, профессор кафедры политической экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, 1), д-р экон. наук, профессор, e-mail: ManakhovaIV@mail.ru

² *Ксения Сергеевна Хрупина*, ассистент кафедры управления и предпринимательства Московского государственного гуманитарно-экономического университета (107150, РФ, Москва, ул. Лосиноостровская, 49), аспирант, e-mail: KhrupinaKS@mail.ru

мической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., в которой нашли отражение 40 показателей состояния экономической безопасности³. В 2018 г. И. А. Сушковой были применены дифференциальный и интегральный индексы отклонения индикаторов финансовой безопасности [4]. Краткая характеристика данных методов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Способы оценки уровня экономической безопасности государства

Способы (год)	Авторы	Характеристика
Пороговый (2008, 2010)	Сотрудники ИЭ РАН под руководством В. К. Сенчагова	36 индикаторов и их пороговые значения в сфере реальной экономики, социальной, денежно-финансовой и внешнеэкономической сферах
Индикативный (2011)	В. К. Сенчагов и С. Н. Митяков	Приведение значений к безразмерному виду, сопоставление полученных показателей с соответствующими пороговыми значениями и их ранжирование
Институциональный (законодательный) (2017)	–	Обозначено 40 показателей состояния экономической безопасности
Интегральный (2018)	И. А. Сушкова	Применение дифференциального и интегрального индексов отклонения индикатора финансовой безопасности

Теоретико-эмпирический анализ

Пороговый способ. Одними из первых показателей для оценки экономической безопасности страны стали индикаторы, предложенные в 2008 г. сотрудниками Института экономики РАН под руководством академика В. К. Сенчагова [2]; в 2010 г. данные индикаторы уточнялись в связи с изменениями экономической ситуации. Индикаторы объединены в 4 группы: сфера реальной экономики, социальная, денежно-финансовая и внешнеэкономическая сферы. Каждому индикатору присвоено пороговое значение, при переходе которого нарушается экономическая безопасность страны. Пороговые значения имеют формулировку «не менее», «не более», «не менее – не более», что позволяет рассматривать различные сферы экономики страны. Кроме того, они позволяют рассмотреть конкретный показатель в данный период времени и оценить его положение относительно порогового значения.

В *реальной экономике* статистические данные представлены для 8 индикаторов из 10, по двум индикаторам данные в официальной статистике не представляются, и их расчёт невозможен. Значения всех индикаторов в сфере реальной экономики находились ниже порогового уровня. В 2014 г. ситуация изменилась по показателю «Ежегодная доля ВВП, выделяемая на национальную оборону». В 2018–2020 гг. ситуация по данному индикатору ухудшилась, не достигнув порогового значения. Индикатор «Сбор зерна» превысил пороговое значение в 2016 г., далее происходили его колебания как в меньшую, так и в большую сторону, но ниже порогового значения индикатор не опускался. Объём ВВП в 2018 г. превысил пороговое значение, в 2019 г. произошёл даль-

³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902 (далее – Указ № 208).

нейший рост ВВП, в 2020 г. из-за пандемии коронавируса и введения ограничений произошло снижение ВВП, но значение осталось выше порогового. Значения остальных индикаторов в рассматриваемый период были ниже порогового уровня.

В *социальной сфере* представлены статистические данные по всем индикаторам. Индикатор «Соотношение численности людей пенсионного и трудоспособного возраста» длительное время был в пределах критического значения, только в 2018 и 2019 гг. создавалась угроза экономической безопасности. Отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму только в 2013 г. находилось в пределах порогового значения, в последующие годы значения индикаторов превышали пороговое, что создавало угрозу экономической безопасности. Показатель «Площадь жилья на одного жителя» в 2017 г. достиг порогового значения, и ситуация по данному индикатору ежегодно улучшалась. Остальные показатели находились вне уровня пороговых значений.

В *денежно-кредитной сфере* представлены значения по 7 индикаторам из 11. В данной сфере 4 индикатора на протяжении рассматриваемого периода были в пределах пороговых значений. Индикатор «Годовой уровень инфляции» находился в пределах пороговых значений только в 2016–2020 гг. Уровни монетизации экономики только в последние два года (2020 и 2021) достигли порогового значения и перестали создавать угрозу экономической безопасности страны. Сальдо федерального бюджета в 2016 и 2020 гг. было за пределами порогового значения, во все остальные годы наблюдался необходимый уровень для обеспечения экономической безопасности. Уставный капитал банков на конец года во все рассматриваемые годы находился за рамками порогового значения.

Из четырёх индикаторов во *внешнеэкономической сфере* представлены три. Доля импортного продовольствия на протяжении рассматриваемого периода находилась за пределами пороговых значений, в то время как индикатор «Отношение величины государственного внешнего и внутреннего долга к ВВП» не создавал угрозы для экономической безопасности страны. Сальдо внешнеторгового баланса из года в год было то в рамках, то вне порогового значения.

Индикативный способ. В 2011 г. в журнале «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» была опубликована статья В. К. Сенчагова и С. Н. Митякова. Авторы предложили методику мониторинга экономической безопасности, направленную на приведение показателей к безразмерной величине с помощью логарифмических функций, что позволило сравнивать различные показатели с помощью ранжирования их по зонам удалённости от пороговых значений, а также наличие обобщённых показателей по различным направлениям экономической безопасности [3, с. 43].

Для мониторинга проводится нормировка показателей [3, с. 43], в результате которой они принимают безразмерный вид, удобный для сравнения и анализа:

для порогового значения «не менее»

$$y = \begin{cases} 2^{(1-\frac{x}{a})/\ln\frac{10}{3}}, & \text{если } \frac{x}{a} > 1; \\ 2^{-\log_{10}\frac{a}{3x}}, & \text{если } \frac{x}{a} \leq 1, \end{cases}$$

где x – реальное значение индикатора; a – его пороговое значение;

для порогового значения «не более»

$$y = \begin{cases} 2^{(1-\frac{x}{a})/\ln\frac{10}{3}}, & \text{если } \frac{x}{a} < 1; \\ 2^{-\log_{10}\frac{1}{3x}}, & \text{если } \frac{x}{a} \geq 1, \end{cases}$$

где x – реальное значение индикатора; a – его пороговое значение.

Логарифмическая функция позволяет рассматривать изменение внутри сектора, а степенная сглаживает и отбрасывает незначительные показатели при сильном превышении порогового значения.

Для ранжирования рисков экономической безопасности предлагается использовать пять основных «зон риска» [3, с. 45] (рис. 1).

Каждая зона отражает уровень влияния показателей индикаторов на экономику страны – от практического отсутствия рисков до значительных угроз, требующих незамедлительного вмешательства в ситуацию (табл. 2).

Для наглядности и сравнения показателей экономической безопасности по годам построены лепестковые диаграммы (рис. 2–5).

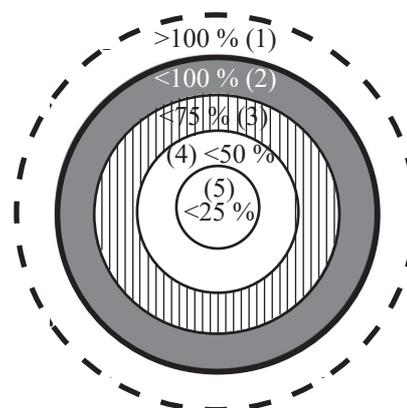

Рис. 1. Ранжирование рисков экономической безопасности [3, с. 45]

Таблица 2

Характеристика зон экономической безопасности [3, с. 45]

Зоны	Значения, %	Характеристика
1. Стабильности	>100	При выполнении комплекса определённых превентивных мер зона служит гарантом обеспечения высокого уровня экономической безопасности
2. Умеренного риска	75<100	Зона типична для целого ряда индикаторов и, как правило, не представляет значительных угроз
3. Значительного риска	50<75	Зона свидетельствует о нежелательности сложившегося положения, определяет необходимость анализа тенденций изменения соответствующих индексов
4. Критического риска	25<50	Зона свидетельствует о развитии кризисных явлений и требует стратегических решений для постепенного выхода в более безопасную зону
5. Катастрофического риска	<25	Зона является наиболее опасной и свидетельствует о наличии реальной угрозы экономической безопасности и требует немедленного вмешательства государства

В зоне катастрофического риска находился индикатор «Среднегодовые темпы прироста ВВП» в 2015, 2016 и 2020 гг., в 2015 и 2020 гг. наблюдалось падение темпа прироста ВВП, его значение оказалось отрицательным, что связано с кризисными ситуациями в стране. В 2013 и 2014 гг. данный индикатор находился в зоне критического риска; в 2012 и 2021 гг. – в зоне значительного риска. Расходы на гражданскую науку и доля инновационной продукции во всей отгруженной продукции весь рассматриваемый период находились в зоне критического риска, что отражает недостаточное финансирование науки. Индикатор «Ежегодная доля ВВП, выделяемая на государственную безопасность» весь рассматриваемый период располагался в зоне умеренного риска, но в 2021 г. из-за снижения расходов бюджета перешёл в зону значительного риска. «Объём инвестиций в основной капитал» располагался в зоне умеренного риска; остальные индикаторы – в зоне умеренного риска с последующим переходом в зону стабильности.

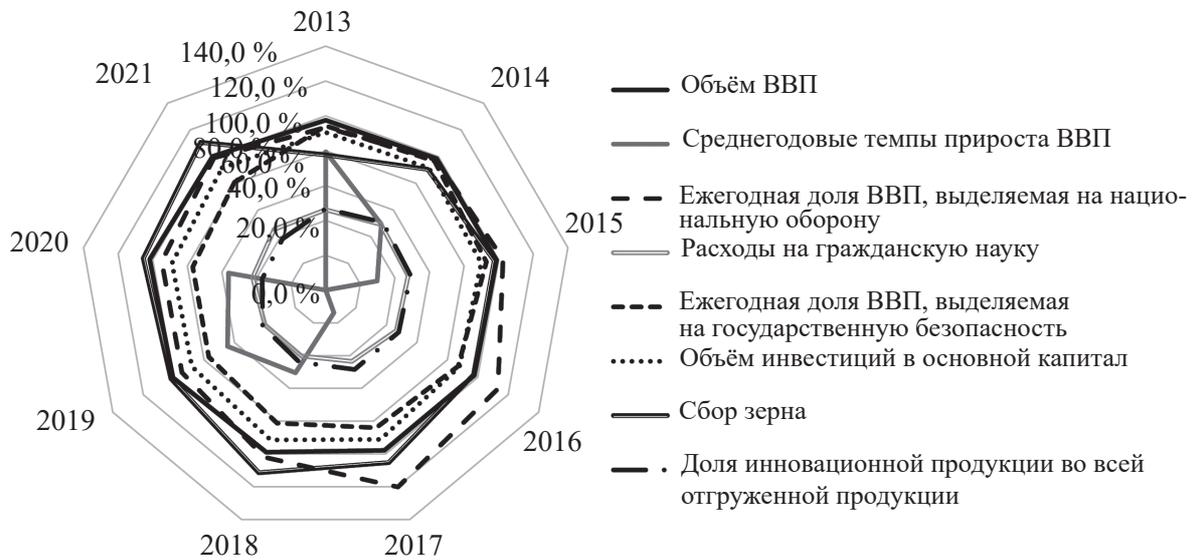

Рис. 2. Сфера реальной экономики

В зоне катастрофического риска в 2015–2018 гг. находился индикатор «Средства на здравоохранение, образование и культуру», в остальные годы он находился в зоне критического риска. «Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» и «Коэффициент фондов (соотношение доходов 10 % и 10% населения с низкими доходами)» находились в зоне значительного риска, что отражает сложность выхода в бо-

Рис. 3. Социальная сфера

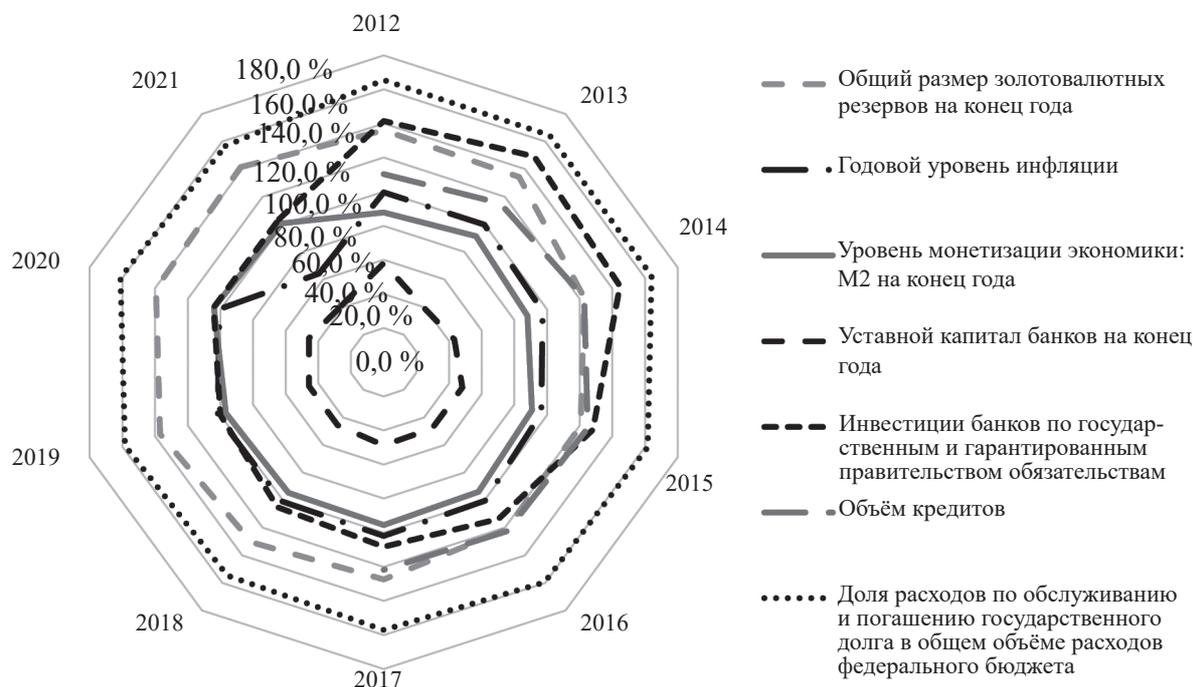

Рис. 4. Денежно-кредитная сфера

лее безопасную зону. Остальные индикаторы находились в зонах умеренного риска или стабильности и не создавали значительных угроз экономической безопасности.

«Уставный капитал банков» в период 2013–2021 гг. находился в зоне критического риска, хотя в 2012 г. располагался в зоне значительного риска. «Годовой уровень инфляции» в 2021 г. был в зоне значительного риска. Остальные индикаторы располагались в зонах стабильности или умеренного риска и не представляли значительных угроз для экономической безопасности страны.

Доля импортного продовольствия в 2012–2014 гг. находилась в зоне значительного риска с последующим переходом в зону стабильности, а индикатор «Отношение величины государственного внешнего и внутреннего долга к ВВП» – в зоне стабильности и не создавал угрозы для экономической безопасности страны.

Институциональный (законодательный) способ. В Стратегии эконо-

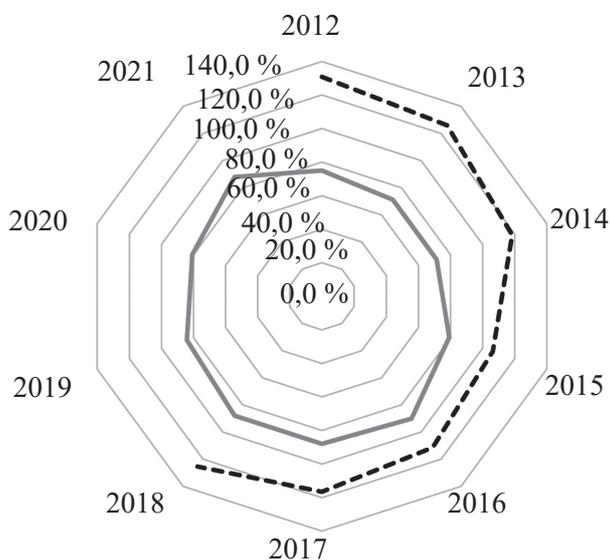

Рис. 5. Внешнеэкономическая сфера:
— — доля импортного продовольствия;
--- — отношение величины государственного внешнего и внутреннего долга к ВВП

мической безопасности законодательно закреплены 40 показателей состояния экономической безопасности, которые имеют разноплановый характер и оценивают следующие характеристики⁴: ВВП, инвестиции, производство, финансы, бюджет, рынок труда, инновации, экспорт и импорт, уровень жизни граждан, торговля, преступность (рис. 6).

На официальном сайте Федеральной службы государственной статистики представлена информация для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации, но многие показатели имеют ссылки на сайты других ведомств. Некоторые показатели представляются раз в два года, что затрудняет комплексное рассмотрение состояния экономической безопасности, по четырём показателям информация в официальных источниках отсутствует.

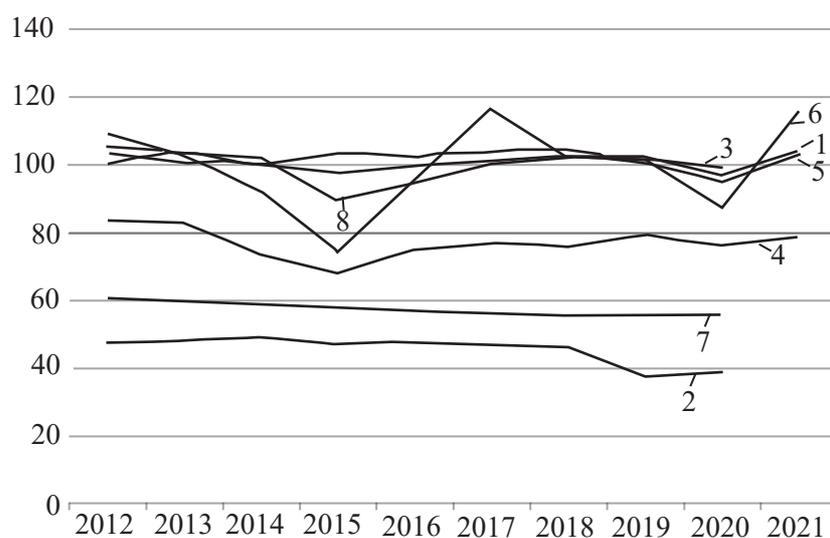

Рис. 6. Динамика показателей состояния экономической безопасности, закреплённых в Стратегии экономической безопасности до 2030 г., %⁵: 1 – индекс физического объёма валового внутреннего продукта; 2 – степень износа основных фондов; 3 – индекс производительности фондов; 4 – индекс денежной массы (денежные агрегаты М2); 5 – индекс физического объёма экспорта; 6 – индекс физического объёма импорта; 7 – доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения; 8 – оборот розничной торговли

⁴ Указ № 208.

⁵ Официальный сайт Международного валютного фонда. Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/Home>; Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>; Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/>; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>;

В Стратегии перечислены показатели, по которым можно оценить состояние экономической безопасности, но нет пороговых значений или критического уровня, поэтому рассмотрение возможно только в динамике «уменьшается» или «увеличивается» значение показателя. Сравнение показателей между собой невозможно, так как они носят разноплановый характер.

Интегральный способ. В 2018 г. И. А. Сушкова для расчёта финансовой безопасности страны применила дифференциальный и интегральный индексы [4, с. 102] (табл. 3).

С математической точки зрения для проведения количественной оценки индикаторов наиболее целесообразным следует признать метод дифференциального исчисления:

$$D_i = \frac{|P - I_f|}{P},$$

где D_i – дифференциальный индекс отклонения индикатора финансовой безопасности; P – пороговое значение индикатора финансовой безопасности; I_f – фактическое значение индикатора финансовой безопасности.

При использовании дифференциального индекса необходимо учитывать следующее: если фактическое значение находится в пределах порогового, то дифференциальный индекс отклонения индикатора финансовой безопасности равен 0, так как отсутствует угроза экономической безопасности страны.

Для количественной оценки И. А. Сушкова применила интегральный индекс отклонения:

$$D_{in} = \frac{\sum_{i=1}^n D_i}{N},$$

где D_{in} – интегральный индекс отклонения индикатора финансовой безопасности; D_i – дифференциальный индекс отклонения по конкретному индикатору финансовой безопасности; N – количество индикаторов, участвующих в исследовании.

Таблица 3

Расчёт показателей по дифференциальным и интегральным индексам⁶

Индикатор	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	D_{in}
Сфера реальной экономики	0,32	0,32	0,33	0,41	0,36	0,34	0,35	0,36	0,43	0,15	0,34
Социальная сфера	0,44	0,39	0,37	0,42	0,41	0,39	0,40	0,39	0,39	0,42	0,40
Денежно-финансовая сфера	0,12	0,14	0,15	0,13	0,12	0,11	0,14	0,13	0,12	0,13	0,13
Внешнеэкономическая сфера	0,33	0,40	0,40	0,25	0,10	0,13	0,13	0,35	0,45	0,25	0,28

Дифференциальный и интегральный индексы отклонения показателей позволяют рассматривать индикаторы в сравнении по годам и значения одного индекса за весь рассматриваемый период, а также определять интегральный индекс отклонения в конкретной сфере и в конечном итоге – оценивать уровень экономической безопасности

⁶ Официальный сайт Международного валютного фонда. Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/Home>; Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/>; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>; Официальный сайт Банка России. режим доступа: <https://www.cbr.ru>.

по различным параметрам и ранжировать их по степени опасности и негативного влияния на экономику страны (табл. 4).

Таблица 4

Ранжирование отклонений дифференциальных и интегральных индексов финансовой безопасности [4, с. 102]

Зоны	Значения	Характеристика
Катастрофических угроз	$D_i(D_{in}) > 1,00$	Зона является наиболее опасной и свидетельствует о наличии реальной угрозы финансовой безопасности и требует немедленного вмешательства
Критических угроз	$1,00 \geq D_i(D_{in}) \geq 0,75$	Зона свидетельствует о развитии кризисных явлений и требует стратегических решений для постепенного выхода в более безопасную зону
Значительных угроз	$0,75 \geq D_i(D_{in}) \geq 0,50$	Зона свидетельствует о нежелательности сложившегося положения, определяет необходимость анализа тенденций изменения соответствующих индексов
Умеренных угроз	$0,50 \geq D_i(D_{in}) \geq 0,25$	Зона достаточно типична для целого ряда индикаторов и, как правило, не представляет значительных угроз
Отсутствия угроз	$D_i(D_{in}) < 0,25$	Выполнение комплекса определённых превентивных мер служит гарантом обеспечения высокого уровня финансовой безопасности

Сфера реальной экономики за рассматриваемый период по всем индикаторам располагалась в зоне умеренных угроз. Три индикатора: среднегодовые темпы прироста ВВП, расходы на гражданскую науку и доля инновационной продукции во всей отгруженной продукции располагались в зоне критических угроз, но отсутствие угроз по другим показателям нивелировало уровень угроз для реальной сферы экономики. Социальная сфера расположена в зоне умеренных угроз, но индексы «Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума во всем населении» и «Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% и 10% населения с низкими доходами)» – в зоне катастрофических угроз. Денежно-финансовая сфера за рассматриваемый период по рассматриваемым показателям находится в зоне отсутствия угроз, хотя индикатор «Уставный капитал банков на конец года» – в зоне значительных угроз. Внешнеэкономическая сфера по всем индикаторам находится в зоне умеренных угроз.

При рассмотрении дифференциального индекса отклонения по годам увеличение угроз происходило в 2015 г. и 2020–2021 гг., что связано с кризисными ситуациями в стране.

Выводы и рекомендации

Показателями оценки уровня экономической безопасности государства являются разнообразные индикаторы ВВП, инвестиции, производство, финансы, бюджет, рынок труда, инновации, экспорт и импорт, уровень жизни граждан, торговля, преступность. Рассмотрены четыре способа оценки уровня экономической безопасности (табл. 5).

Сравнение способов оценки уровня экономической безопасности государства

Критерий	Пороговый	Индикативный	Законодательный	Интегральный
Комплексность исследования	+	+	+	+
Сравнение показателей	-	+	-	+
Простота применения	+	-	+	+
Динамика	+	+	+	+
Наглядность	-	+	-	+
Интерпретация результатов	-	+	-	+

Пороговый способ позволяет сравнить фактическое значение с критическим, но не даёт возможности сравнивать показатели между собой, что усложняет интерпретацию результатов. *Индикативный* способ на основе порогового позволяет ранжировать риски экономической безопасности, что делает рассмотрение наглядным, а результаты сравнимыми. *Институциональный* способ законодательно закрепляет 40 индикаторов состояния экономической безопасности, которые рассматривают различные сферы государства, но рассмотрение данных индикаторов возможно только в динамике, отсутствуют пороговые значения и возможность сравнения показателей. *Интегральный* способ позволяет рассматривать индексы в сравнении по годам, значения одного индекса за весь рассматриваемый период, а также определять интегральный индекс отклонения в конкретной сфере, что даёт возможность оценивать уровень экономической безопасности по различным параметрам и ранжировать их по степени опасности и негативного влияния на экономику страны.

Список литературы

1. Бюджет России: развитие и обеспечение экономической безопасности / под ред. д-ра экон. наук, проф. В. К. Сенчагова. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 384 с.
2. Сенчагов, В. К. Экономическая безопасность России: Общий курс / В. К. Сенчагов. – 5-е изд. – М.: БИНОМ, 2015. – 818 с.
3. Сенчагов, В. К. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности / В. К. Сенчагов, С. Н. Митяков // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 5. – С. 41–50.
4. Сушкова, И. А. Актуальные проблемы обеспечения финансовой безопасности России / И. А. Сушкова // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века: сб. науч. ст. – Саратов, 2018. – С. 102–115.
5. Экономическая безопасность: учебник для студентов, обучающихся по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность / под ред. д-ра экон. наук, проф. И. В. Манаховой. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. – 304 с.

References

1. Senchagov V. K. (2022). Biudzhzet Rossii: razvitie i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti : monografiia [Russian budget: development and economic security, monograph]. Moscow, INFRA-M, 2022. (In Russ.).

2. Senchagov V. K. (2015). Ekonomicheskaja bezopasnost' Rossii. Obshchii kurs [Economic security of Russia. General course]. Moscow. (In Russ.).

3. Senchagov V. K., Mityakov S. N. (2011). Ispol'zovanie indeksnogo metoda dlia otsenki urovnia ekonomicheskoi bezopasnosti [Using the index method to assess the level of economic security]. Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], No. 5, pp. 41–50. (In Russ.).

4. Sushkova I. A. (2018). Aktual'nye problemy obespecheniia finansovoi bezopasnosti Rossii [Actual problems of ensuring the financial security of Russia]. Ekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: vyzovy XXI veka. Sbornik nauchnykh statei. [Economic Security of Russia: Challenges of the 21st Century. Collection of scientific articles]. Saratov, pp. 102–115. (In Russ.).

5. Manakhova I. V. (2019). Ekonomicheskaja bezopasnost' [Economic security]. Saratov, SSEI of Plekhanov Russian University of Economic (In Russ.).

I. V. Manakhova⁷, K. S. Khrupina⁸. A Comparative Analysis of Russian Economic Security Assessment Methods. The article discusses four methods for assessing the level of Russia's economic security, which include: 1) the threshold method proposed by the scientists of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2) the indicative method presented by V. K. Senchagov and S. N. Mityakov based on threshold values, 3) institutional (legislative), the indicators of which are enshrined in the Economic Security Strategy of Russia until 2030, 4) integral method proposed by I. A. Sushkova to assess the level of financial security. Statistical data and calculations for these methods in the period from 2012 to 2021 are given, an assessment is made of the level of economic security of Russia in the sphere of the real economy, social, monetary and financial and foreign economic spheres. A comparative characteristic of these methods is carried out, the positive and negative aspects of each of them are reflected in order to assess the level of economic security.

Keywords: economic security, indicators, methods of assessment, monitoring.

⁷ *Irina V. Manakhova*, Professor of the Department of Political Economy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia), Professor, Doctor of Economics, e-mail: ManakhovaIV@mail.ru

⁸ *Ksenia S. Khrupina*, Assistant of Department of Management and Entrepreneurship, Moscow State University of Humanities and Economics (49 Losinoostrovskaya, Moscow, 107150, Russia), e-mail: KhrupinaKS@mail.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82

Д. Ю. Файков¹, Д. Ю. Байдаров²

НА ПУТИ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ПРАКТИКА, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дано авторское определение технологического суверенитета, рассмотрены теоретические и практические подходы к его формированию, предложены практические пути его укрепления. Отмечено, что разнообразие теоретических подходов к его исследованию требует согласования целевых установок, терминологии, методик и пр. На основании анализа существующего правового поля, статистики, сравнения с иностранным опытом выявлена необходимость построения правовой базы технологического суверенитета, усиления системы научно-технологического прогнозирования, актуализации перечня критических технологий, учёта и поддержки формируемых ими цепочек создания стоимости, усиления внимания к развитию науки и образования. Предложены варианты юридического оформления технологического суверенитета и включения их в управленческую практику, способы использования существующих в оборонно-промышленном комплексе организационных механизмов для укрепления технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологическая безопасность, критические технологии, оборонно-промышленный комплекс, прогнозирование научно-технологического развития.

УДК 330.352

Введение

Тема технологического суверенитета в его современном виде появилась в российском общественно-политическом пространстве в 2019 г.³ Термин «технологический суверенитет» кажется вполне понятным – «независимость в технологическом плане», «мы все можем сделать сами» и пр. – что делает его привлекательным для публицистического и пропагандистского стиля. Однако применение термина к постановке управленческих задач (что уже происходит⁴) требует серьёзного внимания к его научному и

¹ Дмитрий Юрьевич Файков, ведущий специалист ФГУП «Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики» (607188, РФ, Саров, пр. Мира, 37), д-р экон. наук, доцент, e-mail: cat1611@mail.ru

² Дмитрий Юрьевич Байдаров, директор департамента поддержки новых бизнесов Госкорпорации «Росатом» (119017, РФ, Москва, ул. Б. Ордынка, 246), канд. юр. наук, e-mail: d_baydarov@mail.ru

³ Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60971> (дата обращения: 23.11.2022).

⁴ По анализу газеты «Ведомости», термин «технологический суверенитет» на начало ноября 2022 г. фигурировал в 32 различных актах федеральных органов власти. «Минпромторг предложил способ достичь технологического суверенитета» // Ведомости. 03.11.2022. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/03/948680-minpromtorg-predlozhil-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 23.11.2022).

практическому наполнению. Необходимо выработать определение технологического суверенитета, обосновать критерии его достижения, оценить действия, которые должны привести к укреплению технологического суверенитета, и т. д.

Теоретические подходы

Понимание необходимости технологического суверенитета отмечалось в управленческой практике государств ещё в 1960-х гг. [1], однако активный интерес к нему появился в XXI в., что связано с нарастающими деформациями глобального мирохозяйственного порядка. Выделим несколько подходов, используемых при исследовании технологического суверенитета.

Политический подход: *технологический суверенитет рассматривается как часть государственного.* Этот подход основан на исторически сложившейся трактовке понятия «суверенитет» как государственного суверенитета, под которым обычно понимается верховная власть над неким политическим образованием (политико-территориальной единицей) и независимость во внешних и внутренних делах [1,2]. Технологический суверенитет (в отличие от государственного⁵) не включает в себя полный спектр властных и политических отношений, хотя относится к определённой территории. Технологический суверенитет часто рассматривается как составная часть экономического, который является составляющей государственного суверенитета [2,3]. Такую методику можно назвать «цепочкой суверенности», в которой технологический суверенитет представляется как часть государственного.

Подход с точки зрения безопасности. Часто внимание уделяется влиянию технологического суверенитета на обеспечение национальной безопасности [4]. Согласно методике «цепочки суверенности», научно-техническая безопасность является частью экономической безопасности и, следовательно, безопасности национальной⁶. При этом принципиально важно, что безопасность достигается не догоняющим развитием, разработкой и производством технологий «не хуже, чем у конкурентов», а развитием перспективных и передовых направлений. Например, в Стратегии национальной кибербезопасности Китая прямо записано, что «развитие – это основа безопасности, а не-развитие – это величайшая незащищённость»⁷.

Технологический подход. В его основе лежит понимание технологического суверенитета как зависимости государства от наличия определённых технологий, а также науки как базы для их создания и соответствующего производства как способа преобразования этих технологий в готовую продукцию. В рамках технологического подхода затрагиваются несколько основных вопросов:

1. *Критические (ключевые, стратегические⁸) технологии.* Такое название получили технологии, необходимые для обеспечения национальной безопасности и эффективного функционирования национальной экономики⁹. Однако содержание термина в разных странах несколько отличается, к тому же оно менялось со временем.

⁵ В последнее время появились вполне устоявшиеся понятия «продовольственный суверенитет», «цифровой суверенитет» и пр. [1].

⁶ В определённом смысле это заложено в Стратегии национальной безопасности РФ, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

⁷ National Cyberspace Security Strategy. <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (дата обращения: 23.11.2022).

⁸ В иностранных источниках понятия критические, ключевые и стратегические технологии используются как синонимы [3,6].

⁹ Краткая история возникновения термина приведена в [6].

Так, в США термин претерпел некоторые смысловые изменения, но они лишь усиливали взаимосвязь критических технологий и национальной безопасности:

- 1989 г.: «технологии, имеющие существенное значение для обеспечения долгосрочной национальной безопасности и экономического процветания Соединенных Штатов»;

- 2007 г.: «технологии ..., которые имеют существенное значение для национальной обороны» (цит. по [5]);

- 2020 г.: «технологии ... для преимуществ национальной безопасности Соединенных Штатов, включая военные, разведывательные и экономические преимущества»¹⁰.

В ЕС ключевой характер технологиям придавала их конкурентоспособность и возможность развития экономики. И лишь в последние годы к ним добавились оборонные задачи:

- 1983 г.: «технологии ..., необходимые для промышленных инноваций» [7];

- 2021 г.: «технологии ..., которые связаны с обороной и национальной безопасностью, ... с сохранением областей технологической конкурентоспособности, определяют национальное благосостояние, то есть связаны с технологическим потенциалом, необходимым для обеспечения, продвижения и проведения приемлемой политики преобразований» [8].

Российский подход делит критические технологии на «военные»¹¹ (имеют «важное значение для обороны страны и безопасности государства») и остальные, которые можно условно назвать «гражданскими» («имеют важное социально-экономическое значение»)¹². К «гражданским» критическим технологиям, по мнению РАН, относятся «прорывные, обладающие наибольшим инновационным потенциалом»¹³, которые «имеют широкий потенциальный круг конкурентоспособных инновационных приложений в разных отраслях экономики и вносят в совокупности наибольший вклад в реализацию приоритетных направлений развития науки, технологий и техники»¹⁴.

В отличие от американского подхода, говорящего о преимуществах, то есть лидерстве в технологиях, российский и европейский подходы оперируют понятиями *догоняющего* развития – о «конкурентоспособности» технологий.

Среди экономических характеристик критических технологий к наиболее важным относят широту их применения и конкурентные преимущества (как текущие, так и будущие [9]).

2. Лидерство на рынке технологий. Для развития технологий необходим широкий международный рынок. В этом случае появляется возможность использовать эф-

¹⁰ National Strategy for Critical and Emerging Technologies.

¹¹ См., например: Особый задел // Военное обозрение. 09.03.2017. <https://topwar.ru/110554-osobyy-zadel.html?ysclid=lauovb9wnw113296643> (дата обращения: 11.11.2022).

¹² Цитаты – из Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

¹³ Доклад «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации» / Российская академия наук, 2021 <https://www.inr.ru/rus/2021/doclad-ran.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).

¹⁴ Пояснительная записка к проекту указа Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

фект масштаба, а также внедрять свои технические стандарты, блокирующие или ослабляющие позиции конкурентов. Именно так сегодня действуют крупные ТНК, развивая технологии в разных странах, скупая новые появляющиеся технологии, в том числе для минимизации конкуренции [10].

3. *Действия и права государства в отношении ключевых технологий.* Рассматриваются возможности и способности государств совершать различные действия и иметь различные права в отношении критических технологий: выявлять, выбирать, оценивать; разрабатывать; использовать; распоряжаться и пр. [2,7]. Защита прав собственности на критические технологии оценивается как один из способов обеспечения технологического суверенитета [10].

4. *«Национальность» критических технологий.* В этом вопросе не существует единой точки зрения ни среди отечественных, ни среди зарубежных специалистов. Считая, что выбор, разработка, использование критических технологий должны минимально зависеть от иностранных контрагентов, и реально оценивая невозможность создания всех технологий в рамках одной национальной экономики, учёные полагают, что технологии могут быть разработаны в сотрудничестве с дружественными странами [10] или с использованием технологических возможностей «надёжных партнеров» [3]; создаваться путём локализации критически значимых технологий [11]. Однако, существует точка зрения, что критические технологии должны быть созданы исключительно национальной экономикой (например, [12]).

Данный вопрос сильно связан с политикой, это заметно по изменению акцентов в трактовке технологического суверенитета Президентом РФ в зависимости от политической ситуации: 2015 г.: «научный и технологический суверенитет ... – способность ... обеспечить лидерство по ряду ключевых направлений, когда от российских технологий будут зависеть [зарубежные] партнеры, и при этом мы будем способны быстро впитывать и использовать чужие наработки»¹⁵; 2022 г.: технологический суверенитет – «создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов»¹⁶.

Политическая составляющая в области критических технологий является приоритетной и в США. Они прямо указывают стратегических конкурентов, а также причины и цели сотрудничества с «союзниками и партнёрами»: «Стратегические конкуренты, такие как КНР и Россия, предприняли целенаправленные общегосударственные усилия по критическим и новым технологиям и делают крупные стратегические инвестиции, чтобы взять на себя ведущую роль. В результате лидерство Америки в определённых секторах критических и новых технологий сокращается». Признавая, что «для Соединённых Штатов неосуществимо лидерство во всех аспектах каждой технологической области ..., США будут сохранять чёткое лидерство в наиболее приоритетных областях критических и новых технологий. В высокоприоритетных областях США будут вносить равный вклад со своими союзниками и партнёрами. В остальных областях новых технологий Соединённые Штаты будут надлежащим образом управлять любыми рисками для национальной безопасности»¹⁷.

¹⁵ Заседание Совета по науке и образованию 24.06.2015. <http://science.gov.ru/events/sten/2049/> (дата обращения: 30.11.2022).

¹⁶ Выступление Президента РФ на Пленарном заседании ПМЭФ 2022. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-plenarnogo-zasedaniya-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-17-06-2022.html?ysclid=lb3f04pwhc895328498> (дата обращения: 30.11.2022).

¹⁷ National Strategy for Critical and Emerging Technologies.

5. *Необходимость развития науки.* Критические технологии невозможно развивать без собственной научной базы. Западные учёные подчёркивают, что технологический суверенитет должен быть по всей цепочке – от фундаментальной науки до широкого внедрения технологий [2,3,8]. Российские специалисты, учитывая современные реалии, акцентируют внимание на приоритетном развитии прикладной науки [13].

Идеологический подход. Концепция технологического суверенитета легла в основу такого идеологического течения, как технонационализм [14]. Его можно представить как стремление государств к развитию научно-технического потенциала и сохранению его в пределах своей территории [15], иными словами, как идеологию, противоположную техноглобализации [16]. Считается, что концепция технонационализма появилась как реакция США на технологическое развитие Японии во второй половине XX в. [14]. Идеологическую окраску технонационализма подчёркивает его деление на «гражданский» (в отношении Японии, Кореи, Сингапура и пр.) и «военный», в безусловные апологеты которого записаны Китай и Россия [1].

Современная разновидность технонационализма – неотехнонационализм – родилась в немалой степени под влиянием технологического противостояния США и Китая. Она отличается политической экспансией на мировом уровне через экстерриториальное продвижение своих технических стандартов, формальных и неформальных правил; введением санкций и запретов; созданием альянсов государств и управлением ими в своих интересах [3,15]; созданием препятствий для расширения влияния других стран; попытками преференциального доступа к глобальным научно-технологическим и производственным ресурсам [11]. Идеология технонационализма (как традиционного, так и нового) привязана к конкретным странам, и её агрессивность зависит от уровня страны в технологической иерархии [16].

Критика концепции технологического суверенитета. Движение в сторону технологического суверенитета или рассмотрение возможностей его построения в разных странах сегодня можно считать сложившейся тенденцией, что подтверждается не только российской (скорее – антироссийской) действительностью, но и политикой Китая, США, стран ЕС [17]. Несмотря на такую практику, в научном осмыслении технологического суверенитета присутствуют и критические взгляды. Технологический суверенитет не предполагает полной отмены международного обмена, поскольку ни одна страна не может полагаться только на собственные возможности и размер своего рынка [3]. В то же время указывается (прежде всего европейскими и американскими авторами), что технологический суверенитет ведёт к неэффективному распределению ресурсов [17]; препятствует сотрудничеству; создаёт риски фрагментации рынков и потенциально несовместимых стандартов и норм [16]. В идеологическом подтексте технологический суверенитет представляется как противоположность интеграции и глобализации [10] и определяется как националистическая концепция [3]. Показательно мнение канадских учёных: «...мы отмечаем, что позитивное восприятие суверенитета чаще всего встречается за пределами США. В США понятие «цифровой суверенитет» (или иное схожее по смыслу) имеет негативную коннотацию», поскольку «во многих работах по рассматриваемой проблематике понятие «суверенитет» используется как противоположность ведущей роли США» [1].

Практические аспекты технологического суверенитета

Даже краткий теоретический обзор понятия «технологический суверенитет» показал его глубину и разносторонность. Рассмотрим конкретные меры по укреплению технологического суверенитета, которые предпринимаются в РФ.

Правовая основа технологического суверенитета. Опираясь на методику «цепочки суверенности», отметим, что и нормативно-правовое понимание технологического суверенитета должно быть связано с понятиями более высокого уровня – экономическим и государственным суверенитетами. На сегодня эта сторона технологического суверенитета остаётся слабо проработанной.

Прямое определение экономического суверенитета и отсылки к принципам определения технологического суверенитета содержатся в документах уровня стратегий, утверждаемых указами Президента РФ:

- понятие «экономический суверенитет» закреплено в Стратегии экономической безопасности РФ¹⁸: «...объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств»;

- в Стратегии национальной безопасности РФ есть отсылки к необходимости «обеспечения технологической независимости и конкурентоспособности страны ...», преодоления «критической зависимости российской экономики от импорта технологий, оборудования и комплектующих...»;

- в Стратегии научно-технологического развития РФ¹⁹ расшифровывается понятие независимость: «достижение самостоятельности в критически важных сферах жизнеобеспечения за счет высокой результативности исследований и разработок и практического применения полученных результатов».

Прямого определения понятия технологический суверенитет в российском законодательстве пока нет. Его разработка является важной для формирования полноценной регуляторной политики в долгосрочной перспективе.

Критические технологии. Список критических технологий обычно составляется экспертным путем – представителями промышленности, государственных органов, науки и пр., это характерно и для России, и для США, и для ЕС [5, 6]. Эти списки

Таблица 1

Критические и перспективные технологии разных стран*

Китай	Германия
Информационные технологии	Микроэлектроника
Аэрокосмическое оборудование	Новые материалы
Зелёная энергетика и экологичные транспортные средства	Совершенствование производственных процессов
Робототехника	Информационно-коммуникационные технологии
Морское инженерное оборудование и высокотехнологичный морской транспорт	Энергетика и защита климата
Железнодорожное оборудование	Оптика и лазеры
Энергетическое оборудование	Биотехнологии
Новые материалы	Медицина
Медицина и медицинское оборудование	
Сельскохозяйственная техника	

*Составлено авторами по: Fraunhofer-Gesellschaft Annual Report 2021 <https://www.fraunhofer.de/ePaper/Annual-Report/2021/index.html#136> (дата обращения: 20.10.2022) [18].

¹⁸ Утверждена Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

¹⁹ Утверждена Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

различаются в разных странах (табл. 1,2), что зависит от стратегических приоритетов государства, уровня развития технологий в стране, возможностей доступа к иностранным технологиям и пр. Несмотря на различия в списках практически всех государств присутствуют базовые технологии, имеющие широкое применение; на них основываются возможности создания многих других технологий. К ним можно отнести информационные технологии, новые материалы, микроэлектронику, энергетические технологии и пр.

Перечень критических технологий в РФ состоит из 27 пунктов, среди которых крупнее всего можно выделить: технологии для создания перспективных видов вооружения и военной техники, новые материалы, биомедицинские технологии, компьютерное моделирование, технологии атомной энергетики, информационные, энергетические технологии, технологии разведки и разработки полезных ископаемых, создания электронной компонентной базы, ракетно-космические и пр.²⁰

Рассмотрим изменения в американском перечне критических технологий во времени (см. табл. 2). Мы разделили списки на технологии, которые без изменений присутствуют в списках 2020 и 2022 гг., и те, которые поменялись. В первой категории в основном

Таблица 2

Критические и перспективные технологии США*

Технологии	2020 г.	2022 г.
Не поменявшиеся в списке	Передовые вычисления Передовые инженерные материалы Передовое производство Искусственный интеллект Биотехнологии Коммуникационные и сетевые технологии Человеко-машинные интерфейсы Квантовая информатика Полупроводники и микроэлектроника Космические технологии	Передовые вычисления Передовые инженерные материалы Передовое производство Искусственный интеллект Биотехнологии Коммуникационные и сетевые технологии Человеко-машинные интерфейсы Квантовые информационные технологии Полупроводники и микроэлектроника Космические технологии и системы
Изменившиеся в списке	Передовые технологии в области обычных вооружений Передовые сенсоры Технологии авиационных двигателей Сельскохозяйственные технологии Автономные системы Технологии смягчения последствий химического, биологического, радиологического и ядерного загрязнения Наука о данных и их хранение Технологии распределённого реестра Энергетические технологии Медицинские технологии и общественное здравоохранение	Передовые технологии газотурбинных двигателей Расширенное сетевое зондирование и управление сигнатурами Передовые ядерно-энергетические технологии Автономные системы и робототехника Направленная энергия Финансовые технологии Гиперзвуковые технологии Сетевые датчики и зондирование Производство и хранение возобновляемой энергии

*Составлено авторами по: National Strategy for Critical and Emerging Technologies; Critical and Emerging Technologies List Update. 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/02-2022-Critical-and-Emerging-Technologies-List-Update.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).

²⁰ Перечень критических технологий, утверждённый Указом Президента РФ от 07.07.2011 № 899.

сосредоточены базовые технологии, и они не поменялись. Во второй категории технологии, направленные на улучшение благосостояния общества, заменены технологиями, приоритетное развитие которых навечно текущими политическими мотивами.

В России также предусмотрена корректировка списка критических технологий. Согласно законодательству, она осуществляется не реже одного раза в шесть лет. Эту работу проводит межведомственная группа на основе материалов, которые заинтересованные структуры (в инициативном порядке? – прим. авт.) направляют в Министерство науки и высшего образования РФ²¹. Такой порядок слабо отвечает современным вызовам.

Развитие технологических цепочек. Производство сложной технической продукции – это длинная технологическая цепочка, начиная от материалов и оборудования и заканчивая готовым изделием, его эксплуатацией, обслуживанием и ремонтом. Критические технологии являются частью этой цепочки, даже если они рассматриваются как достаточно широкие (включают не одну технологию, а «набор близких по решаемым задачам технологических областей» [6]).

С этой точки зрения поддержка критических технологий государством должна затрагивать стратегические цепочки создания стоимости, включая сопутствующие области (исследования, инвестиции, образование и пр. [3]), что требует согласованных действий, т. е. планирования [10].

Примеры подобной поддержки начинают появляться. Например, участие крупнейших российских компаний и корпораций в развитии отдельных высокотехнологичных направлений можно оценивать как создание технологических цепочек (включающих критические технологии). К этим направлениям относятся: новые производственные технологии, технологии новых материалов и веществ, новые поколения микроэлектроники и создание электронной компонентной базы, технологии передачи электроэнергии и распределённых интеллектуальных энергосистем, квантовые вычисления, искусственный интеллект, интернет вещей и др.²² Такой механизм решения государственной задачи, на наш взгляд, может быть перспективным с точки зрения укрепления технологического суверенитета. Однако, он требует особой системы управления, предусматривающей достаточно широкие полномочия для исполнителей и ответственность за её выполнение.

Рынок технологий. С точки зрения темы исследования полезно оценить рынки критических технологий. В связи с отсутствием такой статистики будем ориентироваться на общую активность технологического развития в стране. Такой подход приемлем, поскольку критические технологии в большей степени представляют широкую технологическую область, требуя для своего воплощения в готовый продукт множества взаимосвязанных технологий. Уровень технологического развития в стране можно оценить, например, по патентной активности.

По количеству патентных заявок Россия занимает 8 место в мире и заметно отстаёт от лидеров технологического развития – Китая, США, Японии, Кореи (рис. 1).

²¹ Постановление Правительства РФ от 22.04.2009 № 340 «Об утверждении Правил формирования, корректировки и реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

²² Развитие отдельных высокотехнологичных направлений. Белая книга. М.: ВШЭ, 2022. 187 с. https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aace99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf?ysclid=1b4p4torni48664081 (дата обращения: 28.11.2022).

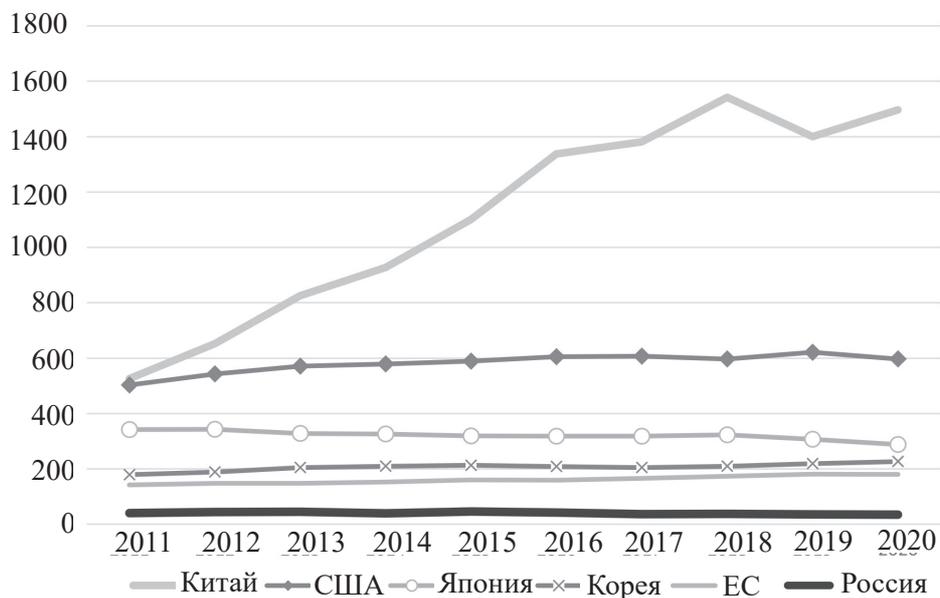

Рис. 1. Количество патентных заявок по странам, тыс. шт.: ЕС – Европейская патентная организация (составлено авторами по: WIPO IP Statistics Data Center <https://www.wipo.int/ipstats/ru/index.html> (дата обращения: 21.11.2022))

Относительно небольшое количество патентов усложняет (как минимум, удорожает) продвижение технологий на международные рынки.

Более опасной тенденцией является снижение патентной активности в стране (рис. 2). Если уменьшение количества патентных заявок нерезидентов обусловлено

Рис. 2. Патентные заявки в России, тыс. шт. (составлено авторами по: WIPO IP Statistics Data Center https://www.wipo.int/ipstats/ru/statistics/country_profile/profile.jsp?code=RU; Роспатент в цифрах и фактах 2021. <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2021-short-version.pdf>. (дата обращения: 24.11.2022))

внешними причинами, то снижение количества патентных заявок резидентов требует целенаправленной государственной политики. Не перечисляя все беды и боли отечественной науки, сошлёмся на мнение А. Н. Клепача: «Наука, похоже, самое провальное направление экономической политики за последнее десятилетие. Ни в одной другой сфере такого расхождения между словами и делами нет. Очевидно, что решить задачу ... экономического и технологического суверенитета без опережающего развития науки, особенно прикладной, невозможно» [13].

Прогнозирование технологического развития

В научных работах, посвящённых технологическому суверенитету и критическим технологиям, часто делается акцент не только на сегодняшних, но и на перспективных возможностях и угрозах [2,9]. Об этом же говорится, например, в Национальной стратегии критических и перспективных технологий США: «Технологическое лидерство потребует прогнозирования, расстановки приоритетов из-за ограниченных ресурсов ... и периодической переоценки по мере развития технологий»²³.

В РФ научно-техническое прогнозирование также имеет место. В оборонной сфере исторически сложилась цельная система прогнозирования и перспективных исследований, проведения «задельных» работ, в том числе с привлечением учреждений Российской академии наук²⁴. Результаты последних лет в области выпуска современного вооружения и военной техники подтверждают эффективность этой системы. В гражданской сфере дела несколько хуже: «...прогноз научно-технологического развития РФ разрабатывается каждые шесть лет на двенадцать и более лет»²⁵. Сегодня действует прогноз²⁶, принятый в 2014 г.

Необходимость укрепления технологического суверенитета требует более актуальных прогнозов, системы их составления и доведения до заинтересованных лиц. Необходимо профессиональное и постоянное (не дискретное) прогнозирование угроз (в том числе ещё не появившихся), направлений научного и технологического развития, перспективных технологий.

Обсуждение

Определение технологического суверенитета. Рассмотрев разные аспекты технологического суверенитета, можно отметить определённый разнобой в его научной трактовке (учитывая, в том числе, и подходы в разных странах), недостаточное юридическое толкование, разное понимание в общественно-политическом дискурсе (что понятно, поскольку в текущей ситуации на первый план часто выходит эмоциональная окраска). Исходя из этого предпринята попытка сформулировать определение технологического суверенитета, которое включает основные характеристики данного явления. С авторской точки зрения, *технологический суверенитет – это возможность и способность страны независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии.* Дадим некоторые пояснения.

²³ National Strategy for Critical and Emerging Technologies.

²⁴ Особый задел // Военное обозрение.

²⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

²⁶ Утвержден Правительством РФ № ДМ-П8-5 от 03.01.2014.

Возможность производить и использовать технологии – это наличие в стране науки (фундаментальной и прикладной); *способность* – наличие промышленности, которая по своему уровню и объёму готова использовать разработанные технологии и производить достаточное количество готовой продукции.

Возможность и способность *выбирать* технологии подразумевает наличие достаточного научно-аналитического и прогнозного аппарата, который может выделить и оценить ключевые приоритеты научно-технического развития и необходимые технологии; *создавать* – наличие отечественных организаций и специалистов, способных самостоятельно их разрабатывать; *приобретать* – наличие дружественных стран разработанные в которых технологии могут быть применены в составе или в качестве критических без угрозы негативных последствий за их использование; *использовать* – наличие отечественных промышленных предприятий, способных применять эти технологии; *продвигать* – не только распространять технологии внутри страны, но и продавать их иностранным производителям.

«...технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии» – речь идёт не об обязательном геополитическом лидерстве России, а о том, что именно указанные технологии обеспечивают такое лидерство и преимущества любым странам, способным их разрабатывать и использовать. В то же время направленность США на однозначное лидерство и противостояние с РФ в технологиях позволяет утверждать, что от наличия собственных критических технологий прямо зависят возможность устойчивого экономического развития страны и формирование условий для государственного суверенитета.

«...в долгосрочном развитии» – постфактум технологический суверенитет обеспечить невозможно, для его укрепления и поддержания необходимы: прогнозирование, заделные научные исследования и технологические разработки.

Шаги по укреплению технологического суверенитета. Предложенное определение технологического суверенитета содержит указание на ряд механизмов и действий, необходимых в практической плоскости. Основываясь на предыдущих исследованиях²⁷, предлагаем ряд шагов, направленных на создание и развитие таких механизмов:

1. Обозначение не только критических технологий, определяющих возможность выпускать необходимую сегодня продукцию, но и перспективных, которые могут стать критическими через некоторое время. Один из возможных механизмов такого выбора – привлечение к процессу представителей оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В рамках поставленной Президентом РФ задачи по увеличению выпуска гражданской продукции организациями ОПК²⁸ целесообразно совместное формирование перспективных технологий представителями гражданского и оборонного секторов (в ОПК накоплен достаточный опыт такого прогнозирования).

²⁷ См, например, Файков Д. Ю., Байдаров Д. Ю. «Большой Саров»: явные и неявные эффекты территориального размещения науки // Экономическое возрождение России. 2021. № 4. С. 128–146; Файков Д. Ю., Байдаров Д. Ю. Диверсификация в атомной отрасли: современное состояние, особенности, перспективы // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2021. № 2. С. 41–49 и др.

²⁸ «Обращаю внимание: все намеченные планы [относительно выпуска гражданской продукции организациями ОПК] должны безусловно соблюдаться», – заявил В. В. Путин на заседании Военно-промышленной комиссии 18.09.2022. <https://www.interfax.ru/russia/727611> (дата обращения: 24.11.2022).

Государство должно формировать сеть исследовательских центров для оценки мировых тенденций в науке и технологиях, прогнозирования будущих направлений исследований, координации создания необходимых сегодня и перспективных технологий. Эти центры должны использовать опыт прогнозирования ОПК, РАН и пр.

2. Движение в сторону технологического суверенитета требует согласованной и стратегически выверенной государственной промышленной, технологической и торговой политики. Она должна предусматривать согласованность и планирование государственной поддержки разработок в области критических технологий и технологических цепочек, построенных на их основе, исследований в приоритетных областях и пр. Необходим преференциальный режим для отечественных разработчиков и производителей (как минимум, в областях применения критических и связанных с ними технологий) при наличии ответственности за качество продукции. Необходимо уделять внимание не только наличию критических технологий, но и экономической эффективности их использования, а также возможности их международного трансфера. Подобные меры государственной политики применяют практически все ведущие страны [3].

3. Понимание ограниченности ресурсов и необходимости их эффективного использования приводит к внедрению разных форм планирования. В этом плане российская экономика не является исключением – жёсткие условия международной конкуренции лишь усиливают значимость давно предлагаемых мер по построению системы планирования в области технологического и промышленного развития.

Обратимся к опыту ОПК. Помимо государственного оборонного заказа, который создаёт практически плановую систему управления и в теоретическом плане [19], и в практической деятельности (например, в госкорпорации «Росатом»), разрабатывается форма «государственного гражданского заказа», позволяющего оптимально использовать ресурсы ОПК для выпуска конкурентоспособной гражданской продукции.

4. Акцент на развитии науки и образования. Это – объёмный, разносторонний и длительный процесс, однако, говоря об укреплении технологического суверенитета, нельзя забывать о его стратегической важности. Научные исследования, в том числе фундаментальные, создают основу для развития высокотехнологичных отраслей экономики и минимизируют риски технологической зависимости от государств, которые стремятся ограничить доступ других стран к современным технологиям.

Без соответствующего уровня образования невозможно развитие науки и передовых высокотехнологичных производств. В этом плане необходимо более плотное сотрудничество крупных университетов с реальным сектором экономики и научными организациями. В качестве примера приведём создание филиалов МГУ имени М. В. Ломоносова в Сарове и Дубне, филиальную сеть МИФИ в «атомных» городах, прежде всего в закрытых административно-территориальных образованиях, и пр.

5. В современном мире достижение полного технологического суверенитета невозможно, поскольку ни одна страна не может самостоятельно создавать все необходимые технологии. Исходя из этого, юридическое толкование и применение понятия «технологический суверенитет» должно быть мягким. Оно может быть закреплено не в основополагающих нормативно-правовых актах, а на уровне стратегий; в инструкциях или методических указаниях приводятся принципы, которых организации должны придерживаться, исходя из необходимости движения к технологическому суверенитету (их можно назвать «принципами этики технологического суверенитета»). Это может быть преимущественное использование в производстве отечественных технологий, отечественного программного обеспечения, отечественных материалов и комплектующих и пр. Соответствие организаций данным принципам может учитываться при допу-

ске к государственным закупкам, приоритетности в использовании мер государственной поддержки и пр.

Заключение

Технологический суверенитет – относительно новая категория, которая широко вошла в политический оборот и оказывает влияние на управленческую практику. С научно-методологической точки зрения отмечается разнообразие подходов к его исследованию (что требует, как минимум, согласования целевых установок, терминологии, методик и пр.): политический подход представляет технологический суверенитет как часть государственного суверенитета; подход с точки зрения безопасности рассматривает его как способ обеспечения национальной безопасности; технологический подход основан на выделении критических технологий, определении их «национальности» и прав государства на них; идеологический подход связан с формированием идеологий лидерства государства через овладение технологиями.

В практическом плане отмечена важность укрепления правовой основы технологического суверенитета, построения системы прогнозирования научно-технологического развития, актуализации перечня критических технологий и учёта формируемых ими цепочек создания стоимости, рассмотрения науки и образования как основных частей системы технологического суверенитета.

Резюмируя проведенное исследование, предлагаем собственное определение технологического суверенитета, а также обоснование практических шагов по его укреплению: выбор критических и перспективных технологий с участием представителей ОПК и созданием сети исследовательских центров; формирование государственной политики и внедрение планирования в управление технологическим развитием; включение в юридическую и управленческую практику *принципов этики технологического суверенитета*.

Исследования в области технологического суверенитета находятся на начальном этапе. Данная публикация вносит посильный вклад в построение целостного понимания этого явления и в то же время ставит новые вопросы: каковы критерии достижения технологического суверенитета, как укрепление технологического суверенитета должно отразиться на системах управления разного уровня и пр.?

Список литературы

1. Couture, S. Toupin, S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? // *New Media & Society*, 2019. Vol. 21. No.10. P. 2305–2322. <https://doi.org/10.1177/1461444819865984>.
2. March C., Schieferdecker I. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky // CESifo Working Paper. 2021. No. 9139. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3872378>.
3. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy // *Intereconomics*. 2021. No. 6. p. 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.
4. *Афанасьев, А. А.* Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания / А. А. Афанасьев // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. – Т. 12, № 9. – С. 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243.
5. *Ковалева, Т. К.* Критические и возникающие технологии и национальная безопасность: новые инструменты государственного регулирования в США / Т. К. Ковалева // *Инновации и инвестиции*. – 2020. – №1. – С. 39–45.

6. Соколов, А. В. Метод критических технологий / А. В. Соколов // Форсайт. – 2007. – № 4. – С. 64–75.
7. Grant P. Technological sovereignty: Forgotten factor in the ‘hi-tech’ razzamatazz // Prometheus. 1983. Vol. 1. No. 2. P. 239–270.
8. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kroll H., Schubert T. Technological Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy: Defining Rationales, Means and Ends. Fraunhofer ISI Discussion Papers – Innovation Systems and Policy Analysis. No. 70.
9. Popper S. Critical Technologies. The View from Industry. Research Briefs No. RB-1503. RAND Corporation. 1998. DOI: <https://doi.org/10.7249/RB1503>.
10. Ештокин, С. В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны / С. В. Ештокин // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 1301–1314. DOI: 10.18334/vinec.12.311619.
11. Данилин, И. В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма / И. В. Данилин // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1. – С. 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43.
12. Галимулина, Ф. Ф. Цифровые инструменты управления промышленным предприятием в условиях укрепления технологического суверенитета / Ф. Ф. Галимулина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2022. – № 4 (95). – С. 65–72.
13. Клепач, А. Н. Российская экономика в новой геоэкономической реальности / А. Н. Клепач // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 3. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-45-51.
14. Reich R. The Rise of Techno-nationalism // The Atlantic. 1987. May.
15. Luo Y. Illusions of techno-nationalism // Journal of International Business Studies. 2022. No. 53, P. 550–567. <https://doi.org/10.1057/s41267-021-00468-5>.
16. Manning R. Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution // Global Asia. 2019. Vol. 14, No. 1. P. 14–21.
17. Maurer T., Skierka I., Morgus R., Hohmann M. Technological sovereignty: Missing the point? 7th International Conference on Cyber Conflict: Architectures in Cyberspace. 2015. pp. 53–68, doi: 10.1109/CYCON.2015.7158468.
18. Перская, В. В. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития / В. В. Перская, Н. С. Ревенко // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750010100-2.
19. Власкин, Г. А. Диверсификация ОПК как приоритетное направление построения высокотехнологичной отечественной промышленности / Г. А. Власкин // Вестник ИЭ РАН. – 2019. – №5. – С. 97–113. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10061.

References

1. Couture, S., Toupin, S. (2019) What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New Media & Society*, 21(10), pp. 2305–2322. <https://doi.org/10.1177/1461444819865984>.
2. March C., Schieferdecker I. (2021) Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky. CESifo Working Paper, No. 9139. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3872378>.
3. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021) European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics*, (6), pp. 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.

4. Afanasev A. A. (2022) Tekhnologicheskiy suverenitet kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 12(9), pp. 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243.
5. Kovaleva T. K. (2020) Kriticheskie i vznikayushchie tekhnologii i natsional'naya bezopasnost': novye instrumenty gosudarstvennogo regulirovaniya v SShA [Critical and Emerging Technologies and National Security: New Government Regulations in the United States]. *Innovation and investment*, (1), pp. 39–45.
6. Sokolov A. V. (2007) Metod kriticheskikh tekhnologiy [Method of critical technologies]. *Foresight*, (4), pp. 64–75.
7. Grant P. (1983) Technological sovereignty: Forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz. *Prometheus*, 1(2), pp. 239–270.
8. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kroll H., Schubert T. (2021) Technological Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy: Defining Rationales, Means and Ends. *Fraunhofer ISI Discussion Papers - Innovation Systems and Policy Analysis*, No. 70. Fraunhofer-Institut für System- und Innovationsforschung ISI, Karlsruhe.
9. Popper S. (1998) Critical Technologies. The View from Industry. *Research Briefs No. RB-1503*. RAND Corporation. DOI: <https://doi.org/10.7249/RB1503>.
10. Eshtokin S.V. (2022) Skvoznye tekhnologii tsifrovoy ekonomiki kak faktor formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta strany [End-to-end technologies of the digital economy as a factor in shaping a country's technological sovereignty]. *Russian Journal of Innovation Economics*, 12(3), pp. 1301–1314. DOI: 10.18334/vinec. 12.3.116193.
11. Danilin I. V. (2021) Amerikano-kitayskaya tekhnologicheskaya vojna cherez prizmu tekhnonatsionalizma [The U.S.-China technological war through the prism of techno-nationalism]. *Pathways to Peace and Security*, (1), pp. 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43.
12. Galimulina F. F. (2022) Tsifrovye instrumenty upravleniya promyshlennym predpriyatiem v usloviyakh ukrepleniya tekhnologicheskogo suvereniteta [Digital tools for industrial enterprise management in conditions of technological sovereignty strengthening]. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 4(95), pp. 65–72.
13. Klepach A. N. (2022) Rossiyskaya ekonomika v novoy geoekonomicheskoy real'nosti [Russian economy in the new geoeconomic reality]. *Economic Revival of Russia*, (3), pp. 45–51. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-45-51.
14. Reich R. (1987) *The Rise of Techno-nationalism*. The Atlantic. May.
15. Luo Y. (2022) Illusions of techno-nationalism. *Journal of International Business Studies*, (53), pp. 550–567. <https://doi.org/10.1057/s41267-021-00468-5>.
16. Manning R. (2019) Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution. *Global Asia*, 14(1), pp. 14–21.
17. Maurer T., Skierka I., Morgus R., Hohmann M. Technological sovereignty: Missing the point? (2015) 7th International Conference on Cyber Conflict: Architectures in Cyberspace, pp. 53–68, DOI: 10.1109/CYCON.2015.7158468.
18. Perskaya V. V, Revenko N. S. (2020) «Sdelano v Kitae 2025»: kitayskiy opyt obespecheniya zadach natsional'nogo razvitiya [«Made in China 2025»: chinese experience in achieving national development goals]. *Asia and Africa today*, (7), pp. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750010100-2.
19. Vlaskin G. A. (2019) Diversifikatsiya OPK kak prioritnoe napravlenie postroeniya vysokotekhnologichnoy otechestvennoy promyshlennosti [Diversification of the defence industry as

a priority direction in building high-tech domestic industry]. Bulletin of the IE RAS, (5), pp. 97–113. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10061.

D. Yu. Faykov²⁹, D. Yu. Baydarov³⁰. Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions. Strengthening technological sovereignty is becoming one of the key management tasks. However, in scientific terms, the topic needs serious study. The article discusses theoretical and practical approaches to the formation of technological sovereignty, gives the author's definition of technological sovereignty, and suggests practical ways to strengthen it. A variety of theoretical approaches to its study is noted, which requires the coordination of targets, terminology, techniques, etc. Based on the analysis of the existing legal framework, statistics, and comparison with foreign experience, the need to build a legal framework for technological sovereignty, strengthen the system of scientific and technological forecasting, update the list of critical technologies, account for and support the value chains formed by them, and increase attention to the development of science and education is revealed. Variants of the legal formalization of technological sovereignty and their inclusion in management practice, ways of using the organizational mechanisms existing in the military-industrial complex to strengthen technological sovereignty are proposed.

Keywords: technological security, critical technologies, military-industrial complex, forecasting of scientific and technological development.

²⁹ *Dmitry Yu. Faykov*, leading specialist Federal State Unitary Enterprise Russian Federal Nuclear Center - All-Russian Research Institute of Experimental Physics (37 pr. Mira, Sarov, Nizhny Novgorod Oblast, 607188, Russia), Doctor of Economics, Associate Professor, e-mail: cat1611@mail.ru

³⁰ *Dmitry Yu. Baydarov*, Director of the Department of Support for New Businesses Rosatom State Atomic Energy Corporation (24B ul. Bolshaya Ordynka, Moscow, 119017, Russia), PhD in Law, e-mail: d_baydarov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-83-90

*В. Б. Сироткин*¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА: ОТ БУРЖУАЗНО-ПРОМЫШЛЕННОГО К ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ ФИНАНСОВОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Рассмотрен процесс преобразования форм экономического господства на Западе. Указаны средства расширения господства и процессы, сопутствующие изменению ранга ценностей в современном капиталистическом обществе.

Ключевые слова: господство, смысл, повседневность, безопасность, преобразование, поведение.

УДК 330.352

Предварительные замечания

1. Согласно немецкому социологу, философу и историку Макс Веберу (1864–1920), протестанты в XVI в. возвели экономический успех в религиозное призвание [1]. В результате в Европе возник более нигде не существовавший буржуазно-промышленный капитализм, основанный на рациональной организации свободного труда.

Этот тип западного капитализма коренным образом отличался от других его типов: авантюристического (нацелен на войну, грабеж, захват добычи), фискального (ориентирован на откуп налогов, займы государству и церкви, участие в государственных проектах), спекулятивного (опирающегося на дефицит товаров). В буржуазной капиталистической экономике центральное место принадлежало частному предпринимателю, труд юридически свободен, а приобретение, конкуренция и рациональность выступают двигателями прогресса.

Российский историк и публицист Д. Травин (р. 1961) отмечает факторы, обеспечившие появление и расширение активности и платежеспособного спроса у европейцев [2]:

- прекращение в X–XI вв. набегов викингов, арабов, венгров на богатых европейцев;

¹ Владислав Борисович Сироткин, профессор кафедры бизнес-информатики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (190000, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, 67), д-р экон. наук, профессор, e-mail: sirotkin1948@bk.ru

- возникновение в средневековых городах Европы² защиты прав собственности. Ни Папа Римский, ни император не имели сил, чтобы полностью подчинить себе крупные города и вынуждены были считаться с долгосрочными интересами бюргеров;

- возможность выхода к морю и развитие левантийской торговли;

- усиление Генуи и Венеции в эпоху крестовых походов. За счёт кредитования крестоносцев города получали привилегии от церкви;

- финансовая деятельность. Католическая церковь была крупнейшим собственником в Европе. Источниками доходов являлись уплата церковной десятины, поступления от собственности (монастырей и пр.), паломничество по святым местам, индульгенции и пр. С XIII в. итальянские банкиры авансировали проекты пап денежными средствами в обмен на право собирать церковные доходы. Известная часть взимаемых доходов церкви оседала в банках и составила первоначальное накопление для развития городов. Заработанные на операциях с церковью деньги банковский бизнес распространил на кредитование государей и предпринимателей.

Дмитрий Травин указывает [3]:

а) Модернизация – это стремление уподобиться самым сильным и авторитетным. Главные орудия модернизации – соблазн и угроза, зависть и страх перед сильными; главный тормоз – угроза насилия.³

б) Главный генератор перехода к европейскому лидерству – борьба людей за устранение насилия или угрозы насилия. Вытеснение грабежа, обмана, разбоя работой позволило «оседлым бандитам»⁴ дальновидно руководить хозяйством, захваченным с помощью оружия. В современном мире гораздо легче купить всё, что можно завоевать.

Переопределение смысла господства от насилия к безопасному быту позволило европейцам модернизировать организацию и управление и обрести благополучие.

Альтернативой буржуазно-промышленному капитализму Европы выступали системы, ориентированные на получение экономической ренты. Рента служит обогащению правящей верхушки олигархии и связанной с ней бюрократии. В современном мире государственно-монополистический финансовый капитализм позволяет извлекать ренту из неподконтрольной эмиссии денег.

2. Российский и немецкий филолог и философ Игорь Смирнов (р. 1941 г.) утверждает [4]:

а) Смысл руководит людьми, программирует практику и, будучи материализованным, формирует порядок/социокультуру. Важно, чтобы индивид поверил в смысл, тогда смысл будет управлять поведением, а не ритуал или шаблон.

Смысл, изобретённый умом, есть связь замещаемого (вещь, явление) с замещающим (слово, понятие). Смысл возникает из подстановки одного на место другого.

² К началу XIV в. в Европе было 11 городов с населением по 50 тыс. человек, 6 из них расположены в Северной Италии: Венеция, Милан, Флоренция, Болонья, Генуя, Сиена, Париж, Лондон, Палермо, Гент (Фландрия).

³ Только в 1572 г. Москва избавилась от угрозы захвата и порабощения крымским ханом – наместником турецкого султана. У брода через Оку объединённое войско опричников и земства, преодолев разногласия, разбило татар.

⁴ В теории малых групп интересов Мансура Олсона оседлый/стационарный бандит (в отличие от кочевого) руководит захваченной территорией и часть полученных доходов использует для её экономического развития.

б) В дуальной схеме умозаключений (хорошо – плохо, Я – Другой и т. д.)⁵ смысл может получить основание либо в прошлом, либо в будущем: прогресс – традиция, изменения – консервация и др.

Повседневность/быт/обыденность – это понятия, отображающие/замещающие настоящее. Современность присваивает новизну, ориентированную на моду и одновременно на традиции. Бытом руководят разнонаправленные тенденции, которые разрушают существующие идеи/смыслы.

в) Трансформация смыслов и способов их материализации предназначена для самосохранения и передачи жизни от поколения к поколению. Смыслы нестабильны во времени, поэтому дать им определение на все времена невозможно. Развитие идей направлено на придание существующему символическому порядку иной направленности. При переходе от старого к новому существующие ценностно-смысловые позиции происходящего утрачивают силу.

После Второй мировой войны массовое сознание на Западе устало от дефицитного тоталитарного бытия и отказалось от «больших рассказов»⁶, утверждающих необходимость жертвовать настоящим ради прошлого или будущего.

В западных обществах проникновению в смысл мешают обвинения в пропаганде инакомыслия. Некритическое понимание смысла вещей консолидирует общество. Упадок творческой активности в обществе выступает платой за солидарность [5].

Трансформация смыслов и способов их материализации

Развитие идей направлено на придание существующему символическому порядку иной направленности. В средневековых европейских обществах господствовала идея спасения: загробная (вечная) жизнь приобретала для индивида большую значимость, чем повседневная мирская жизнь. Духовенство во главе с Папой формулировало и «продвигало» господство указанного смысла существования человека. По мере перехода европейцев от принципа «прокормления» к принципу наживы и вытеснения власти церкви светской властью формы воплощения идеи господства, управляющие европейскими обществами, трансформировались.

Смысл повседневности, доминирующий после Второй мировой войны, предполагал сбережение среднего человека, нарастающую разумность социума, предоставляющего средства защиты от кризисов и стрессов. Погружение в повседневность представлялось убежищем, обеспечивающим безопасность индивида.

Бюрократизация есть закрепощение самообразования смысла поведения его формой. Апория формы и смысла/содержания повседневности расширяет запретительное

⁵ Дуальный разум – источник страданий, разрыва между должным и сущим, идеями и жизнью. Большинство видит спасение от страданий в том, чтобы сузить круг мыслей до непротиворечивого, отказаться от новых идей. Творческое меньшинство предлагает защититься от противоречий игрой в бисер – поиском удовлетворительных комбинаций желаний, идей, теорий, удовольствий, мифов, позволяющих обрести кратковременное равновесие. Такое равновесие разнонаправленных смыслов разрушается жизнью. Привыкание к смыслу приводит к разочарованию.

⁶ Журнал «Time» объявил в 1938 г. А. Гитлера человеком года. В 1939 г. Гитлер был номинирован на Нобелевскую премию мира вместе с Ф. Рузвельтом, Чемберленом и Ганди. Премия не была присуждена никому из них. В 1939 г. Гитлер напал на Польшу и началась Вторая мировая война. Психиатр, обследовавший в 1932 г. Гитлера, поставил диагноз: неспособность принимать инаковость, дегенеративная примитивность.

законодательство и устанавливает предел благополучию текущей жизни. Текущая жизнь выставляется не тем, что есть, а тем, что о ней говорят. Общество, возбуждённое успехами, меняет правила и «затягивает пояса».

В XX в. массы, возмущённые длительными лишениями, утвердили культ в честь самих себя. На Западе в результате доминирования представления о превосходстве настоящего появилось общество потребления.

Подчинив себя прагматизму и получив автономию, повседневность расширялась и усиливала средства для обеспечения безопасности текущей жизни (пенсионные и страховые фонды, банки, налоги, социальные взносы и др.). В возникшей «социальности» средства для укрепления безопасности текущей жизни по ценностной значимости стали превосходить благополучие индивидуальной жизни.⁷ Власть социальных убежищ, подчинив себе текущую жизнь индивида, уже не защищает его благополучие. Расход ресурсов на обеспечение безопасности жизни ставит предел благополучию. Символическая и дисциплинарная системы воспроизводят себя и не ориентируются на удовлетворение потребностей граждан.

Политические и экономические средства укрепления безопасности расширяют господство дисциплинарной власти⁸ – формы текущей жизни, влияющие на её содержание. Индивид теряет возможность самостоятельно (меняя роли) приспособляться к ситуации. Его принуждают быть однорольным и подчиняться правилам перехода от одной роли к другой. Подобная трансформация позволяет учреждениям и бюрократиям усилить контроль и регулировать поведение индивида.

В условиях опасности представители господствующего порядка могут пытаться осуществлять переоценку значения происходящего. Исследователь политической истории России Яков Гордин (р.1935) указывает [5]:

а) После победы над шведами под Полтавой в 1709 г. Пётр I стал готовиться к реваншу Карла XII. Царь предполагал мобилизовать ресурсы России путём ограничения казнокрадства. В конце 1714 г. был обнародован закон, призванный безжалостно и бескомпромиссно искоренять коррупцию.

б) Расследования злоупотреблений показали, что по масштабам воровства государственного достояния всех превосходили близкие к Петру I руководители государства (Меньшиков, братья Соловьёвы, Кикины, Волконский и др.).

в) В 1715 г. Пётр I осознал, что бессилён в борьбе с тотальным воровством и ложью, и утратил уверенность в своей безопасности. Генерал-адмирал Апраксин и канцлер Головин были прощены, а любимец Меньшиков отделался огромным штрафом.

г) Царь понял, что увлечь своих соратников важной идеей, ради которой он жил, не удалось и ему следует покупать лояльность влиятельных мошенников. Военно-бюрократическая утопия была той средой, в которой выросло корпоративное единство русской бюрократии. Коррупцированная администрация объединяла влиятельных олигархов и чиновников.

⁷ После мирового финансово-экономического кризиса в 2009 г. правительство США оказало огромную материальную помощь за счёт налогоплательщиков крупным финансовым организациям, не допустив их банкротства. Безопасность крупных работодателей оплатили из доходов домохозяйств.

⁸ Дисциплинарная власть, в отличие от суверенной, – это распределённая власть. Она ограничивает возможности перемещения во времени и пространстве, алгоритмизирует поведение по установленным правилам.

д) С 1715 г. Пётр I переориентировал своё внимание с воровства на государственную измену и раскрытие заговоров. Пока те, кого называют ворами и мошенниками, воюют между собой, они не представляют угрозы для царя. Участь наследника Алексея Петровича, притягивающего к себе противников царя, была предрешена. В государствах, где законом о передаче власти пренебрегают, воля к власти равноценна воле к жизни. Утративший власть правитель, как правило, уничтожается.

Средства и последствия расширения экономического господства

К. Маркс утверждал, что любая органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки. Развитие такой системы в направлении целостности состоит в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него недостающие ей элементы.

В каждой эпохе есть свои способы/институты реализации экономического господства. На Западе формой политического господства выступает либеральная демократия. Формы политического и экономического господства правящего меньшинства взаимосвязаны и взаимозависимы.

Современный государственно-монополистический финансовый капитализм на Западе движется в направлении подавления самости/индивидуальности/субъективности/самостоятельности индивида, сопротивляющейся расширению господства правящего меньшинства.

Воплощением указанной формы экономического господства являются:

а) Цифровизация и информатизация. Интернет стремится объединить человечество и готовит антропологическую революцию. Цифровизация открывает путь всеобщему снижению интеллекта, деградации общественного мнения.

Повседневность ориентирована на ординарного человека. Получив в пользование интернет, такой человек получил возможность:

- утверждать собственную общезначимость и быть заместителем всего сущего;
- распространять профанные мнения, опровергающие существующие смыслы/идеи;

- подменять социокультуру множеством оценок того, что есть.

В результате символической инфляции теряют силу традиционные ценностно-смысловые позиции и исчезают различия между добром и злом.

Цифровизация обеспечивает технические и организационные средства, чтобы подменять повседневность дисциплинарным порядком, поставить ценности порядка выше ценности текущего существования индивида. Препятствуя спонтанности поведения, средства упорядочивания и алгоритмизации лишают индивида гибкости, приспособления к меняющейся среде, ситуационного поведения – ослабляют его безопасность.

б) Рост долговых обязательств государства, бизнеса и домохозяйств. Бесконтрольное печатание долларов, рост долларовой денежной массы и снижение стоимости долговых обязательств по-новому структурирует западное общество. Быт, объединённый долгом, нельзя считать убежищем. На смену среднему классу, платежеспособный спрос/потребление которого стимулировало экономический рост, пришло население, обременённое долгами, но с высокими запросами. На Западе уменьшается масса пролетариата и растёт доля прекариата⁹. Этот малозащищённый и растущий слой людей (молодёжь,

⁹ Прекариат (от лат. угрожающий, нестабильный, неустойчивый) – люди без постоянной занятости, стабильного заработка и социальных гарантий, обеспеченных работодателем и государством.

пожилые, нетрудоспособные, мигранты и пр.), не способных или не умеющих приспособиться к существующей форме экономического господства, включает и специалистов с высшим образованием, вынужденных соглашаться на любую работу. Уровень жизни в США падает, и логика, навязанная остальному миру: «мы печатаем деньги, вы продаёте товары» – пробуксовывает.

в) Экономизация политической жизни. Существует установка на то, что обоснование политических решений, определяющих целесообразность институтов общества, следует осуществлять согласно рыночным моделям по принципу минимизации транзакционных издержек¹⁰. Указанный принцип ломает механизмы коллективной самозащиты от рыночного либерализма (регулирование тарифов, антимонопольное законодательство, законы о страховании работников и пр.). Товарная форма проникает в систему социальных связей и разрушает безопасность повседневной жизни домохозяйств. Деньги становятся единственным средством защиты от насилия. Уничтожается все, что препятствует рыночному обмену. Социальные отношения превращаются в товар. Индивид не может уклониться от рыночной игры с окружением.

Заключение

1. Существует риск принять изменение формы за изменение смысла/сущности явления или предмета.

В современную эпоху место идей заняли технологии. Создан непрерывно совершенствующийся мощнейший инструментарий по внушению любого абсурда. В литературной и изобразительной ткани смыслы отодвигаются зрелищными эффектами. В политике и экономике модернизируется/инициируется очередной гротеск¹¹. Понятия и символы, вменяемые обновляемым/реформатируемым вещам и процессам, не соответствуют их реальному содержанию. Положительное представляют как отрицательное, и наоборот.

Политическая элита живет по своим логическим, моральным и эмоциональным законам. Разнообразные аспекты идеологических манипуляций правящей группы определяют представления общественных наук. Подлинное развитие общества гораздо сложнее, противоречивее и циничнее отображаемого общественными науками.

Периодам кризиса в социуме сопутствуют перемены в отображении реальных вещей. Процесс смены форм господства идёт через столкновение социальных групп и новых идеологий.

2. Можно предположить, что смысл¹² – это производное (отображение) от доминирующей ценности (от того, что обладает положительной значимостью для человека), заключенной/содержащейся в предмете или явлении. В таком случае представители правящего, а также творческого меньшинства и внутреннего пролетариата, из которых, согласно теории цивилизаций А. Тойнби, состоит общество, могут вкладывать в одно и то же явление различный смысл. Например, внутренний пролетариат

¹⁰ Один из основоположников современной институциональной экономической теории, лауреат Нобелевской премии 1991 г. Рональд Коуз (1910–1913) доказал, что рыночный обмен обеспечивает более низкие транзакционные издержки, а вмешательство государства их увеличивает.

¹¹ Гротеск – способ формообразования, сочетающий реальное и фантастическое, правдоподобное и карикатурное, трагическое и комическое.

¹² Формулировать определение термина смысл в долгосрочном периоде невозможно, поскольку существование человека нестабильно во времени [1].

видит смысл экономической формы в улучшении повседневной жизни трудящихся, правящее меньшинство – в реализации своего господства внутри страны и за рубежом, а творческое меньшинство – в преодолении разрыва между должным и сущим. Одержимость толерантностью и политкорректностью, охватившая общества Запада, не позволяет называть вещи своими именами и вникнуть в смысл происходящего. Разнобой мнений, нежелание подчиняться общезначимым критериям погружают социокультуру Запада в субъективность и кризис разума. Кризису представлений разума способна противостоять воля к власти. Воля приводит вещи в соответствие друг с другом, устраняя двоичность представлений, и принуждает к смыслу в собственной редакции.

3. Большинство полагает, что смысл господства государства – благополучие его граждан. Английский историк Арнольд Тойнби (1889–1975) указывал, что универсальное государство¹³ – это средство самозащиты правящего меньшинства для сохранения своего господства [7]. Желание хозяев универсального государства удержаться любой ценой не может преодолеть распада. Забота о самосохранении – мощный мотив для консервации общества, объединённого таким господством, включения в государственную систему сохранившихся автономных элементов общества. Конструирование охранительных учреждений – главная задача универсального государства и средств консервации самого общества. Сегодня США – это универсальное государство, претендующее на мировое господство и защищающее правящее меньшинство. Структура работает не на граждан, а на производство себя самой. Правящее меньшинство уже не выступает творческой силой общества, оно занято самосохранением. Попытка переобозначить то, что называют финансовым капитализмом, назвав это инклюзивным капитализмом¹⁴, – это попытка установить новую форму, содержащую неизменный смысл – расширение и удержание правящим меньшинством США господства в планетарном масштабе.

4. До тех пор, пока финансовая олигархия сохраняет в США своё господство, смысл экономической формы будет неизменным. Господство сохраняет значение, но его форму пытаются замаскировать стремлением к общей пользе.

Воплотить указанный смысл (господство правящего меньшинства США) в реальность мешают действия тех, кто стремится реализовать иные смыслы.

Уменьшение насилия, необходимое для сохранения экономического благополучия и безопасности¹⁵, требует компромисса между сторонниками различающихся смыслов.

Аксиология культуры (учение о природе ценностей и их происхождении) выделяет четыре ценности: Вера или Бог, Добро, Красота, Истина. Возникновение капитализма заставило выработать новый ценностный подход человека к своему поведению и окружению. На Западе в качестве доминирующей ценности была легимитизирована польза, а главного средства её реализации – рыночный обмен.

¹³ Универсальное государство – последний этап организации цивилизации перед её исчезновением. Такое государство захватывает не принадлежащие ему функции общества по самоорганизации и самовывживанию [7].

¹⁴ Инклюзивный капитализм (термин появился в 2005 г.) – глобальное движение, объединяющее усилия гражданского общества, государства и бизнеса, направленное на создание справедливой и равноправной системы распределения ценностей в экономике и противодействие неравенству.

¹⁵ Быть союзником США так же опасно, как быть их противником. США принудили Японию в 1980-х гг. поднять курс иены к доллару и ограничить экспорт. После выполнения рекомендаций США конкурентная экономика Японии была на десятилетия приторможена.

Ценность – категория структуры, её инвариант – неизменное, независимое от конкретных условий и ситуаций и от способа описания этих ситуаций. Ценность в отличие от категории желания/интереса не меняется, пока существует структура. При переходе от одной структуры к другой инвариант, скрепляющий структуру и удерживающий её от распада, обновляется. Например, после распада СССР была предпринята попытка перехода к новой структуре общества: от инварианта общего блага попытались переключиться на ценность частного блага.

Правящее меньшинство всегда вынуждено выбирать между эффективностью и безопасностью.

Список литературы

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
2. Травин, Д. Россия на европейском фоне: причины отставания / Д. Травин // Звезда. – 2014. – № 2.
3. Травин, Д. Почему Россия отстала? / Д. Травин. – СПб., 2021.
4. Смирнов, С. Падшее бытие. 2. Распад смысла. Быт / С. Смирнов // Звезда. – 2017. – №10. – С. 255–265.
5. Гордин, Я. Фон для трагедии / Я. Гордин // Звезда. – 2021. – №10.
6. Смирнов, И. Ценность и смысл / И. Смирнов // Звезда. – 2019. – №10. – С. 260–270.
7. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М., 1994.

References

1. Weber M. (1990) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: Progress Publ.
2. Travin D. (2014) *Rossiia na yevropeyskom fone: prichiny otstavaniya* [Russia Against the European Background: Reasons for Lagging Behind]. Zvezda, 2.
3. Travin D. (2021) *Pochemu Rossiya otstala?* [Why has Russia fallen behind?]. St. Petersburg.
4. Smirnov S. (2017) *Padsheye bytiye.2. Raspad smysla. Byt* [Fallen Existence. Part 2. The Breakdown of Meaning. Life]. Zvezda, 10, pp. 255–265.
5. Gordin Y. (2021) *Fon dlya tragedii* [Background for the Tragedy], Zvezda, 10.
6. Smirnov I. (2019) *Tsennost' i smysl* [Value and Meaning]. Zvezda, 10, pp. 260–270.
7. Toynbee A. (1994) *A Study of History*. Moscow.

V. B. Sirotkin¹⁶. Transformation of the Form of Economic Domination: From Bourgeois-Industrial to State-Monopolist Financial Capitalism. The process of transformation of forms of economic domination in the West is under analysis. The author indicates the means of domination expansion and the processes accompanying the change in the rank of values in modern capitalist society.

Keywords: domination, meaning, everyday life, security, transformation, behavior.

¹⁶ *Vladislav B. Sirotkin*, Professor of the Department of Business Informatics and Management at St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (67 Bolshaya Morskaya St., St. Petersburg, 190000, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: sirotkin1948@bk.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-91-97

Л. К. Шамина¹, Е. А. Петрова², Е. Л. Приматов³

РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИНКЛЮЗИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ

Рассматривается развитие среднего профессионального образования как фактор инклюзивного экономического роста регионов Российской Федерации. Выделяются факторы, повлиявшие на недостаточный уровень развития среднего профессионального образования и предпосылки к изменению ситуации. Определены особенности регионального аспекта в сфере среднего профессионального образования и спрогнозированы положительные изменения при увеличении вложений ресурсов в развитие среднего профессионального образования в нашей стране.

Ключевые слова: инклюзивный экономический рост, факторы экономического роста, региональная экономика, среднее профессиональное образование.

УДК 338

Санкционное давление на Россию вызвало необходимость коррекции экономической и социальной политики для сохранения стабильности. Основой стабильности государства является устойчивый экономический рост, обеспечивающий его защиту от внешних угроз и достойные условия жизни для большинства граждан [1]. К важнейшим факторам, обеспечивающим устойчивый экономический рост, относятся: технологические инновации, человеческие и природные ресурсы, эффективность работы политических и экономических институтов. Это особенно актуально в условиях экономики замкнутого цикла, рассматриваемой Г. Б. Клейнером [2]. Автор указывает, что условия экономики замкнутого цикла не тождественны абсолютной изоляции нашей страны, но требуют сосредоточения на развитии внутреннего рынка, на мобилизации и оптимальном использовании внутренних резервов развития. При этом экономический рост должен быть направлен на смягчение последствий изоляции России. Г. Б. Клейнер вводит понятие «инклюзивного экономического роста», распространяющегося в равной степени на всё социально-экономическое пространство страны, включая соци-

¹ *Любовь Константиновна Шамина*, профессор кафедры менеджмента организации Балтийского государственного технического университета («ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова») (190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1), д-р экон. наук, профессор, e-mail: shamina_lk@voenmeh.ru

² *Елена Александровна Петрова*, преподаватель кафедры менеджмента организации Балтийского государственного технического университета («ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова») (190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1), e-mail: petrova_ea@voenmeh.ru

³ *Евгений Леонидович Приматов*, преподаватель цикловой комиссии №10 «Устройство, техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта» Академии транспортных технологий (192102, Россия, Санкт-Петербург, ул. Салова, 63), e-mail: primatov.el@att.edu.ru

альную структуру. При этом показатели инклюзивности роста основных компонентов структуры экономики не менее важны, чем темпы роста ВВП. Одним из факторов инклюзивного роста в экономике замкнутого цикла является повышение плотности и компактности экономики при вовлечении в хозяйственный оборот всех экономических ресурсов, включая трудовые. В этих реалиях необходимо говорить о развитии человеческих ресурсов как основе повышения общей факторной продуктивности экономических систем, в том числе в регионах.

Развитие человеческих ресурсов напрямую связано с образованием, качеством и «количеством» его предоставления. В своих работах С. Д. Бодрунов неоднократно отмечает [3–5] важность образования и его влияние на социально-экономическую политику государства. Развитие общедоступного образования различного уровня (от начального до высшего) положительно скажется на мобилизации и оптимальном использовании внутренних резервов развития в условиях экономики замкнутого цикла.

Наличие большого количества разноплановых образовательных учреждений помогает в создании равных стартовых социально-экономических возможностей для развития каждого члена общества и реализации его творческого потенциала. С. Д. Бодрунов отмечает важность данного аспекта и включает его в список задач, связанных с продвижением к новому индустриальному обществу [6].

На протяжении длительного времени среднему профессиональному образованию (далее – СПО) не уделялось должного внимания выпускниками школ при выборе профессионального развития. Однако сейчас происходит переосмысление ценности СПО. Программам СПО отдают предпочтение 60 % девятиклассников. Приём в образовательные организации, реализующие программы СПО, в 2021/22 учебном году остался на уровне 2020/21 учебного года – более 1 млн человек. Общая численность выпускников образовательных программ СПО по итогам 2020/21 учебного года составила более 700 тыс. человек. Количество контрольных цифр приёма (далее – КЦП) составило на 2020/21 учебный год 696 206 мест, на 2021/22 учебный год – 686 284 места (из них КЦП за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2020/21 учебный год – 78 097 мест, 2021/22 учебный год – 77 621 место)⁴.

В настоящее время СПО предоставляет образовательные услуги по широкому спектру специальностей в следующих сферах: математические и естественные науки, инженерное дело, технологии и технические науки, здравоохранение и медицинские науки, сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки, науки об обществе, образование и педагогические науки, гуманитарные науки, искусство и культура, оборона и безопасность государства, военные науки.

Согласно аналитическим отчётам Федеральной службы государственной статистики по образовательным организациям, осуществляющим деятельность по программам СПО в субъектах Российской Федерации, по состоянию на 2022 г. в России зарегистрировано 4 627 организаций, реализующих обучение по направлениям СПО: 3 201 самостоятельная образовательная организация и 630 филиалов самостоятельных образовательных организаций, а также 360 образовательных организаций высшего образования, реализующих программы СПО, и 436 филиалов (см. таблицу).

⁴ Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Официальный сайт <http://static.government.ru/media/files/GcesxuJAI13AntFYxDYzpnoNgsv7T1vX.pdf> (дата обращения: 20.01.2023). Далее – Доклад Правительства...

Образовательные организации, осуществляющие деятельность по программам СПО в субъектах РФ (составлено авторами с использованием [7] и Доклада Правительства...)

Субъект	Всего	Число самостоятельных образовательных организаций СПО	Число филиалов самостоятельных образовательных организаций СПО	Число образовательных организаций ВО, реализующих программы СПО	Число филиалов образовательных организаций ВО, реализующих программы СПО
Российская Федерация	4 627	3 201	630	360	436
Центральный ФО*	1 016	707	107	101	101
Северо-Западный ФО	396	284	34	42	36
Южный ФО	510	352	60	38	60
Северо-Кавказский ФО	320	227	40	24	29
Приволжский ФО	1 043	723	148	64	108
Уральский ФО	379	238	83	24	34
Сибирский ФО	628	448	102	41	37
Дальневосточный ФО	335	222	56	26	31

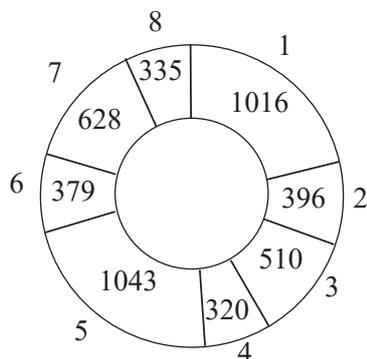
* ФО – федеральный округ.

Из них к государственным и муниципальным относятся 4 045 организаций (2 811 самостоятельных образовательных организаций и 534 филиала, 311 организаций высшего образования, реализующих программы СПО, и 389 филиалов).

Количество выпускников образовательных организаций, осуществляющих деятельность по образовательным программам СПО в Российской Федерации, за 2022 г. составило 773 778 человек, из них 671 887 человек обучались на очной форме, 14 026 – на очно-заочной (вечерней) и 87 621 – на заочной.

Увеличение количества организаций СПО обусловлено возрастающим спросом среди учащихся, а также увеличением финансирования данной ступени образования государством. Например, школьники старших классов всегда стремились быть более взрослыми, значимыми в социуме. Как известно, уровень взросления отчасти характеризуется способностью брать на себя ответственность и справляться с ней. Наличие этой (в первую очередь психологической) способности отчётливо проявляется в среде студентов СПО. Пока школьники 11 класса готовятся к сдаче ЕГЭ, большинство обучающихся в системе СПО уже на втором курсе выходят на производственную практику, им дают конкретные поручения, ставят определённые задачи. По мере их успешного выполнения у студента как личности растёт уверенность в себе, развивается навык взаимодействия внутри рабочего коллектива, что ведёт к адаптации в социальной сфере и формированию собственного Я.

Помимо этого, в учебных заведениях СПО активно формируются студенческие комитеты самоуправления, спортивные и творческие клубы. Учащиеся могут претендовать на государственные стипендии, принимать участие в таких масштабных мероприятиях, как «Студент года» или «Губернаторский бал». Среднее профессиональное образование позволяет вчерашнему школьнику иначе взглянуть на сегодняшний день, открыть новое в известном и, казалось бы, понятном. Например, участие в мероприятии «Губернаторский бал» с невероятной лёгкостью способно перевернуть мироощущение дерзкого юноши, раскрыв тонкий и нежный образ пышных нарядов и мелодич-

Образовательные организации, осуществляющие деятельность по программам СПО в 2022 г. (составлено авторами с использованием [7] и Доклада Правительства...): 1 – Центральный ФО; 2 – Северо-Западный ФО; 3 – Южный ФО; 4 – Северо-Кавказский ФО; 5 – Приволжский ФО; 6 – Уральский ФО; 7 – Сибирский ФО; 8 – Дальневосточный ФО

ной музыки. Возможно, и иное – в пылу борьбы за звание победителя конкурса «Студент года» тихий и застенчивый ученик, «разорвав цепи» собственной нерешительности, окажется целеустремленным, настойчивым и упорным «бойцом», достигающим поставленных задач и готовым трудиться не зная усталости. Реализация таких мероприятий способствует формированию устойчивой гражданской позиции молодёжи, её патриотическому воспитанию.

Безусловно, возросший спрос на получение средней ступени образования отражается в экономической, социальной, политической и культурной отраслях. Выпуская конкурентоспособных специалистов из учебных заведений среднего профессионального образования, мы не ограничиваемся формированием профессионально грамотного рабочего класса, а оказываем влияние на разнообразные сферы, вызывая инклюзивный рост экономики. Интенсификация указанного роста может быть достигнута за счёт синергетического эффекта от взаимовыгодного сотрудничества образовательных организаций среднего профессионального и высшего уровней. Нельзя утверждать, что сотрудничество между указанными организациями отсутствует, но с уверенностью можно настаивать на его оптимизации.

На данный момент наиболее распространённым проявлением симбиоза, взаимовыгодного сотрудничества между образовательными учреждениями, является организация профессионально ориентированных мероприятий, в рамках которых потенциальные обучающиеся знакомятся с организацией, предоставляющей следующий, более высокий уровень образования. Разумеется, такое взаимодействие приносит результат, хотя и весьма ограниченный в силу небольшого охвата потенциальных абитуриентов.

Следующий, более эффективный, но малораспространённый сценарий взаимодействия – прохождение ознакомительной, учебной, производственной, технологической, организационно-управленческой и прочих видов практик на базе организации, предоставляющей более высокий уровень образования. Практики помогают освоить профессиональные компетенции, относящиеся к работе, т. е. знания, умения и навыки, необходимые для выполнения конкретных задач в рамках будущей профессиональной деятельности, в том числе умение выполнять задачи, требующие использования специализированного оборудования, техники, инструментов, механизмов, материалов, технологий, и знание современных продуктов или услуг.

Пример такого сотрудничества – отношения СПб ГБПОУ «Академия транспортных технологий» с автомобильно-дорожным факультетом СПбГАСУ. Следствием совместной работы является наличие возможности у студентов, получивших среднее профессиональное образование, поступить в вуз по специальности, полученной ранее.

Более того, при реализации такой возможности срок обучения будет меньше, чем у студента, поступившего в вуз после окончания школы, поскольку часть дисциплин, изученных в колледже, может быть перезачтена при прохождении переаттестации.

Под переаттестацией понимается дополнительная процедура, проводимая для подтверждения качества и объёма знаний у студента по дисциплинам и практикам, пройденным при получении СПО. В ходе переаттестации проводится проверка остаточных знаний по указанным дисциплинам и практикам в форме промежуточного или итогового контроля в соответствии с образовательной программой высшего профессионального образования, реализуемой в вузе. По итогам переаттестации в случае положительных оценок, а также если установлено соответствие сформированных компетенций требованиям действующей основной образовательной программы, выносится общее решение о переаттестации. Это освобождает студента от повторного изучения соответствующей дисциплины и является одним из оснований для установления сокращённого срока обучения.

Отдельно отметим, что при поступлении в образовательное учреждение высшего уровня абитуриенту не придется сдавать ЕГЭ, потребуются лишь вступительные экзамены. При этом сохраняется возможность выбрать очное или заочное обучение. Известны случаи, когда активные и добросовестные студенты после успешного окончания среднего профессионального образовательного учреждения предоставляли портфолио с собственными достижениями в предыдущей организации, что в совокупности с результатами внутри вуза позволяло номинироваться на повышенную стипендию.

Взаимовыгодное сотрудничество образовательных организаций наблюдается при проведении занятий по дополнительным программам. Суть сотрудничества заключается в организации общеразвивающих занятий на материально-технической базе организации, предоставляющей СПО, которые посещают не только студенты данного образовательного учреждения, но и учащиеся школ, других ссузов и даже вузов. Выстраивается понятная и прочная цепочка взаимодействия людей, обучающихся не только по различным направлениям, но и на различных образовательных уровнях, растёт популяризация как отдельных учреждений, так и образования в целом.

Рассмотренные варианты сотрудничества получили распространение в городах-мегаполисах, однако положительный опыт такого взаимодействия должен быть распространён и на регионы и подкреплён финансированием. Мы разделяем мнение А. Г. Аганбегяна о необходимости удвоить долю финансирования образования и здравоохранения в ВВП и утроить долю затрат на информационно-коммуникационные технологии за счёт всех источников, чтобы превратить Россию в социальное государство [7].

Таким образом, развитие системы образования в целом и системы СПО может быть рассмотрено как фактор инклюзивного экономического роста Российской Федерации с учётом регионального аспекта сферы средне-профессиональных образовательных услуг и факторов дальнейшего развития СПО в нашей стране.

Список литературы

1. Шамина, Л. К. Вопросы формирования благоприятной инновационной среды в стране / Л. К. Шамина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 10. – С. 50–54.
2. Клейнер, Г. Б. Инклюзивный рост в экономике замкнутого цикла / Г. Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 3(73). – С. 37–44. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-37-44.

3. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // *Экономическое возрождение России*. – 2013. – № 1 (35). – С. 19–49.
4. Бодрунов, С. Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2013. – № 4 (38). – С. 4–26.
5. Бодрунов, С. Д. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства / С. Д. Бодрунов, Дж. К. Гэлбрейт // *Новая индустриальная революция и проблемы неравенства: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. С. Д. Бодрунова*. – М.: Российский эконом. ун-т имени Г. В. Плеханова, 2017. – 143 с.
6. Бодрунов, С. Д. Современный технологический переход и его социально-экономические последствия / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2022. – № 2(72). – С. 35–43. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-35-43.
7. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2022. – Т. 237, № 5. – С. 310–362. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362.
8. Индикаторы образования: 2022: стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022.

References

1. Shamina L. K. (2007) Voprosy formirovaniya blagopriyatnoy innovatsionnoy sredy v strane [Issues of creating a favorable innovation environment in the country]. *Vestnik of the Chelyabinsk State University*. № 10. pp. 50–54.
2. Kleiner G. B. (2022) Inklyuzivnyy rost v ekonomike zamknutogo tsikla [Inclusive growth in a circular economy]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. № 3 (73). pp. 37–44.
3. Bodrunov S. D., Grinberg R. S., Sorokin D. E. (2013) Reindustrializatsiya rossiyskoy ekonomiki: imperativy, potentsial, riski [Re-industrialization of the Russian economy: imperatives, potential, risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. № 1 (35). pp. 19–49.
4. Bodrunov S. D. (2013) K voprosu o reindustrializatsii rossiyskoy ekonomiki [On the issue of reindustrialization of the Russian economy]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. № 4 (38). pp. 4–26.
5. Bodrunov S. D. (2017) Novaya industrial'naya revolyutsiya i problemy neravenstva [New industrial revolution and problems of inequality]. *Plekhanov Russian University of Economics*. p.143.
6. Bodrunov S. D. (2022) Sovremennyy tekhnologicheskyy perekhod i yego sotsial'no-ekonomicheskiye posledstviya [Modern technological transition and its socio-economic consequences]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. № 2 (72). pp. 35–43.
7. Aganbegyan, A. G. (2022) Rossiya: ot stagnatsii k ustoychivomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. *Free Economic Society of Russia*. № 5. pp. 310–362.
8. Indicators of Education in the Russian Federation: 2022: Data Book / N. Bondarenko, L. Gokhberg, O. Zorina et al.; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: HSE, 2022.

L. K. Shamina⁵, E. A. Petrova⁶, E. L. Primatov⁷. Development of secondary vocational education as a factor of inclusive economic growth of regions. The development of secondary vocational education is considered as a factor of the inclusive economic growth of the regions of the Russian Federation. The factors that influenced the insufficient level of development of secondary professional development and the prerequisites for changing the noted situation are highlighted. In this article, the authors attempt to consider the development of the system of secondary vocational education as a factor in the inclusive economic growth of the Russian Federation. In accordance with this, the features of the regional aspect of the sphere of secondary vocational educational services should be determined and positive changes are predicted with an increase in investment of resources in the further development of secondary vocational education in our country.

Keywords: inclusive economic growth, factors of economic growth, regional economy, secondary vocational education, education.

⁵ *Liubov K. Shamina*, Professor of the Department of Organization Management at the Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, st. 1st Krasnoarmeyskaya, 1, 190005, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: shamina_lk@voenmeh.ru

⁶ *Elena A. Petrova*, Teacher of the Department of Organization Management at the Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, st. 1st Krasnoarmeyskaya, 1, 190005, Russia), e-mail: petrova_ea@voenmeh.ru

⁷ *Evgenij L. Primatov*, Teacher of the cycle commission No. 10 “Arrangement and maintenance of road transport” at Academy of Transport Technologies (St. Petersburg, st. Salova, 63, 192102, Russia), e-mail: primatov.el@att.edu.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-98-107

Г. А. Маслов¹

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ И КИТАЯ²

Рассматривается трансформация роли информационных продуктов в производстве в условиях стремительных технико-экономических изменений. Отмечается, что, помимо случаев, когда производитель добровольно выкладывает информационный продукт в свободный доступ или государство обеспечивает доступ к информации, информационные блага всё чаще становятся бесплатными (или более дешёвыми) в коммерческом секторе. Развитие искусственного интеллекта и нейротехнологий делает рекламу более эффективной и побуждает производителей информации обеспечивать максимальную доступность своего продукта для более широкого рекламного покрытия. В результате при распространении бесплатных информационных благ за счёт роста рекламы происходит подрыв товарных, рыночных отношений. При этом широкий доступ к свободно распространяемым информационным благам является важнейшим условием развития человеческого потенциала, необходимого для развития высокотехнологичного производства. Обосновывается комплекс рекомендаций социально-экономической политики в условиях новой роли информационных продуктов и в целом роста значимости качества человеческого потенциала в производстве. Подчёркивается, что кооперация России и Китая в сфере экономики, науки, образования и культуры особенно актуальна в условиях острого геополитического противостояния и необходимости решения задач догоняющего развития.

Ключевые слова: четвёртая промышленная революция, человеческий потенциал, информационный продукт, реклама, подрыв рынка, сообщество единой судьбы человечества.

УДК 330.34

Введение

Начало третьего десятилетия XXI в. оказалось тяжёлым для всего мира. После окончания острой фазы пандемии произошло максимальное обострение геополитических противоречий, вылившееся в военное противостояние на Украине. Стремительно развивается экономическая борьба ведущих держав (прежде всего в контексте противостояния США и Китая), начавшаяся в прошлом десятилетии [1, 2]. Как представляется, это во многом связано с наступлением нового технологического уклада (ТУ), рас-

¹ Глеб Андреевич Маслов, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119192, РФ, Москва, Ломоносовский пр. 27, к. 4), канд. экон. наук, e-mail: glemiach@yandex.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Академии общественных наук (Китай) в рамках научного проекта № 21 511-93006.

пространением четвёртой промышленной революции – национальные экономики борются за контроль над новыми технологиями, господство на новых рынках, что определит доминирование в иерархии мирового хозяйства.

В работах современных исследователей технико-экономического развития, представляющих разные страны и школы (отечественные марксисты [3]; представители прочих гетеродоксальных направлений, близких к политэкономической методологии [4–6]; зарубежные исследователи в области четвёртой промышленной революции [7–9]), существует единство в вопросе роли человеческого потенциала. Признаётся, что залогом социально-экономического прогресса на новом этапе является приоритетное повышение квалификации кадров, развитие творческих способностей работников. Обучение должно быть регулярным, доступным и ориентированным на формирование широких компетенций, а не осуществляться лишь в рамках узкой специализации. Национальные правительства должны играть ведущую роль в формировании образовательной экосистемы, обеспечивая максимальный доступ к ней всех слоёв населения, так как частный капитал в силу более узких интересов не может решить данную задачу в необходимом объёме.

Разработка программ всестороннего развития человеческого потенциала должна иметь широкие выходы на международное взаимодействие, что ложится в китайскую парадигму сообщества единой судьбы человечества [10]. Образовательный и культурный обмен способствует взаимообогащению знаниями и опытом. С учётом стремительности научно-технического прогресса международное сотрудничество (в противовес автаркичности) служит одним из ключевых инструментов увеличения научного, инновационного потенциала национальной социально-экономической системы. В частности, в рамках реализации национальных проектов развития перспективным выглядит объединение научного потенциала России и Китая, совместной организации производственных цепочек с высокой добавленной стоимостью. В рамках данной статьи мы не ставим задачу обозначить все направления подобного сотрудничества. Рассмотрим некоторые перспективные сферы, связанные с новыми экономическими отношениями, которые возникают вследствие развития и распространения информационных технологий.

Трансформация роли информационных продуктов

«Информационная» революция, составляющая основу пятого ТУ, является также ключевым элементом шестого ТУ. В последние годы объём информации, передаваемой посредством интернета, вырос кардинально. Стремительно развиваются и носители информации. Всё это означает огромный рост обмена неограниченными по своей природе благами (информационным продуктом), что подрывает привычное понимание самого объекта экономических отношений. Так, в рамках господствующего направления «экономикс» задачей науки выступает поиск оптимального способа удовлетворения неограниченных потребностей в условиях ограниченных ресурсов. Однако, не касаясь вопроса неограниченных потребностей, укажем, что предпосылка об ограниченных ресурсах становится всё менее релевантной, поскольку распространяется пользование информационными благами. Соглашаясь с тезисом советских экономистов о науке как непосредственной производительной силе [11, 12], подчеркнём, что научное знание (его также можно отнести к информационному благу) выступает основой производства. Тем самым рыночная система, базирующаяся на обмене ограниченными товарами, всё больше развивается за счёт распространения не свойственных ей неограниченных информационных благ.

В рамках статьи отметим, что данная тенденция касается не только производственного, но и потребительского сектора. Распространение информационных продуктов (видео, игры и т. д.) сопровождается их искусственным ограничением (авторские права, лицензии, права доступа). Тем самым рынок сдерживает распространение неограниченных по своей природе благ для поддержания имплицитно присущей ему схемы воспроизводства «товар – деньги – товар». Одновременно с этим всё больше информационных продуктов распространяются бесплатно. Мы говорим не только о наличии пиратского сегмента, предоставлении свободного доступа к благу (если создатель не хочет продавать своё творение или речь идёт о государственном проекте), но и о распространении рекламы, обусловленной развитием рыночной логики.

В предыдущую эпоху, когда в сфере информационных продуктов превалировали «классическое» (не интерактивное) телевидение, радио, печатная пресса, рекламодатели были вынуждены ориентироваться на «размытое» понятие целевой аудитории. Маркетинговая коммуникация была не столь точна, так как внутри целевой аудитории посылались одно и то же сообщение разным потребительским подгруппам. Однако с развитием каналов связи через интернет на площадках, где задействуются аккаунты каждого отдельного потребителя, записывающие историю его действий и в целом собирающие различного рода информацию, стала технически возможной настройка принципиально более точного, персонализированного маркетингового сигнала.

Ускорение этого процесса обусловлено развитием искусственного интеллекта и нейротехнологий. Первое предполагает выявление причинно-следственных связей поведения потребителя на основе больших данных, что позволяет прогнозировать его предпочтения и предлагать ему необходимый продукт. К примеру, благодаря использованию более продвинутых алгоритмов искусственного интеллекта в 2019 г. среднее время нахождения на Youtube (крупнейшем поставщике информационных продуктов) через мобильные устройства составляет 40 минут, увеличившись в годовом выражении на 50 %³. Нейротехнологии (как и искусственный интеллект) способны уловить предпочтения потребителя порой точнее, чем он смог бы их осознанно сформулировать. Заглядывая в бессознательное, нейротехнологии позволяют считывать потребительские реакции на маркетинговые сообщения на высокодетализированном уровне (к примеру, реакцию в мозгу человека в ответ на появление определённой цветовой гаммы или мелодии в рекламном ролике) [13]. Сейчас в этой области остаётся много белых пятен, и данный маркетинговый инструмент ещё не столь распространён, однако его потенциал оценивается как очень высокий. Искусственный интеллект и нейротехнологии выступают относительно сферы экономических отношений внешними факторами, предопределяющими трансформацию её структуры.

Несмотря на многие проблемы и противоречия, накопившиеся в современной модели капитализма, логика рынка, вероятно, будет направлять большие ресурсы не на их разрешение, а в рынок рекламы. Последняя, не являясь с точки зрения классической политической экономии производительным сектором (более того, его можно назвать вымывающим ресурсы, поскольку расходы на рекламу конкурирующих фирм в первую очередь выступают средством борьбы за большую долю общего пирога, а не способом увеличения его объёма), будет привлекательной для дополнительных инвестиций.

Такая, на первый взгляд не самая существенная в рамках всей экономической системы трансформация, усложняет классическую схему товарного обращения «товар – деньги – товар». По мере роста рекламного рынка в сфере информационных продуктов

³ <https://merchdope.com/youtube-stats/>

всё больше формируется модифицированная схема: «товар 1 (информационный продукт) – деньги – товар 2 (рекламируемый продукт)». Подчеркнём, что, во-первых, в рамках одного акта денежного обмена участвуют не два субъекта (продавец и покупатель), а три (поставщик информационного продукта, покупатель, продавец рекламируемого продукта). Во-вторых (что может звучать парадоксально), без всякого вмешательства извне непосредственно рыночным стимулом всё чаще становится предоставление бесплатного неотчуждаемого блага, т. е. фактически «товар 1» из представленной схемы перестаёт быть товаром как таковым. Информационный продукт, включая рекламу, может сохранять признаки товара, если к нему ограничивается доступ и он продаётся по определённой цене. Однако рост рекламных возможностей и в этом случае побуждает расширять круг потребителей продукта (они же – потребители рекламы). Тем самым ценовая политика корректируется в сторону уменьшения цены, как если бы этот продукт продавался без рекламной «начинки». В этом случае стоимостные отношения при обмене товарами становятся деформированными.

Подчеркнём, что подобные явления были всегда. Так, реклама издавна публиковалась в медиапространстве, маркетинговые приёмы допускали распространение бесплатных благ, которые побуждали к покупке новых товаров. Однако в наше время можно говорить о переходе количества в качество. Во-первых, благодаря новым технологиям создаются предпосылки для принципиально новых рекламных возможностей, делающих распространение бесплатных информационных продуктов повсеместным. При этом имеет место долгосрочная тенденция роста сферы услуг, включающая в себя и рост информационного сектора. Во-вторых, это накладывается на рост наукоёмкости производства, что означает повышение роли информации во всей системе производства. Тем самым со стороны и потребительского сектора, и сферы производства в экономическую систему внедряется как одно из ключевых звеньев создание и распространение информации. При всех различиях внутри множества «информационный продукт» (развлекательное видео и научные данные наполнены сильно отличающимся содержанием и предназначением) имеется и важнейшее сходство: данные блага по своей природе являются неограниченными. Хотя рынок и ставит ограничительные барьеры для множества информационных продуктов, одновременно стремительно растёт бесплатный общедоступный сегмент.

Внутри рынка вырастает сфера нетоварного обмена благами, что говорит о внутреннем подрыве рынка. Это восходит к идеям марксистов о разложении с течением времени классического рынка [14, 15]. С теоретической точки зрения важно зафиксировать три источника и направления подрыва рынка. Во-первых, создатели информационного продукта в некоммерческих целях выкладывают в общий доступ своё произведение. Здесь действуют неэкономические мотивы деятельности, в существенной степени присущие представителям растущего сегмента работников творческого труда. Во-вторых, государство берёт на себя задачи, которые не способны решить частные компании. В данном случае подразумевается создание научной, образовательной, культурной экосистемы с расширением доступа к интеллектуальным продуктам. В-третьих, в коммерческом секторе рост эффективности рекламы побуждает к бесплатному (или более дешёвому) распространению информационных продуктов как носителей рекламы. В рамках данной статьи акцент сделан на последнем случае, который сосуществует с двумя другими в рамках общего процесса вне рыночного распространения информационных благ. Особенность третьего случая в том, что именно рыночные акторы в рамках исключительно рыночной логики создают вне рыночный сегмент значительного объёма.

Отмеченная тенденция подрыва рынка имеет ряд важных и противоречивых последствий для функционирования всей экономической системы. Она сопровождается ростом консьюмеризации сознания. Как отмечали А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, в отличие от XIX в. в наши дни капитал всё больше подчиняет себе свободное время человека [16], по сути, подчиняет его поведение и ценности рыночной логике кругло-суточно. Новые технологии рекламы способны кардинальным образом усилить этот процесс. При этом, если не будет обеспечен устойчивый и довольно быстрый экономический рост (а в нынешние трудные для мировой экономики времена это выглядит очень сомнительным), будет нарастать социальная неудовлетворённость, поскольку разрыв между ростом потребительских желаний, подстёгиваемых продвинутой рекламой, и бюджетами домохозяйств будет увеличиваться. В этих условиях можно ожидать вымывания ресурсов из инвестиций в устойчивое развитие, основанное на передовых технологиях, а значит, будет сдерживаться развитие научно-технического прогресса. Актуализируются вопросы кибербезопасности (поскольку взаимодействие с населением основано на интенсификации обмена данными) и этические проблемы. Последние связаны с вопросом допустимых границ воздействия на сознание и бессознательное человека, с манипулированием его поведением.

С другой стороны, рост распространения информации в свободном доступе подпитывает ресурсную базу для работников творческого труда, что выступает предпосылкой ускорения наукоёмкого развития.

В рамках данного противоречия – «бóльшая консьюмеризация сознания – подрыв рынка за счёт свободного распространения информационных благ» – можно выделить разные социальные группы, для которых влияние отмеченных трансформаций будет разным. Эти группы можно разделить по критериям подверженности рекламному воздействию, степени «личной консьюмеризации». Та часть населения, которая не отвечает на более продвинутую рекламу значительным ростом тяги к потреблению, фактически будет повышать свое благосостояние, буквально ничего не делая, так как рост их личных расходов не будет существенным, в то же время увеличится потребление бесплатных информационных продуктов. В этой категории населения в выигрыше окажутся работники творческого труда, которые в большей степени используют информационные продукты в качестве ресурса для собственной работы, а не для развлечения.

Разрешение данного противоречия неопределённо: либо свободный доступ к ресурсам станет фактором ускорения устойчивого развития, либо рекламная индустрия будет забирать слишком много средств. Тем не менее общество станет привыкать к наличию свободного доступа к большим объёмам информации, воспринимать это как должное. Поскольку наступление новой технологической волны определяет дальнейшее сращение науки, образования и культуры с общественным воспроизводством, вырастет запрос на расширение бесплатного информационного сегмента. Как отмечалось, в первую очередь от распространения информации выигрывают работники творческого труда. Фактически это означает выделение социальной группы, заинтересованной в дальнейшем подрыве рынка изнутри. Безусловно, группа работников творческого труда очень неоднородна, внутри неё существуют разные интересы. Но эта проблема выходит за рамки настоящей статьи. Подчеркнём лишь, что именно внутри множества людей, занятых творческим трудом, формируется тот слой, который будет извлекать особые выгоды от объективно обусловленного рыночной логикой роста распространения бесплатных информационных продуктов.

Перспективные направления социально-экономической политики России и Китая

Новая роль информационных продуктов в социально-экономической системе модифицирует направления проводимой политики. Не углубляясь в разнообразные аспекты государственных решений, выделим рекомендации по основным направлениям, отталкиваясь от вышеизложенного.

Прежде всего отметим необходимость развития информационной, цифровой инфраструктуры. Уровень проникновения интернета в России⁴ достаточно высок (в Китае он лишь немного меньше⁵); однако необходимо продолжать работу по обеспечению высокоскоростным интернетом всех образовательных заведений, библиотек и т. д.; по дальнейшему расширению перечня услуг, которые можно оказывать дистанционно. Параллельно с этим придётся добавлять усилия по обеспечению кибербезопасности, цифровой гигиены.

В рамках парадигмы максимизации доступа к информации важно развитие крупных платформ (видеохостингов, электронных библиотек), к примеру, создание базы, где пользователи получают свободный доступ к большому объёму научной, образовательной литературы, удовлетворяющей максимальное количество запросов. Важным проектом могла бы стать масштабная оцифровка старых печатных изданий. Это особенно актуально в условиях санкций, когда для российских пользователей блокируется доступ к институциональным подпискам, содержащим статьи из западных научных журналов. Поскольку распространение информации связано с сетевыми эффектами, здесь работает эффект масштаба. Создание информационных платформ будет намного эффективнее при международной кооперации, в том числе с Китаем, страной с самым многочисленным населением.

Обращаясь к росту бесплатных информационных продуктов в коммерческом сегменте, отметим, что у государства здесь меньше пространства для непосредственного участия. Как говорилось, при распространении продвинутых видов рекламы возникают этические проблемы, связанные с возможным манипулированием поведением индивида. Их решение лежит во внеэкономической плоскости и в рамках данной работы не рассматривается. К экономическим вопросам относится возможность участия государства на рекламном рынке, в частности, в ограниченном виде могут иметь место распространение социальной рекламы, продвижение проектов, признанных государством перспективными. Тем самым производители информационных благ получают источник доходов, стимулирующий бесплатное распространение своей продукции, и при этом не будет обостряться проблема роста маркетизации, консьюмеризма общества. В данном случае особенно важна поддержка производителей, выполняющих наиболее полезную социальную функцию. В то же время необходимо признать существенные коррупционные риски и наличие пространства для властного волюнтаризма при проведении такой рекламной политики.

В целом, современные трансформации рынка таковы, что для экономического развития требуется задействовать всё больше нерыночных инструментов. Помимо указанных механизмов стоит добавить важность поощрения форм викиномики [17]. Особенно это актуально для таких стран, как Россия и Китай, перед которыми стоит задача догоняющего развития.

⁴ <https://mediascope.net/news/1250827/>

⁵ <https://www.statista.com/statistics/236963/penetration-rate-of-internet-users-in-china/>

Заключение

В условиях масштабных технологических трансформаций, сопровождаемых максимальным обострением геополитических противоречий, меняется роль информационных продуктов во всей социально-экономической системе. Рынок, следуя собственной логике, начинает всё больше имплементировать внерыночные механизмы для саморазвития, что можно назвать усилением тенденции социализации капитализма. Это касается большего распространения бесплатных (или более дешёвых) информационных продуктов в коммерческой сфере вследствие формирования более эффективных методов рекламы. Такой процесс соединяется с общим повышением роли человеческого потенциала в производстве. Это означает важность распространения информационных продуктов в свободном доступе в качестве инструмента повышения квалификации работников, их творческого потенциала.

Политика максимального охвата информацией, несущей научную, образовательную и культурную ценности, должна быть органично вписана в комплексные программы развития человеческого потенциала, интеграции производства, науки и образования. Требования времени диктуют необходимость увеличения вложений в доступное образование, в создание проектов по регулярному переобучению и повышению квалификации (основанных на соединении теории и практики) для людей всех возрастов. Для научного потенциала важно использование материальных и нематериальных стимулов, включая повышение престижа профессии для научных работников (при повышении спроса за подготовленные исследовательские результаты).

Следует поощрять международное сотрудничество, в частности с Китаем, при развёртывании экономических, исследовательских, образовательных и культурных проектов. Такая интеграция лежит в русле китайской концепции единой судьбы человечества и позволяет создать синергетический эффект. Наконец, все намеченные направления государственной политики будут эффективными только при их системной, долговременной и последовательной реализации. В этой связи актуализируются механизмы долгосрочного стратегического планирования [18, 19].

Список литературы

1. *Абдулов, Р. Э.* Деглобализация мировой экономики: углубление межимпериалистических противоречий создает угрозы национальной безопасности / Р. Э. Абдулов // Вопросы политической экономики. – 2022. – № 3. – С. 22–31.
2. *Маслов, Г. А.* Теория технологических укладов: осмысливая смены волн глобализации / Г. А. Маслов // Проблемы современной экономики. – 2021. – № 1. – С. 65–70.
3. *Бузгалин, А. В.* Детерминанты социально-классового структурирования общества и их специфика в условиях системных трансформаций / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы философии. – 2019. – № 6. – С. 50–61.
4. *Бодрунов, С. Д.* Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1. – С. 5–13.
5. *Квинт, В. Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В. Л. Квинт, С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. – 351 с.
6. *Глазьев, С. Ю.* Экономика и общество / С. Ю. Глазьев, А. В. Щипков. – М.: Проспект, 2021. – 192 с.

7. MinHwa L., Yun J. J., Pyka A., Won D., Kodama F., Schiuma G., Park H., Jeon J., Park K., Jung K., Yan M.-R., Lee S., Zhao X. (2018). How to Respond to the Fourth Industrial Revolution, or the Second Information Technology Revolution? Dynamic New Combinations between Technology, Market, and Society through Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 4(3): 1–21.
8. Narvaez Rojas C., Alomia Peñafiel G. A., Loaiza Buitrago D. F., Tavera Romero C. A. (2021). Society 5.0: A Japanese Concept for a Superintelligent Society. *Sustainability*. 13(12): 1–16.
9. Xu M., David J. M., Kim S. H. (2018). The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges. *International Journal of Financial Research*. 9(2): 90–95.
10. Fan Qiangwei (2020). The development concept of a community with a shared future for mankind. *Observe and think*. (12): 57–64.
11. Кузин, А. А. Современная научно-техническая революция / А. А. Кузин, С. В. Шухардин // *Коммунист*. – 1964. – № 16. – С. 49–58.
12. Мелещенко, Ю. С. Технический прогресс и его закономерности / Ю. С. Мелещенко. – Л.: Лениздат, 1967.
13. Соловьева, В. Д. Нейромаркетинг, или «Мечта маркетолога» / В. Д. Соловьева // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2017. – № 4–1. – С. 160–164.
14. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин. – ПСС. – Т. 27. – 1969.
15. Mandel E. (1987). *Late Capitalism*. London-New York: Verso.
16. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: в 2 т. – Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы (Маркс re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2018.
17. Тапскотт, Д. Викиномика: как массовое сотрудничество изменяет все / Д. Тапскотт, Э. Вильямс. – М.: BestBusinessBooks, 2009.
18. Манахова, И. В. Значение стратегического планирования для обеспечения экономической безопасности России / И. В. Манахова, К. С. Хрупина // *Вопросы политической экономии*. – 2022. – № 2. – С. 164–179.
19. Шафранская, А. М. Роль государства в осуществлении стратегического планирования как механизма реиндустриализации / А. М. Шафранская // *Вопросы политической экономии*. – 2021. – № 2. – С. 132–145.

References

1. Abdulov R. E. (2022). Deglobalizacijamirovojekonomiki: uglubleniemezhimperialisticheskikh protivorechij sozdaet ugrozy nacional'noj bezopasnosti [Deglobalization of the World Economy: Deepening Inter-Imperialist Contradictions Creates Threats to National Security]. *Problems in Political Economy*, (3), pp. 22–31.
2. Maslov G. A. (2021). Teorija tehnologicheskikh ukладov: osmyslivaja smeny voln globalizacii [Theory of Technological Modes: Comprehending the Changing Waves of Globalization]. *Problems in Modern Economy*, (1), pp. 65–70.
3. Bodrunov S. D. (2022). Tehnologicheskij progress: predposylki i rezul'tat sociogumanitarnoj orientacii jekonomicheskogo razvitija [Technological Progress: Prerequisites and Results of Socio-Humanitarian Orientation of Economic Development]. *Economic Revival of Russia*, (1), pp. 5–13.

4. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021). Strategirovanie transformacii obshhestva: znanie, tehnologii, noonomika [Strategizing the Transformation of Society: Knowledge, Technology, Noonomy]. Saint-Petersburg: INIR imeni S. Y. Witte.
5. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2019). Determinanty social'no-klassovogo strukturirovanija obshhestva i ih specifika v uslovijah sistemnyh transformacij [Determinants of Socio-Class Structuring of Society and their Specificity in the Context of Systemic Transformations]. *Problems in Philosophy*, (6), pp. 50–61.
6. Glaz'ev S. Yu., Shhipkov A. V. (2021). *Ekonomika i obshhestvo* [Economy and Society]. Moscow: Prospekt.
7. MinHwa L., Yun J. J., Pyka A., Won D., Kodama F., Schiuma G., Park H., Jeon J., Park K., Jung K., Yan M.-R., Lee S., Zhao X. (2018). How to Respond to the Fourth Industrial Revolution, or the Second Information Technology Revolution? Dynamic New Combinations between Technology, Market, and Society through Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 4(3): 1–21.
8. Narvaez Rojas C., Alomia Peñafiel G. A., Loaiza Buitrago D. F., Tavera Romero C. A. (2021). Society 5.0: A Japanese Concept for a Superintelligent Society. *Sustainability*. 13(12): 1–16.
9. Xu M., David J. M., Kim S. H. (2018). The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges. *International Journal of Financial Research*. 9(2): 90-95.
10. Fan Qiangwei (2020). The development concept of a community with a shared future for mankind. *Observe and think*. (12): 57–64.
11. Kuzin A.A., Shuhardin S.V. (1964). *Sovremennaja nauchno-tehnicheskaja revoljucija* [Modern Scientific and Technological Revolution]. *Communist*, (16), pp. 49–58.
12. Meleshhenko Yu.S. (1967). *Tehnicheskij progress i ego zakonomernosti* [Technological Progress and Its Regularities]. Leningrad: Lenizdat.
13. Solov'eva V.D. (2017). *Nejromarketing, ili "mechta marketologa"* [Neuromarketing, or the "Marketer's dream"]. *Economy and Business: Theory and Practice*, (4-1), pp. 160–164.
14. Lenin V. I. (1969). *Imperializm kak vysshaja stadija kapitalizma* [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. PSS. V. 27.
15. Mandel E. (1987). *Late Capitalism*. London-New York: Verso.
16. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2018). *Global'nyj kapital. V 2 tt. T. 2. Teorija: Global'naja gegemonija kapitala i ee predely (Marx re-loaded)* [Global capital. In 2 vols. Vol. 2. Theory: Global Hegemony of Capital and Its Limits (Marx-reloaded)]. Moscow: LENAND.
17. Tapskott, D., Vil'jams, Je. (2009). *Vikinomika: kak massovoe sotrudnichestvo izmenjaet vse* [Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything]. Moscow: BestBusinessBooks.
18. Manahova I. V., Khrupina K. S. (2022). *Znachenie strategicheskogo planirovanija dlja obespechenija jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii* [The Importance of Strategic Planning for Ensuring Russia's Economic Security]. *Problems in Political Economy*, (2), pp. 164–179.
19. Shafranskaja A. M. (2021). *Rol' gosudarstva v osushhestvlenii strategicheskogo planirovanija kak mehanizma reindustrializacii* [The Role of the State in the Implementation of Strategic Planning as a Mechanism of Reindustrialization]. *Problems in Political Economy*, (2), pp. 132–145.

G. A. Maslov⁶. Contradictions of the Information Economy as a New Space for the Development of the Human Potential of Russia and China. The article highlights the transformation of the role of information products in modern production, developing in the conditions of rapid technical and economic changes. This process stands out in different aspects. It is noted that in addition to cases when a producer voluntarily puts an information product into free access, when the state provides access to information, information benefits are also increasingly becoming free (or cheaper) in the commercial sector. The latter is connected with the development of artificial intelligence and neurotechnologies, which makes advertising more effective, and encourages information producers to make their product as accessible as possible for a wider advertising coverage. As a result, there is a contradiction when the distribution of free information goods due to the growth of advertising undermines commodity, market relations. At the same time, ensuring broad access to freely distributed information benefits is an essential condition for the development of human potential, which, in turn, is necessary for the development of high-tech production. The author substantiates a set of recommendations of socio-economic policy in the context of the new role of information products and, in general, the growing importance of the quality of human potential in production. The importance of international cooperation between Russia and China in the field of economics, science, education, and culture is emphasized. This interaction is particularly relevant in the conditions of acute geopolitical confrontation and the need to solve the problems of catching up development.

Keywords: the fourth industrial revolution, human potential, information product, advertising, market disruption, community of common destiny for mankind.

⁶ *Gleb A. Maslov*, Researcher of the Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Lomonosovsky av. 27, b. 4, Moscow, 119192, Russia), Candidate of Ec. Sc., e-mail: glemiach@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-108-123

Я. Н. Стефанов¹

ПЛАН И РЫНОК В СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКЕ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЗОВОГО ДОХОДА И ЗАНЯТОСТИ

Анализ обоснованной критики плановой экономики, выполненной Людвигом фон Мизесом, приводит к выводу, что плановая форма организации хозяйственной деятельности эффективнее рыночной, если применяется в сочетании с рыночной формой в стационарных областях хозяйства, ориентированных на неснижаемый спрос, а произведённая продукция распределяется бесплатно и равномерно. Предлагаются критерии, позволяющие определить, какую продукцию эффективнее производить в плановом домене при смешанной планово-рыночной экономике. Показано, что внедрение смешанной экономики позволяет наилучшим образом решить задачу обеспечения гражданам базового основного дохода (БОД), одновременно решая проблему всеобщей занятости.

Ключевые слова: плановая экономика, рыночная экономика, смешанная экономика, конвергенция, безусловный доход, гарантированная занятость.

УДК 330.352

Введение

Дискуссия о плановой экономике (ПЭ) началась в 1920-х гг. [16] и продолжается до сих пор [9]. Главным аргументом против ПЭ стало утверждение Людвиг фон Мизеса о невозможности экономического расчёта при социализме. Он писал: «В социалистическом обществе невозможен экономический расчёт, а значит, нельзя быть уверенным в величине издержек и прибыли или использовать калькуляции для контроля операций. Одного этого достаточно, чтобы считать социализм нереализуемым» [7]. Для Мизеса «экономический расчёт» это синоним денежного расчёта, а целью экономического расчёта является максимизация прибыли. Причём экономический расчёт нужен только в условиях «постоянных изменений», которые зависят от колебаний спроса, поскольку, «кто производит без учета условий спроса и предложения, не достигает желанного результата [прибыли]» [7].

В дискуссию вокруг «калькуляционного аргумента» вступали другие участники, предлагавшие различные способы решения указанной проблемы. Некоторые противники Мизеса (например, Ф. Тэйлор, Г. Д. Диккинсон) утверждали, что знание необходимых данных позволяет рассчитать экономические параметры как некое оптимальное состояние в духе вальрасового рыночного равновесия. Ученик Мизеса Хайек ответил, что если это и возможно теоретически, то никак не реализуемо практически, поскольку

¹ Ярослав Николаевич Стефанов, соискатель механико-математического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (119192, Москва, Ломоносовский пр. 27, корп. 4), e-mail: yrsstf@gmail.com

придётся обработать огромный объём данных [8]. Немало авторов утверждают, что прежним решениям не хватало технических возможностей, чтобы всё рассчитать, но теперь мощные компьютеры помогут справиться с любым объёмом работы.

Казалось, что решение заключается в создании компьютерной системы для быстрого отслеживания изменений экономической ситуации и внесения корректировок в существующие производственные планы и цены [1]. Как писал Глушков [3]: «Для планирования и управления фактическими уровнями розничных цен необходимо иметь системы непрерывного слежения за настоящим и будущим спросом». Конечно, компьютерные системы могут улучшить качество планирования, но, помогут ли они решить проблему обратной связи – от потребителя к производителю?

Предположим, компьютерная система может быстро отслеживать колебания спроса. Независимо от того, является ли система рыночной или плановой экономикой, отправной точкой для получения информации о спросе являются сами потребители, пытающиеся удовлетворить свои потребности. При этом в рыночном случае потребители голосуют ограниченно доступными деньгами. Напротив, плановая экономика может полагаться только на прямые запросы потребителей, деньги не являются тут носителем информации о спросе, поскольку и зарплаты, и цены устанавливаются централизованно. Важнейшим обстоятельством при плановой экономике является отсутствие объективных ограничений при декларировании людьми своих потребностей. Потребности вообще субъективны и без механизма их ограничения, полагаясь на запросы людей, мы просто перенесём в систему автоматического планирования фантазии потребителей о сладкой и богатой жизни. Сама система плановой экономики не имеет встроенных механизмов обратной связи, обеспечивающих объективное регулирование производства на основе соотношения потребностей общества, и никакая автоматическая система не может изменить этот факт. Алгоритмы не помогут, поскольку в этой системе нет способа, позволяющего отличить действительные потребности от злоупотребления.

Для иллюстрации рассмотрим пример увеличения спроса на хлеб в рыночном и плановом случаях. В рыночной системе реакцией будет рост цен до равновесного уровня и возможно последующее наращивание производства. В плановом хозяйстве цены установлены и не повышаются – единственной реакцией системы может быть увеличение производства. Дополнительное количество произведённого хлеба также попадёт к потребителю, и потребитель захочет ещё больше. Примерно так происходило в советское время при плановой экономике – в деревнях скупали хлеб. Закупленный селянами в огромных количествах готовый хлеб уходил на прокорм свиней, мясо которых продавали на колхозных рынках. Для противодействия этой ситуации были введены штрафы², несмотря на подобные меры, проблема существовала до развала Советского Союза.

Установка низких цен на хлеб была обусловлена желанием гарантированно обеспечить граждан основными продуктами питания. Последствия, к которым это привело, нельзя оправдать экономическими причинами, ведь помимо потребления происходило массовое злоупотребление. При этом система, имея информацию о проблеме, за несколько десятилетий не смогла исправить положение. И никакая компьютерная система планирования тут не помогла бы.

² Президиум Верховного Совета РСФСР (1963). Указ от 6 мая 1963 года. Об усилении ответственности за скормливание скоту и птице хлеба и других хлебопродуктов, скупленных в государственных и кооперативных магазинах.

Взглянем на проблему социалистического расчёта под другим углом. Мизес прав – экономический (денежный) расчёт невозможен, но почему мы считаем, что он вообще нужен? Если плановая экономика при определённых обстоятельствах даёт лучший результат, чем рыночная, опираясь только на технический расчёт (который играет главную роль при любой экономической системе), то зачем обязательно что-то рассчитывать в деньгах? Нужны ли вообще деньги в плановом хозяйственном домене? По нашему мнению, аргумент Мизеса следует рассматривать не как опровержение самой возможности плановой экономики, а как способ установить условия, при которых применение плановой организации хозяйственных процессов в некоторой области экономики будет при тех же ресурсных затратах давать лучший результат, чем рыночный подход.

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению аргументов Мизеса и их следствий, рассмотрим одну гипотезу. Некоторые исследователи отмечали, что пик развития советской экономики пришёлся на период «позднего сталинизма» [12, 14]. После Сталина произошли принципиальные изменения общего подхода к управлению экономикой. Если раньше планирование и хозяйственный расчёт велись в натуральных показателях, то при Хрущёве было выдвинуто требование прибыльности, и расчёт стали выполнять в денежных единицах. Произошёл переход от натурального планирования к денежному расчёту – к «экономическому расчёту» Мизеса. С этого момента начинается закат социалистической экономики в СССР. Возможно, именно этот переход сыграл губительную роль, когда экономический (денежный) расчёт стал главным ориентиром там, где он только вредит.

Далее будем исходить из того, что экономический (денежный) расчёт невозможен при плановой экономике из-за отсутствия в ней рыночных механизмов соперничества, формирующих объективные цены. Логическое развитие аргументов Мизеса приводит к заключению, что использование денег в ПЭ по меньшей мере бесполезно, а в целом – вредно. (Отметим мимоходом, что в первые годы советской власти предпринимались попытки построения безденежного хозяйства [8].) Плановый подход должен опираться только на инженерно-организационный расчёт в натуральном виде, позволяющий при имеющихся технических решениях получить наибольшее количество нужной продукции требуемого качества при наименьших затратах природных и трудовых ресурсов.

Мизес утверждал, что в стационарных условиях экономический (денежный) расчёт не нужен, что для экономики в целом стационарные случаи имеют только теоретический интерес, ведь экономика не может быть неизменной. Это верно, однако, если рассматривать не всю хозяйственную деятельность как целое, а различные её сегменты, то некоторые из них могут оставаться неизменными на протяжении десятилетий или даже веков.

Пока технологические решения не меняются, а это происходит не очень часто, определяющим фактором изменений в экономике являются колебания спроса. При устойчивом спросе экономический сегмент не меняется, является стационарным и, согласно рассуждениям Мизеса, экономический расчёт не требуется. Именно в устойчивых сегментах хозяйства наиболее эффективен (в смысле оптимального снабжения людей необходимыми продуктами) плановый способ организации экономической деятельности. Причём нас будут интересовать сегменты с не просто устойчивым, а с неснижаемым, физиологически или социально обусловленным спросом на определённое (минимальное) количество продукта, т. е. в любых условиях спрос не может быть ниже этого количества.

1. Плановая экономика

Мизес [7] определил ПЭ как «систему общественной или государственной собственности на средства производства». Кроме того, он пишет: «При социализме все средства производства являются собственностью общества. Только общество может распоряжаться ими и определять их использование в производстве» [17] (термины «социалистический» и «плановый» употребляются как синонимы). Мизес описывает наиболее важные характеристики плановой экономики: «Социалистическая система – это система без рынка и рыночных цен на факторы производства и без конкуренции; это означает неограниченную централизацию и унификацию ведения всех дел в одних руках» [18].

Как замечено выше, нас интересует ПЭ в условиях неснижаемого спроса на некоторое количество продукта. Рассмотрим, какие особенности ПЭ при этом возникают. Начнём с роли денег. В заданной Мизесом модели (которая в целом соответствует исторически существовавшим ПЭ) процессы создания денег, установления цен, определения заработной платы централизованны и управляются одним экономическим государственным субъектом в подчинённой ему области. Поскольку мы рассматриваем случай стабильного неснижаемого минимального спроса при неизменных технических возможностях, сам производственный процесс, количество производимой и потребляемой каждым человеком продукции практически неизменны. Деньги могут использоваться для организации производственного и потребительского распределения. Если производственная цепочка полностью находится в плановом домене экономики, то при организации производства деньги не нужны, поскольку вся цепочка – это одно единое предприятие, один хозяйственный субъект, а внутри предприятий денежные расчёты бессмысленны, ведь деньги есть инструмент соперничества разных субъектов экономики. Если плановое производство зависит от иных хозяйственных субъектов, то внешние денежные расчёты могут производиться напрямую государством на долгосрочной основе, так что самому предприятию просто поступает нужное сырьё или оборудование.

Некие деньги могут использоваться для распределения готовой продукции среди потребителей, но и тут они оказываются ненужными. Действительно, для распределения посредством денег государство должно дать работнику зарплату, получить эту зарплату назад как плату за продукцию и передать продукцию рабочему. Параметры этого процесса (зарплата и цена) заранее известны и неизменны – они установлены государством. Поскольку спрос – неснижаемый, потребитель не может захотеть получить меньше продукции, а государство не может установить иные цены и зарплаты, кроме тех, которые обеспечат равномерное распределение произведённой продукции. Но тогда эти два действия (выплата зарплаты и «продажа» продукции) в совокупности бессмысленны, поскольку никак не повлияют на конечный результат распределения. Таким образом, в условиях неснижаемого спроса плановой экономике деньги не нужны. Правильнее равномерно распределять произведённую продукцию напрямую потребителям бесплатно.

В более широком смысле причина возможности отказа от денег в плановой экономике заключается в том, что распределение всякого продукта в такой системе неконкурентно и происходит в рамках одного экономического субъекта. В рыночной экономике деньги – это инструмент конкуренции между различными экономическими субъектами, где более богатые получают доступ к большему количеству лучших товаров, в то время как другие должны сначала «раздобыть» деньги. В плановой экономике распределение происходит без конкуренции. Даже если деньги будут введены в сферу

ПЭ, их роль будет коренным образом отличаться от роли денег в рыночной экономике. Например, в потребительском распределении при ПЭ деньги играют роль сертификата для получения человеком своей доли в произведенной продукции, которая, как и средства производства, принадлежат всему обществу.

Плановый домен должен производить товары постоянного спроса в ограниченных количествах. Это означает, что план устанавливает максимальное количество каждого продукта, доступного потребителю. Потребитель может выбрать один из альтернативных продуктов, но даже в этом случае план заранее определяет максимальное количество продукта, доступного каждому.

Сформулируем правила для наилучшего применения ПЭ:

- в плановом хозяйственном домене производится продукция, ориентированная на неснижаемый постоянный спрос;
- количество производимой продукции должно гарантированно потребляться обществом. Это количество либо неизменно, либо меняется очень медленно и предсказуемо;
- продукция распределяется между всеми членами общества бесплатно, равномерно и без соперничества.

Равномерность распределения не подразумевает обязательную выдачу одинакового количества продукта всем людям. Существуют физиологически обусловленные объективные критерии, позволяющие выделить группы людей, которым нужно больше или меньше того или иного продукта. Например, можно говорить о группах «дети, трудящиеся, пенсионеры». Если мы распределяем «справедливо», то количество продукта, нужного детям, окажется меньше необходимого взрослому человеку. Такая нормировка совершенно объективна и принимается всеми членами общества, т. е. является справедливой. В дальнейшем, говоря о равном распределении, мы будем иметь в виду *равное с учётом физиологической нормировки*.

2. Смешанная экономическая система

Предположим, что экономика организована как сочетание планового и рыночного доменов, причём плановый домен работает по предложенным выше правилам – производит продукцию неснижаемого спроса, которая распределяется между потребителями равномерно и бесплатно. Будет ли такое сочетание иметь преимущества перед чисто рыночным хозяйством?

Рассмотрим примерную модель. Пусть имеется рыночная экономика, производящая, в частности, продукцию P . Всё общество можно разделить на две части. В первую часть входят все, кто работает на производстве P , и те, кто финансово зависит от них. Количество людей в первой группе – N_p , они получают рыночную зарплату Z_p в год. Остальные, вторая группа в количестве N_m человек, получают общую заработную плату Z_m . Сначала обе части находятся в единой рыночной экономике. Затем первая часть реорганизуется в плановый домен и перестаёт получать рыночные доходы, поскольку теперь продукция P распределяется бесплатно. При этом зарплата в этом первом домене выплачивается из налогов, вычитаемых из рыночной зарплате Z_m . В итоге рыночная зарплата в обществе снизилась по абсолютной величине, но все получили бесплатно основные продукты P . Возможно, если бы осталась более высокая рыночная зарплата, это было бы выгоднее для всех, т. е. потребители затратили бы на покупку продукта на рынке меньше средств, чем при получении того же продукта через дополнительный налог. Налоги платятся с зарплате Z_m , нужно рассчитать, какой из вариантов выгоднее для налогоплательщиков N_m .

Считаем, что в этой рыночной экономике существует конкуренция на рынке труда, которая приводит к однородному распределению заработной платы, т. е. за одну и ту же работу выплачивается примерно одинаковая заработная плата. Конкуренция приводит к тому, что средняя зарплата в разных отраслях экономики примерно одинакова, если примерно одинаков характер работы. В достаточно крупном секторе экономики есть разные виды работ. Мы считаем области N_p и N_m достаточно крупными, чтобы в них были разнообразные виды работ. В этом случае средний доход в двух частях будет одинаковым:

$$\frac{Z_p}{N_p} = \frac{Z_m}{N_m}. \quad (1)$$

Здесь имеется в виду доход на каждого члена общества, а не только на трудящихся. Такое упрощение возможно, если процент иждивенцев одинаков в обеих группах.

Поскольку продукт P считается подходящим для плановой экономики, его потребление будет однородным и неснижаемым для всех членов общества. Таким образом, в чисто рыночной экономике денежные затраты на продукт P , приходящиеся на каждого человека, будут

$$\frac{Z_p + Y + X}{N_p + N_m}.$$

В числителе указана общая рыночная цена продаж продукта P . Здесь Y – производственная составляющая цены (стоимость сырья, износ оборудования и т. д.), а X – рыночная составляющая. Она включает в себя все другие издержки рыночной экономики, за которые платят конечные потребители: оплата конкуренции (маркетинг, реклама, лоббизм, PR и т. д.) и прибыль владельцев предприятий.

Перейдём к следующему шагу. Пусть первая часть будет преобразована в плановый домен. Нужно оценить затраты на P для участников второй части N_m , которые включаются в выплачиваемых налогах. В этом случае часть заработной платы членов второй части N_m будет отдана первой части, в то время как средняя заработная плата должна оставаться равной. Для расчёта средней заработной платы необходимо вычесть из общей заработной платы Z_m производственные затраты Y (мы рассматриваем наилучший сценарий, когда все производственные затраты являются рыночными и должны оплачиваться из налогов), а остаток делится на количество людей:

$$\frac{Z_m - Y}{N_p + N_m}.$$

Зарплата каждого человека во второй части до выделения планового домена (Z_m/N_m) уменьшится:

$$\frac{Z_m}{N_m} - \frac{Z_m - Y}{N_p + N_m}.$$

Это и есть расходы трудящегося в рыночной части на продукт P в случае выделения плановой части, т. е. тот самый налог на ПЭ. Теперь посмотрим, в каких случаях рыночные расходы будут больше плановых, т. е. когда выделение планового домена выгодно тем, кто трудится в рыночном домене.

Это условие

$$\frac{Z_p + Y + X}{N_p + N_m} > \frac{Z_m}{N_m} - \frac{Z_m - Y}{N_p + N_m}$$

можно преобразовать:

$$\frac{Z_p + Y + X}{N_p} > \frac{Z_m}{N_m} + \frac{Y}{N_p} \text{ или } \frac{Z_p}{N_p} + \frac{Y}{N_p} + \frac{X}{N_p} > \frac{Z_m}{N_m} + \frac{Y}{N_p}.$$

С учётом (1) получаем $X/N_p > 0$. Это неравенство верно в рыночном хозяйстве всегда, поскольку, во-первых, основной целью рыночной экономики является получение прибыли. И пока рыночная экономика функционирует, рыночные издержки X покупателя, включающие в себя прибыль, всегда будут больше нуля. Во-вторых, всегда имеются расходы на конкуренцию (маркетинг, реклама и т. п.). Итак, при определённых нами условиях денежные расходы трудящихся в рыночном домене на получение продукта P будут меньше при планово-рыночной системе. Из-за условия (1) переход на плановый способ хозяйствования выгоден в равной степени группам N_p и N_m . В общем случае можно сделать следующий вывод: если производительность труда в обществе достигла такого уровня, что производимого продукта P достаточно для покрытия неснижаемых основных потребностей в продукте P и в обществе имеются необходимые материальные и трудовые ресурсы, то для всего общества выгоднее выделить производство P в плановый домен.

Получается, что Хайек был не прав, утверждая, что «их смешение [плана и рынка] приведёт только к потерям, т. е. к результатам более плачевным, чем те, которые можно было бы получить, последовательно применяя один из них» [11]. Мизес ещё более категоричен: «их [разные системы] нельзя смешать или соединить; от одной из них к другой не существует никакого плавного перехода; они несовместимы» [7]. Так ли это в действительности? Мы видим, что плановый хозяйственный домен:

- является общественным и принадлежит государству (средства производства являются общественной/ государственной собственностью);
- сотрудники планового домена состоят на государственной службе и получают средства от государства;
- этот домен управляется государственными чиновниками, которые подготавливают планы производства и распределения.

Был добавлен ещё один пункт, который логически следует из исходной модели Мизеса: в плановом хозяйственном домене создаётся продукция неснижаемого спроса, которая производится в ограниченном необходимом количестве и распределяется между членами общества бесплатно, равномерно, без соперничества.

Возможно нечто подобное уже существует? Возьмём, к примеру, современную сферу школьного образования. В этом государственном домене госслужащие предоставляют гражданам услуги по обучению детей бесплатно и без конкуренции. Служащие действуют по заранее составленному плану, который опирается на фиксированный спрос, объективно определённый количеством детей школьного возраста. Это в точности соответствует приведённому выше определению планового хозяйства. Мы видим, что этот плановый домен встроен в рыночную экономику большинства стран мира.

Как правило, сфера образовательных услуг не ограничивается государственными учреждениями. Обычно кроме государственных имеются частные заведения, где можно получить образование на рыночной основе. То есть в образовательной сфере план и рынок легко уживаются [4]. Школьное образование не единственный пример применения планового подхода. Во многих странах есть бесплатное медицинское обслуживание, устроенное подобным образом. И этим процесс появления новых плановых доменов не ограничивается.

Выводы о смешанном характере современных экономических систем содержатся во многих исследованиях [10]. Разные авторы подразумевают под «смешанными системами» совсем не одно и то же. Возможен подход, когда любые регулирующие действия государства понимаются как признак плановой экономики. Так, Пол Самуэльсон в своём известном учебнике даёт такое определение: «Экономика каждой страны в мире – это смешанная экономика – сочетание частного предприятия, работающего через рынок, и государственного регулирования, налогообложения и программ» [22]. Наш подход позволяет выделить плановый домен по набору формальных признаков, основную часть которых составляют классические определения Мизеса; в дополнение мы используем признак неконкурентного бесплатного равного распределения.

3. Характеристические кривые продуктов

Выпуск какой продукции целесообразно организовать рыночным, а какой – плановым способом? Прежде чем ответить на этот вопрос, введём числовые параметры.

Для достижения определённого жизненного уровня человеку необходимо некоторое количество разных продуктов. Условимся измерять уровень жизни числом L . Для продукта P представим зависимость количества продукции, необходимой всему обществу N_p , от уровня жизни:

$$N_p = F(L). \quad (2)$$

Эта функция отвечает на вопрос, «сколько нужно продукта P для достижения уровня жизни L ». В дальнейшем вместо N_p будем писать просто N , имея в виду, что речь идёт об одном конкретном продукте P , если не оговорено иное.

Уровень жизни L можно связать с общей полезностью U всех благ, потребляемых в обществе. Отметим, что, согласно одной из центральных идей теории полезности, все потребности ограничены. Согласно Джемону: «Все наши аппетиты рано или поздно удовлетворяются или наступает пресыщение» [15]. При увеличении доступного количества продукта в какой-то момент будет достигнут уровень насыщения, и тогда большое количество продукта не будет потребляться, будет достигнут максимально возможный уровень полезности U_{\max} . Из этого следует, что повышение уровня жизни означает приближение к максимально возможному уровню получаемой полезности. Тогда, чем ближе общество подходит к этой максимальной границе, тем выше будет уровень жизни. Представим зависимость $L = L(U) = L(U(N)) = L(N)$ графически (рис. 1, а).

Здесь достижение максимального уровня полезности приводит к бесконечному значению уровня жизни, когда дальнейшее повышение полезности уже не влияет на

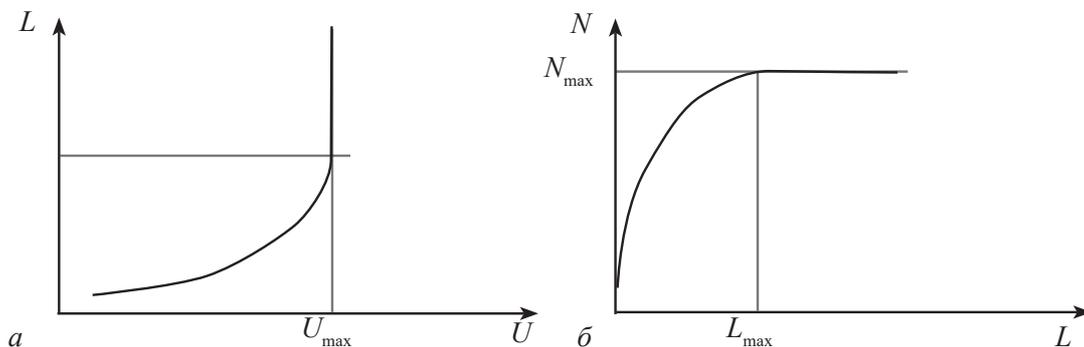

Рис. 1

рост уровня жизни. Предложенная выше функция (2) является обратной к L : $N=F(L)=L^{-1}(L)$, тогда график этой функции получается из $L(U)$ отражением относительно прямой $x=y$. Поведение функции (2) означает, что повышение потребления продукта P до количества, соответствующего уровню жизни L_{\max} , обеспечит потребности общества, и дальнейшего увеличения N не потребуется. Прежде чем привести пример графика функции (2), установим шкалу величины L . Выделим приблизительно следующие уровни жизни [2]:

- 1) нищета (EP extreme poverty) (минимальное потребление благ и услуг на уровне биологического выживания человека);
- 2) бедность (PW poverty) (потребление благ и услуг на уровне возможности сохранения работоспособности человека);
- 3) нормальный уровень (NM normal) (потребление благ и услуг по научно обоснованным нормам, достаточным для полноценного восстановления физических и интеллектуальных сил человека);
- 4) достаток (PR prosperity) (пользование благами и услугами, которые обеспечивают всестороннее развитие человека).

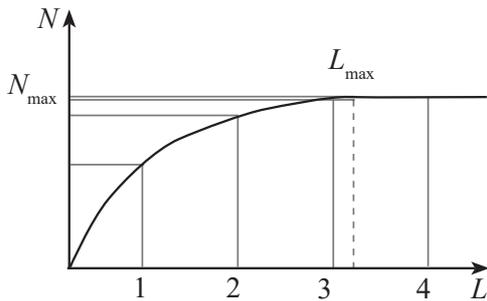

Рис. 2

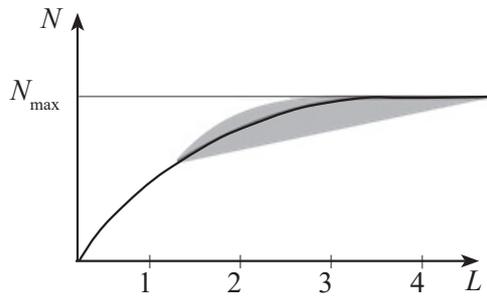

Рис. 3

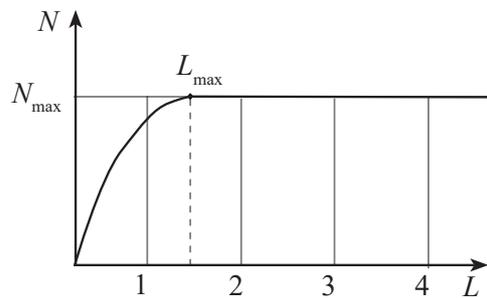

Рис. 4

4) достаток (PR prosperity) (пользование благами и услугами, которые обеспечивают всестороннее развитие человека).

В рамках данной работы будем называть график функции (2) для продукта P *характеристической кривой* продукта P . Приведём пример такой кривой (рис. 2, где 1–4 – уровни жизни). Каждой точке (1–4) соответствует некоторое количество продукции P , обозначим его $N_1 \dots N_4$. На начальном отрезке, примерно до точки 1, спрос на соответствующее количество продукта обусловлен физиологическими потребностями. Ниже точки 1 речь идёт о выживании, так что вариации спроса невозможны. Чем дальше мы отходим от начала координат, тем менее определённым становится спрос и тем сильнее количество N зависит от субъективных или случайных обстоятельств, и вариации спроса могут быть значительными (рис. 3). На графике расширяющейся полосой показано возможное колебание спроса для разных уровней жизни. С точки зрения применимости планового хозяйства, когда требуется стабильный спрос, количество P должно соответствовать области отсутствия колебаний спроса.

Построим несколько характеристических кривых на примере потребления хлебных изделий (рис. 4). В данном случае довольно быстро достигается предел N_{\max} , после которого потребление увеличиваться не будет. В России N_{\max} для хлеба составляет около 120 кг/год (рис. 5).

Колебания в потреблении хлеба за указанный период (30 лет) составляют порядка 8 %.

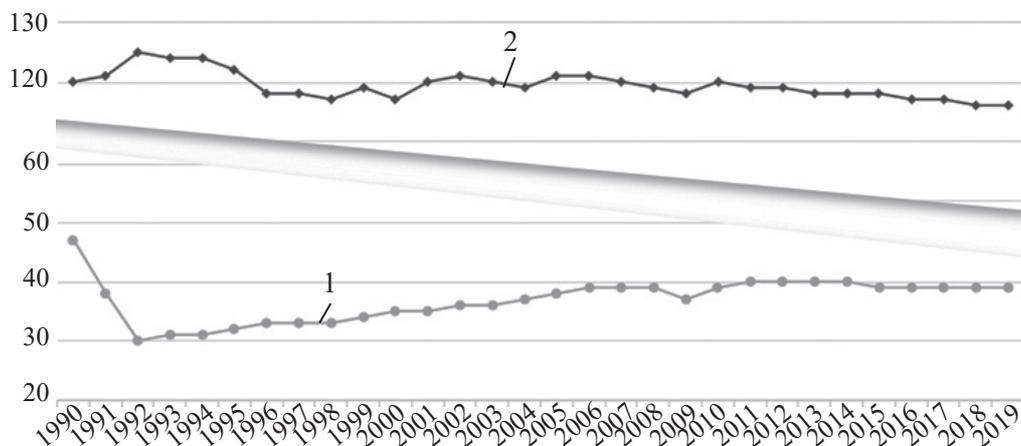

Рис. 5. Потребление основных продуктов питания в расчёте на душу населения (значение показателя за год)³: 1 – сахар, кг; 2 – хлебные продукты, кг

Для сравнения приведём график потребления сахара, для которого снижение потребления в годовые 1990-е гг. было более 40 % (см. рис. 5). Как видим, даже при низком уровне жизни (на грани выживания) спрос на хлеб не снижался и потребление хлебных изделий оставалось примерно на одинаковом уровне.

Для сравнения изобразим кривую для украшений с бриллиантами (рис. 6), массовый спрос на которые возникает только при высоком уровне жизни.

Характеристические кривые могут быть построены для любого вида потребительских продуктов на основании теоретических исследований (например, для физиологически необходимых продуктов) или статистических данных.

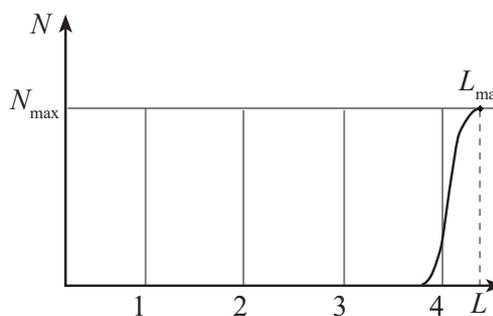

Рис. 6

4. Критерий выбора продукции для планового домена

Вернёмся к вопросу о том, какие правила помогут выявить наиболее подходящие для планового домена виды продукции и как установить требуемое количество этой продукции. Для планового производства требуется продукция неснижаемого спроса, поэтому удобным классом продуктов будут те, у которых характеристическая кривая имеет ненулевые значения N на отрезке $L \in [0, 1]$. Таким образом, достаточное условие для производства продукта P в плановом домене

$$N(L) > 0 \text{ при } L \in [0, 1]. \quad (3)$$

³ ЕМИСС. (2021). Потребление основных продуктов питания (в расчёте на душу населения). <https://fedstat.ru/indicator/31346>.

Следующее условие даёт ответ на второй вопрос – в каком количестве производить продукцию:

$$N_{\text{plan}} = N_1 = N(1), \quad (4)$$

где N_{plan} – плановый уровень производства.

Условия (3) и (4) выделяют группу продуктов жизнеобеспечения в минимально необходимом для поддержания жизни количестве (некоторые продукты питания, жильё, тепло, энергия и т. п.). Такие продукты всегда востребованы и не подвержены колебаниям спроса. Поскольку выпускаемое количество является минимально необходимым, наиболее справедливым оказывается равное распределение. Такие продукты, предоставленные гражданам бесплатно, обеспечат гарантированную основу жизнедеятельности каждого.

Рассмотрим более слабые условия, когда продукт можно производить в плановом секторе:

$$N(L) > 0 \text{ при } L \in [0, 2], \quad (5)$$

$$N_{\text{plan}} = N_2 = N(2). \quad (6)$$

Здесь речь идёт не только о покрытии основных минимальных потребностей, но и о гарантии физиологически достаточного обеспечения их важнейших нужд. Теоретически подобный подход может использоваться для обеспечения основных потребностей предприятий. Речь идёт не о предприятиях планового домена, которые не являются самостоятельными хозяйственными субъектами, а о рыночных предприятиях. Эффективным решением может оказаться бесплатное предоставление некоторым предприятиям ограниченного количества оборудования на условиях, выгодных и предприятиям, и обществу. В производственной сфере во многих случаях условие фиксированности спроса является естественным, поскольку при выпуске определённых видов промышленной продукции счёт часто идёт на единицы [5].

В плановый домен могут попасть социально необходимые продукты. Их характеристическая кривая должна строиться не на основании личного физиологически обусловленного спроса, а в зависимости от социальной потребности. И хотя образование не является физиологически обусловленной услугой, общественное значение его очень велико, так что характеристическая кривая будет соответствовать указанным условиям, что приводит к выделению этой услуги в отдельный плановый домен.

Заметим, что производство некоторой продукции в плановом домене ограничено условиями (4), (6). Однако, если в обществе есть потребность в этих продуктах свыше установленных пределов, то дополнительное количество будет произведено в рыночном домене. Так происходит в сфере образования и медицины, когда основная потребность покрывается бесплатно, а дополнительные услуги могут быть получены через рынок. При политическом желании возможно расширение производства плановой продукции сверх указанных пределов. Тогда излишки могут поступать на внутренний или внешний рынок для продажи.

Итак, мы рассмотрели критерии принятия решения о производстве в ПЭ. Эти критерии отвечают на вопрос, «что и в каком количестве лучше производить в плановом домене». С другой стороны, для создания планового домена нужны свободные кадры. Судя по показателям безработицы⁴, во многих странах кадры для ПЭ есть. Это

⁴ ILO Department of Statistics. (2020). Unemployment and labour underutilization. ILOSTAT. Retrieved June 23, 2021, from <https://ilostat.ilo.org/topics/unemployment-and-labour-underutilization/>

позволяет предположить, что сегодня производительность труда в мире достаточно высока, чтобы появились новые плановые домены.

Каким может быть дальнейшее развитие планового хозяйства при повышении производительности? Возможно, будут предприняты попытки удовлетворить основные потребности человека (продовольствие, жильё, тепло и т. п.). Именно об этом – активно обсуждаемая тема безусловного основного дохода (БОД). В отличие от планового хозяйства, наиболее часто предлагаемая схема внедрения БОД предполагает неконкурентное распределение не потребительской продукции, а денег.

5. Организация системы БОД с помощью ПЭ.

Одновременное решение задачи гарантированной занятости

Существует несколько ключевых характеристик, встречающихся во многих схемах реализации БОД: распределяется в денежном виде, регулярно, индивидуально, безоговорочно и повсеместно [13]. Предоставление БОД именно в денежном виде считается принципиальным условием. Как писал один из идеологов БОД Филипп Ван Парайс: «Фундаментальную роль в понятии базового дохода играет то, что он выплачивается в деньгах, а не в форме продовольствия, жилья, одежды или других потребительских благ» [21]. Парайс приводит несколько аргументов в пользу БОД в денежной форме. Рассмотрим эти аргументы, имея в виду, что Парайс не предполагает наличия бок о бок планового и рыночного доменов, а анализирует чисто рыночный случай. Мы не ограничены таким условием и можем взглянуть на ситуацию шире – рассмотреть приводимые Парайсом аргументы в случае смешанной экономики.

Аргумент 1: «...справедливое и эффективное распределение денежных средств, особенно в эпоху электронных платежей, требует гораздо меньше бюрократии» [21].

Поскольку мы обсуждаем равномерное распределение в плановом хозяйстве минимально необходимого количества продукта, проблемы справедливого распределения не существует. Что касается эффективности, то в случае плана распределение может быть автоматизировано – использование компьютерного контроля и автоматизация физического распределения продуктов (автоматические государственные магазины, обслуживающие по индивидуальным карточкам).

Аргумент 2: «...при распределении денег в меньшей степени проявляются клиентизм, различные виды лоббирования и растрата ресурсов вследствие их неправильного распределения» [21].

Аргумент не актуален в плановом домене в силу его неподчинённости рыночным отношениям. Все решения принимаются внутри государства и не зависят от частных компаний, продвижение интересов которых может зависеть от лоббирования. Растрата ресурсов затруднена в силу равномерного распределения напрямую потребителю, который заранее знает, сколько получит.

Аргумент 3: «...распределение денег, в отличие от продовольствия, повышает покупательную способность в той местности, где проживает бедное население, что оказывает на местную экономику стимулирующий, а не депрессивный эффект, который, как правило, возникает из-за бесплатного распределения импортированного продовольствия» [21].

В этом случае рассуждение Парайса не совсем логично, ведь ничто не мешает беднякам покупать на полученные деньги иностранную продукцию, особенно если международные концерны оказывают ценовое давление на местный рынок. В случае планового хозяйства всё происходит иначе. Прежде всего, покупательная способность не важна при получении бесплатных продуктов. Задача планового подхода – равномерное обеспечение людей необходимым. Организация планового производства означает

не просто стимулирование, а прямое развитие местного производства, и работа этого производства не подвержена колебаниям спроса. Государственные предприятия являются стратегическим ресурсом страны, социальным буфером для обеспечения граждан и продукцией, и работой.

Аргумент 4: «...самое важное: если приоритет отдается расширению свободы для каждого, то это в общем виде предполагает, что нельзя ограничивать человека в выборе предметов и времени расходования средств, а это аргумент в пользу распределения денег».

Согласно приведённым выше принципам организации планового домена, речь идёт об удовлетворении жизненно важных потребностей, которые для всех одинаковы и не допускают широкого выбора вариантов. В этом случае нужна не свобода выбора, а гарантия обеспечения.

Таким образом, все аргументы против обеспечения базового жизненного уровня в натуральном виде оказываются несостоятельными в случае планового хозяйства. Кстати, сам Парайс отмечает: «...предпочтение денежных выплат, основанное на аргументах свободы, не должно превращаться в догму» [21]. Следуя этому разумному замечанию, рассмотрим преимущества организации БОД в виде планового домена.

Сначала напомним, что при любом способе организации БОД необходимо перераспределение денежных потоков в обществе через изменение налогов. Отметим принципиальное отличие ПЭ от денежного БОД: при плановом способе деньги перераспределяются не ради повышения потребления, а ради создания собственного внутреннего производства, на котором будут заняты граждане страны, а перераспределённые деньги станут их зарплатой.

При этом обеспеченная в натуральном виде жизненная основа общества при ПЭ полностью выведена из сферы денежной конкуренции, что является значительным преимуществом. Поскольку денежное/рыночное распределение конкурентно, при реализации БОД в денежной форме остаётся поле для соперничества. В этом случае более незащищённые люди проигрывают, подчиняясь своим слабостям или обманной рекламе, растрачивают деньги не по назначению, лишая себя необходимого. Если цель базового дохода состоит в защите более слабых, то гораздо полезнее вывести таких людей из поля конкуренции. Прямое обеспечение основных потребностей в случае распределения без конкуренции создаёт более надёжную жизненную основу.

Заметим, что наличие планового домена позволяет государству привлекать сотрудников на государственные производственные предприятия, гарантируя право на труд. Обеспечение полной занятости, как в социалистических государствах, было одной из ключевых тем в работах Джона Мейнарда Кейнса. Он считал, что: «Наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость, а также произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [6]. Последователи Кейнса в современной денежной теории (ММТ) ставят вопрос о необходимости обеспечения государством возможности трудиться для всех желающих [20]: «Подход с использованием буферного запаса занятости (в литературе его чаще называют гарантией занятости) определяет рамки политики, в которых правительство управляет буферным запасом рабочих мест для поглощения работников, которые не могут найти работу в частном секторе». Создание государственного домена экономики способно помочь в решении этой задачи.

Добавим, что плановая часть экономики не ограничена в принятии решений рамками рыночной конкуренции, требующими рентабельности (создания прибыли). В плановом хозяйстве понятие прибыли бессмысленно. Ничто не мешает предоставить нуждающимся и желающим трудиться такую работу, где их умения будут полез-

ны. Поскольку плановое хозяйство не требует прибыльности, можно вкладывать в конечный продукт намного больше труда (который в ином случае просто не востребован), чем при рыночном варианте, и достигать более высокого качества. Этот подход в любом случае принесёт больше пользы, чем выплата тем же людям социальных пособий без малейшего вклада в общественное благосостояние с их стороны.

Заключение

Отталкиваясь от критического анализа планового хозяйства Мизесом, мы выявили некоторые важные характеристики этого способа организации экономики. К обычно указываемым признакам планового хозяйства были добавлены следующие: в плановом хозяйственном домене должна создаваться продукция неснижаемого спроса, которая производится в ограниченном необходимом количестве и распределяется между всеми членами общества бесплатно, равномерно, без соперничества. С учётом этого дополнения оказывается, что плановый подход естественно сочетается с рыночным, позволяя создать более гармоничную и устойчивую экономическую систему, где каждый способ применяется там, где он приносит наибольшую пользу обществу. Были предложены правила для определения областей наилучшего применения плана. Оказалось, что плановый подход целесообразен для организации системы БОД. Кроме того, плановое хозяйство служит полезным инструментом при решении проблемы гарантированной занятости. Создание полноценного планового домена задаст новые мировые стандарты социального государства и обеспечит независимую основу благосостояния граждан, не подверженную влиянию финансовых и иных рынков.

Список литературы

1. Берг, А. И. О возможностях автоматизации управления народным хозяйством / А. И. Берг, А. И. Китов, А. А. Ляпунов // Проблемы кибернетики: сб. ст. – 1959. – № 6. – С. 83–100.
2. Статистические методы исследования макроэкономических явлений и процессов / Н. Е. Булетова [и др.]. – Волгоград: Изд-во Волгоградского фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014.
3. Глушков, В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС / В. М. Глушков. – М.: Статистика, 1975.
4. Ищенко-Падукова, О. А. Образовательная экосистема в методологических координатах двухсекторной модели смешанной экономики / О. А. Ищенко-Падукова, И. В. Мовчан // Государственное и муниципальное управление: Учёные записки. – 2021. – № 3. – С. 106–110.
5. Каргин, Е. С. Новый взгляд на государственный сектор экономики / Е. С. Каргин // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 3 (37). – С. 114–124.
6. Кейнс, Д. М. Общая теория занятости, процента и денег / Д. М. Кейнс. – М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1948.
7. Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. Мизес. – М.: Catallaxy, 1994.
8. Ковалев, А. В. Экономический расчет при социализме: современное понимание дискуссии / А. В. Ковалев // Наука и техника. – 2008. – № 2. – С. 52–60.
9. Петухов, В. А. К исследованию плановой экономики / В. А. Петухов. – М.: ИД «Академия Естествознания», 2021.
10. Плотников, В. А. Понятие смешанной экономики: эволюция развития и современная трактовка / В. А. Плотников // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2018. – Т. 8, № 2(27). – С. 8–16.

11. Хайек, Ф. А. фон. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек. – М.: Новое издательство, 2005.
12. Ханин, Г. И. 50-е годы – десятилетие триумфа советской экономики / Г. И. Ханин // ЭКО. – 2021. – № 11(329). – С. 166–170.
13. Bidadanure, Juliana Uhuru (2019). The Political Theory o Universal Basic Income. Annual Review of Political Science. 22, 481–501.
14. Grossman G. (1962) The Structure and Organization of the Soviet Economy // Slavic Review. Vol. 21. P. 203–222.
15. Jevons, W. Stanley. (1871). The theory of political economy. London: Macmillan and. Co.
16. Lavoie, Don (1985) Rivalry and central planning. The socialist calculation debate reconsidered. Cambridge university press.
17. Mises, L. (1990). Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. Ludwig von Mises Institute.
18. Mises, L. (1998). Human action. A Treatise on Economics. Ludwig von Mises Institute.
19. Mises, L. (1962). Socialism. An Economic and Sociological Analysis. New haven Yale university press.
20. Mitchell William, Wray L. Randall, Watts Martin. (2019) Macroeconomics. Red Globe Press.
21. Parijs Philippe Van, Yannick Vanderborght. (2017) Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Harvard University Press.
22. Samuelson, P., & Nordhaus, W. (2009). Economics. 19th ed. McGraw-Hill Education.

References

1. Berg A. I., Kitov A. I., Lyapunov A. A. (1959) [On the Possibilities of Automating the Management of the National Economy]. Problems of Cybernetics: Collection of Articles, 6, pp. 83–100.
2. Buletova N. E., et al. (2014) Statisticheskiye metody issledovaniya makroekonomicheskikh yavleniy i protsessov [Statistical Methods for Studying Macroeconomic Phenomena and Processes]. Publishing House of the Volgograd FGBOU VPO RANEPА.
3. Glushkov V. M. (1975). Makroekonomicheskiye modeli i printsipy postroyeniya OGAS [Macroeconomic Models and Principles of OGAS Construction]. Moscow: Statistika Publ.
4. Ishchenko-Padukova O. A., Movchan I. V. (2021) Obrazovatel'naya ekosistema v metodologicheskikh koordinatakh dvukhsektornoy modeli smeshannoy ekonomiki [Educational Ecosystem in the Methodological Coordinates of the Two-Sector Model of a Mixed Economy]. State and Municipal Administration. Scholars Notes, 3, pp. 106–110.
5. Kargin E. S. (2013) Novyy vzglyad na gosudarstvennyy sektor ekonomiki [A New Look at the Public Sector of the Economy]. Economic Revival of Russia, 3 (37), pp. 114–124.
6. Keynes D.M. (1948) General Theory of Employment, Interest and Money. State Publishing House of Foreign Literature.
7. Mises L. (1964) Socialism. An Economic and Sociological Analysis. Catallaxy.
8. Kovalev A.V. (2008) Ekonomicheskiy raschet pri sotsializme: sovremennoye ponimaniye diskussii [Economic Calculation Under Socialism: A Modern Understanding of the Debate]. Science and Technology, 2, pp. 52–60.
9. Petukhov V. A. (2021) K issledovaniyu planovoy ekonomiki [On the Study of a Planned Economy]. Academy of Natural Science Publishing House.
10. Plotnikov V. A. (2018) Ponyatiye smeshannoy ekonomiki: evolyutsiya razvitiya i sovremennaya traktovka [The Concept of a Mixed Economy: The Evolution of Development and

Modern Interpretation]. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management, vol. 8, 2 (27), pp. 8–16.

11. Hayek, F. (2005) *The Road to Serfdom*. New Publishing House.
12. Khanin G. I. (2001) 50-ye gody - desyatiletie triumfa sovetskoy ekonomiki. [The 1950s: The Decade of the Triumph of the Soviet Economy]. *ECO*, 11(329), pp. 166–170.
13. Bidadanure, J. (2019) The Political Theory of Universal Basic Income. *Annual Review of Political Science*, 22, pp. 481–501.
14. Grossman G. (1962) The Structure and Organization of the Soviet Economy. *Slavic Review*, vol. 21, pp. 203–222.
15. Jevons W. (1871) *The Theory of Political Economy*. London: Macmillan and. Co.
16. Lavoie D. (1985) *Rivalry and Central Planning. The Socialist Calculation Debate Reconsidered*. Cambridge University Press
17. Mises L. (1990) *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*. Ludwig von Mises Institute.
18. Mises L. (1998) *Human action. A Treatise on Economics*. Ludwig von Mises Institute.
19. Mises L. (1962) *Socialism. An Economic and Sociological Analysis*. New Haven. Yale University Press.
20. Mitchell W., Wray L., Watts M. (2019) *Macroeconomics*. Red Globe Press.
21. Van Parijs P., Vanderborght Y. (2017) *Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Harvard University Press.
22. Samuelson P., Nordhaus W. (2009). *Economics*. 19th ed. McGraw-Hill Education.

Y. N. Stefanov⁵. Planning and Market in a Mixed Economy. Ensuring Basic Income and Employment. Based on the justified criticism of the planned economy (PE) by Ludwig von Mises, the author concludes that the planned economic activity organization will be more effective compared to the market economy if used in combination with the market form in stationary areas of the economy oriented towards irreducible demand while manufactured goods will be distributed equally and free of charge. Criteria are proposed to determine which products are more efficient to produce in a planned manner in a mixed planned-market economy. The author shows that the introduction of a mixed economy makes it possible to best solve the problem of providing citizens with a universal basic income (UBI), simultaneously finding the answer to the issue of ensuring universal employment.

Keywords: planned economy, market economy, mixed economy, convergence, unconditional basic income, guaranteed employment.

⁵ *Yaroslav N. Stefanov*, degree-seeking candidate, Faculty of Mechanics and Mathematics at Lomonosov Moscow State University (24/4 Lomonosovskiy pr., Moscow, 119192, Russia), e-mail: yrsstf@gmail.com

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-124-139

А. В. Бабкин¹, Е. В. Шкарупета², Т. И. Польщиков³

КОНЦЕПЦИЯ ЭФФЕКТИВНОГО УСТОЙЧИВОГО ESG-РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ В ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ⁴

Актуальность исследования обусловлена низким уровнем проникновения циркулярной экономики в мире с тенденцией к снижению. Чтобы сохранить мир пригодным для жизни и процветания настоящего и будущих поколений, необходимо удвоить глобальную циркулярность до 17 %. Промышленные экосистемы РФ уделяют большое внимание глобальной повестке устойчивого развития и ESG-трансформации. Однако, это не позволяет преодолеть главные проблемы на пути развития промышленных экосистем в циркулярной экономике РФ – лавинообразный прирост отходов производства и потребления, а также тенденцию антидекаплинга, характерную для линейной, высокоматериалоёмкой экспортно-сырьевой экономической модели. Дается обоснование теоретической концепции эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике. Основопологающим в исследовании является диалектический подход, использованы также системный, комплексный, междисциплинарный, кросс-отраслевой, проектный, ценностный, холистический подходы и комплекс методов (компаративный и семантический анализ, исторический метод, метод выделения таксономических признаков и др.). Анализ развития циркулярной экономики на основе исторического метода и компаративного анализа концепций циркулярной экономики позволил представить циркулярную экономику в виде зонтичного термина для множества коэволюционирующих концепций. Выявлено смысловое ядро существующих определений циркулярной экономики. Сформулировано авторское видение сущности циркулярной экономики. Выявлены первопричины необходимости циркулярной экономики, принципов, подходов, факторов, стратегий на трёх уровнях, циркулярных бизнес-моделей, эффектов по этапам цепочки создания циркулярной

¹ *Александр Васильевич Бабкин*, профессор Высшей инженерно-экономической школы, заведующий НИЛ Цифровая экономика промышленности Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, РФ, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29), д-р экон. наук, профессор, e-mail: al-vas@mail.ru

² *Елена Витальевна Шкарупета*, ведущий научный сотрудник НИЛ Политехинвест Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, РФ, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29), д-р экон. наук, профессор, e-mail: 9056591561@mail.ru

³ *Тихон Игоревич Польщиков*, аспирант Воронежского государственного технического университета (394000, РФ, Воронеж, Московский пр., 14), e-mail: tpolshikov@yandex.ru

⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 23-28-01316.

стоимости на основе кросс-отраслевого и холистического подходов, метода выделения таксонов. Выделены существенные черты циркулярной экономики в промышленности и разработана концепция эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике. Направлением дальнейших исследований является формирование методологии стратегического управления эффективным устойчивым ESG-развитием промышленных экосистем в циркулярной экономике.

Ключевые слова: циркулярная экономика, промышленные экосистемы, концепция, ESG, устойчивое развитие.

УДК 330.352

Введение

Революционные инновации, блестящие идеи и климатические императивы изменят всё, кроме основ экономики и управления. В мире наблюдается высокая турбулентность внешней среды, обусловленная возрастающей планетарной нагрузкой, истощением природных ресурсов, значительным экологическим следом, необходимостью постпандемийного восстановления экономики и промышленности, санкционным давлением в условиях обострения геополитических отношений. В этих условиях парадигма устойчивого развития становится наиболее жизнестойкой и связующей концептуальной платформой, на которую придётся опереться всем странам, отраслям и корпорациям, чтобы противостоять волатильности среды и выйти из кризиса. На путь достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) промышленные экосистемы РФ способны поставить модель циркулярной экономики. В то время как преобладающий подход к экономическому росту создаёт огромное количество отходов для получения прибыли относительно небольшим количеством людей, модель циркулярной экономики может рассматривать отходы как недостаток конструкции и создавать более распределённые и инклюзивные системы. В конечном счёте она даёт возможность переосмыслить и перепроектировать экономику, чтобы лучше удовлетворять человеческие потребности и более эффективно использовать природные ресурсы, а «зарождающееся» состояние делает её созрелой для инноваций.

В настоящее время уровень проникновения циркулярной экономики в мире очень низок и демонстрирует тенденции к ещё большему снижению: с 9,1 % в 2018 г. до 8,6 % в 2020 г.⁵ Тем не менее, у циркулярной экономики есть потенциал для достижения желаемого эффекта масштаба, в том числе за счёт использования цифровых технологий. Чтобы сохранить мир пригодным для жизни и процветания текущего и будущих поколений, необходимо удвоить глобальную циркулярность с 8,6 до 17 %. Нашей стране и всему миру предстоит большая работа, чтобы в полной мере использовать преимущества циркулярной экономики.

В последние годы в РФ прилагаются значительные усилия для формирования законодательной и нормативной базы устойчивого развития, экономики замкнутого цикла и экологического регулирования. Так, Росстат разработал платформу ЦУР, провёл большую работу по адаптации международной методологии к реалиям российской статистики. В РФ принято и реализуется действенное законодательство по модернизации и экологизации окружающей среды; в национальных масштабах реализуются фе-

⁵ Circularity Gap Report 2022. <https://www.circularity-gap.world/2022>.

деральный проект «Экономика замкнутого цикла», концепция Наилучших доступных технологий; существует целый комплекс правовых актов по обращению с отходами. Однако, в РФ отсутствует документально и законодательно закреплённое понятие циркулярной экономики.

Объектом исследования являются многоуровневые киберсоциальные промышленные экосистемы кластерного типа различных видов экономической деятельности. Классическое понимание промышленной экосистемы включает её описание как модели промышленной деятельности, представляющей собой локализованные социально-экономические формации, обеспечивающие устойчивое развитие посредством рециркуляции входных и выходных ресурсов на основе методов промышленного симбиоза [1]. Мы представляем *промышленную экосистему* как сложную систему «экономических акторов, действующих на базе единой цифровой платформы, отличающихся видами деятельности и особенностями функционирования, целью которых является создание на основе принципа эмерджентности промышленной продукции и/или услуг» [2, 3].

Предметом исследования выступают управленческие, организационные и экономические отношения, возникающие в процессе решения комплекса теоретических, научно-методических и практических вопросов и проблем управления развитием промышленных экосистем в циркулярной экономике РФ.

Цель исследования – обоснование теоретической концепции эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике.

Задачи исследования:

- провести анализ нарратива развития циркулярной экономики на основе исторического метода и компаративного анализа;
- сформулировать авторское видение сущности циркулярной экономики;
- выделить сущностные черты циркулярной экономики в промышленности и разработать концепцию эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике.

Методы и материалы. Основополагающим в процессе исследования является диалектический подход. Кроме него использованы системный, комплексный, междисциплинарный, кросс-отраслевой, проектный, ценностный, холистический подходы; библиометрический анализ на основе инструментов Google Trends, Scopus Analytics и Платформы стратегической разведки WEF, контент-анализ, компаративный, семантический анализ; исторический метод, метод выделения таксономических признаков, стратегических карт, интегральный метод, метод линейной нормализации; методы компьютерного анализа данных, кабинетного исследования, анализа научных публикаций; методы качественного и количественного анализа данных; управление по отклонениям на основе данных, рейтингование, триангуляция агрегированных объёмов материалов с другими установленными источниками, метод бенчмаркинга и др.

Результаты и обсуждение

Наиболее известными публикациями российских и зарубежных авторов, позволяющими понять современное состояние области исследований, являются труды А. Туладхар и др. [4], Д. Райке и др. [5], Ф. Бломсма и др. [6]. Авторы одного из самых известных исследований сущностных характеристик циркулярной экономики Дж. Кирчхер, Д. Райке, М. Хеккерт [7] проанализировали 114 существующих определений циркулярной экономики. На наш взгляд, в научных публикациях можно найти еще несколько сотен определений. Термин «циркулярная экономика» часто используется наравне с

терминами «циклическая экономика», «экономика замкнутого цикла». Данные понятия являются синонимами [8, 9]. Из-за наличия большого количества различных трактовок понятия циркулярной экономики, на наш взгляд, существенные черты циркулярной экономики целесообразно рассматривать с точки зрения двух подходов:

1) широкого:

– круговая (циклическая) экономика – это новая идеология жизни, которая является основой более устойчивой системы, обеспечивающей всем здоровье и безопасность [10];

– в широкой трактовке циркулярная экономика – это экономика, минимизирующая отходы и потери [11];

– в самом общем смысле циркулярная экономика может быть представлена как инструмент достижения целей устойчивого развития [12–14];

2) узкого, специализированного:

– циркулярная экономика – это экономика, построенная на основе систем производства – потребления общества, которая максимизирует услуги, производимые из линейного потока материалов и энергии «природа – общество – природа». Для этого используются циклические потоки материалов, возобновляемые источники энергии и каскадные потоки энергии 1 типа. Успешная круговая экономика способствует всем трём аспектам устойчивого развития. Циркулярная экономика ограничивает пропускной поток до уровня, который допускает природа, и использует циклы экосистем в экономических циклах, соблюдая их естественные темпы воспроизводства [15];

– экономическая система, которая заменяет концепцию «конца жизни» сокращением, альтернативным повторным использованием, переработкой и восстановлением материалов в процессах производства/распределения и потребления [16];

– циркулярная экономика означает «производство и потребление товаров через замкнутые материальные потоки, которые интернализируют внешние экологические эффекты, связанные с добычей первичных ресурсов и образованием отходов (включая загрязнение)» [17];

– «циркулярная экономика – это подход, который изменит функцию ресурсов в экономике. Отходы заводов станут ценным сырьем для другого процесса, а продукцию можно будет не выбрасывать, а ремонтировать, повторно использовать или модернизировать» [18];

– циркулярная экономика «относится в основном к аспектам физических и материальных ресурсов экономики – она сосредоточена на переработке, ограничении и повторном использовании физических ресурсов экономики, а также на использовании отходов в качестве ресурса, что приводит к снижению потребления первичных ресурсов» [19];

– циркулярная экономика – это альтернатива традиционной линейной экономике (производство, использование, утилизация), в которой мы сохраняем ресурсы как можно дольше, извлекая из них максимальную стоимость в процессе использования, затем восстанавливая и повторно используя продукты и материалы [20].

В 2022 г., объединив преимущества цифровизации и циркулярной экономики, учёные Академии Луохан⁶ предложили интегрированную концептуальную схему цифровой циркулярной экономики. Каждый из элементов системы цифровой циркулярной экономики активно влияет на другой, тем самым минимизируя или даже устраняя

⁶ Digital Circular Economy for Net Zero. Luohan Academy Report. April 2022. <https://gw.alipayobjects.com/os/bmw-prod/53f4bcd3-6c45-45ba-ace4-e34b76b6d2bb.pdf>.

ограничения любого из них в отдельности. С одной стороны, повышение эффективности за счёт цифровизации может быть переведено в повышение эффективности циркулярной экономики. С другой стороны, циркулярная экономика может достичь значимого сокращения выбросов углерода, способствуя масштабированию за счёт цифровизации. Не менее важно и то, что активное взаимодействие цифровизации, циркулярности и экономики возможно только в рамках экономической системы, контролируемой заинтересованными сторонами и целенаправленным управлением. Именно эту систему учёные Академии Луохан⁷ назвали цифровой циркулярной экономикой.

Промышленные экосистемы РФ уделяют большое значение глобальной повестке устойчивого развития и ESG-трансформации; реализуют стратегии, политики и программы, направленные на повышение качества окружающей среды, создание полностью замкнутых производственных циклов и максимальное вовлечение в производство вторичного сырья. Однако, вышеперечисленные положительные тенденции пока не позволяют преодолеть главные проблемы на пути развития промышленных экосистем в циркулярной экономике РФ – лавинообразный прирост отходов производства и потребления, а также тенденцию антидекаплинга, характерную для линейной, высокоматериалоемкой экспортно-сырьевой экономической модели, одной из самых инертных и неустойчивых. Обратный принцип декаплинга подразумевает, что экономический рост возможен без возрастания негативной нагрузки на окружающую среду, а иногда – даже с её снижением. Решение проблем и устранение негативных тенденций в целях эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике РФ требует внедрения эффективной системы управления, обеспеченной научно обоснованными подходами, стратегиями, бизнес-моделями, этапами, технологиями, решениями, концептуально-методическим инструментарием, рекомендациями и механизмами реализации.

Под *циркулярной экономикой* в рамках данного исследования будем понимать концептуальную системную модель перехода к повторному использованию и потреблению материальных продуктов и энергетических ресурсов с целью минимизации отходов и загрязнений, повышения устойчивости производственных процессов и решений, восстановления окружающей среды и создания дополнительной экономической, социальной и экологической ценности. Разделяя точку зрения экспертов Accenture [21], под *циркулярной экосистемой* в данном исследовании мы понимаем сеть организаций, сотрудничающих и взаимодействующих в целях создания благоприятной среды для коллективных преобразований, позволяющих цепочкам создания стоимости (или отдельным отраслям, или операционным зонам) перейти от линейного к циркулярному способу функционирования.

В ходе исследования авторы пришли к выводу, что в настоящее время можно выделить два основных подхода к описанию содержательных аспектов циркулярной экономики [22–26]:

1) азиатский подход к циркулярной экономике делает акцент на более чистом потреблении и производстве. В основе азиатской стратегии формирования циркулярной экономики лежат так называемые R-императивы (рис. 1): от 3R до 10R. Д. Рейке и др. [5] на основе анализа огромного количества слов, которые появляются в научных статьях в качестве R-императивов, отмечают использование 38 различных «re-» слов.

⁷ Digital Circular Economy for Net Zero. Luohan Academy Report. April 2022. <https://gw.alipayobjects.com/os/bmw-prod/53f4bcd3-6c45-45ba-ace4-e34b76b6d2bb.pdf>.

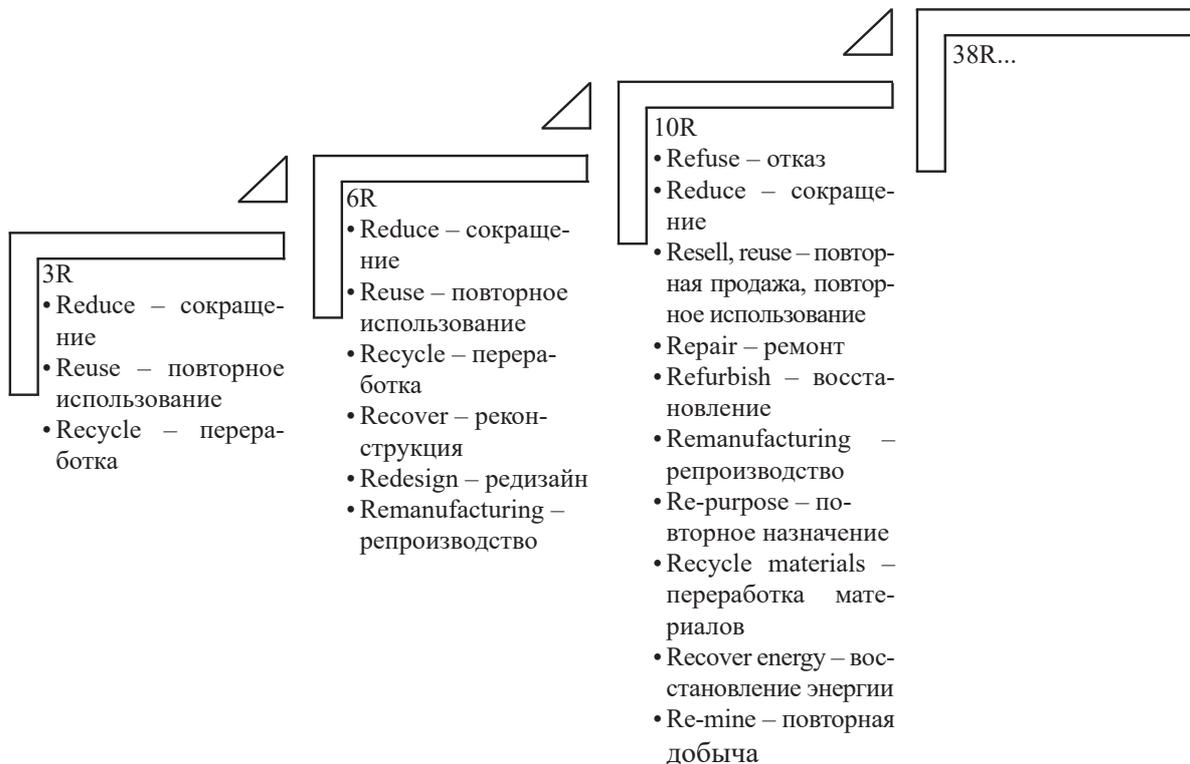

Рис. 1. R-императивы в концепции циркулярной экономики (составлено авторами)

Азиатская концепция циркулярной экономики во многом перекликается с концепцией промышленной экологии Г. Л. Звягинцева [25], Г. А. Ягодина [26], Р. Фроша и Н. Галлопулоса [27], Б. Алленби [28–31], основанной на преимуществах использования остаточных отходов, включая энергию, воду, различные побочные продукты, а также информацию [32];

2) европейский взгляд на содержательные аспекты циркулярной экономики фокусируется на подходе системного проектирования и черпает вдохновение в основном из методологии «От колыбели к колыбели» [33] и экономической модели замкнутого цикла У. Штаэля [34].

В качестве таксономических признаков конструирования метрик классификации факторов развития промышленных экосистем в условиях циркулярной экономики авторами применены следующие (рис. 2):

- отношение к одной из трёх проекций ESG-развития;
- отношение к одной из трёх концепций устойчивости – циркулярной, зелёной экономике или биоэкономике;
- отношение к одной из 8 проекций трансформационной карты Всемирного экономического форума (WEF) по вопросам циркулярной экономики.

Рассмотрим группы таксономических признаков факторов развития промышленных экосистем в условиях циркулярной экономики последовательно:

1. По отношению к одной из проекций ESG-развития. С. Невес и А. Маркус [35] исследуют драйверы и барьеры при переходе от линейной экономики к циркулярной и

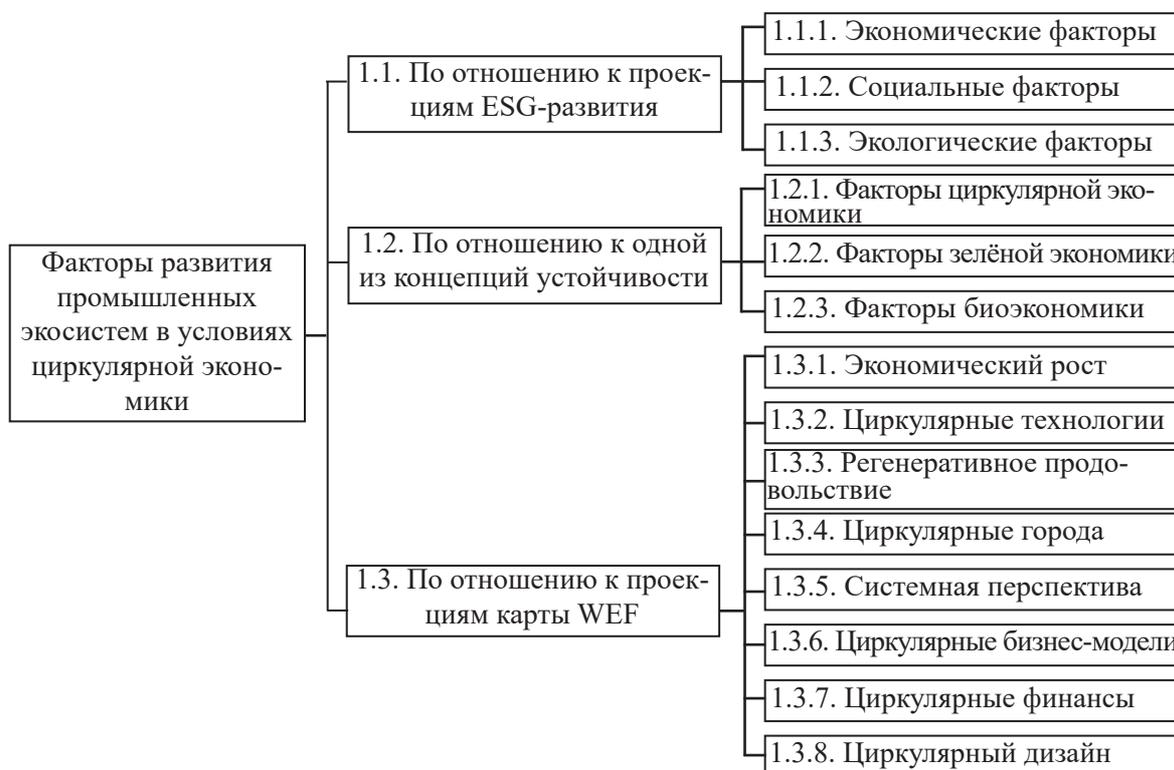

Рис. 2. Таксономия факторов развития промышленных экосистем в условиях циркулярной экономики (составлено авторами)

выделяют три группы факторов циркулярности: экономические, социальные и факторы окружающей среды. Другими словами, учёные анализируют ESG-факторы, а циркулярную экономику рассматривают как инструмент повышения эффективности устойчивого развития и достижения целей устойчивого развития.

К экономическим факторам циркулярной экономики можно отнести следующие [36]:

- существует связь между уровнем дохода и экологически устойчивым поведением. При этом не уровень бедности, а неравенство доходов влияет на выбросы и является значимым фактором циркулярности;

- в развитых странах экономический рост «стимулирует» образование отходов, а увеличение их количества создаёт новые рабочие места в секторе управления отходами, способствуя экономическому росту;

- в развивающихся странах экономический рост также стимулирует образование отходов, но обратной связи нет – образование отходов ведёт к снижению экономического роста;

- важность инвестиций в кругооборот.

К социальным факторам циркулярной экономики относятся следующие [35]:

- нет прямой взаимосвязи между плотностью населения и экологически устойчивым поведением. Например, рост населения в Китае сместил акцент с утилизации отходов на управление ими;

– существует связь между грамотностью и экологически устойчивым поведением населения (не доказано на региональном/муниципальном уровне);

– возраст населения является существенным предиктором уровня переработки и/или образования отходов.

К экологическим факторам циркулярной экономики можно отнести следующие [35, 37]:

– доказано, что окружающая среда только выиграет от циркулярной экономики;

– повышение экологической осведомлённости и сознательности побуждает домохозяйства к переработке отходов;

– экологическое регулирование способствует разделению сбора отходов.

2. По отношению к одной из трёх стратегий устойчивости – зелёной экономике, биоэкономике и циркулярной экономике. Зелёная экономика и биоэкономика (наравне с циркулярной) являются стратегиями достижения целей устойчивого развития.

Д'Амато, Дж. Корхонен и др. [38, 39] обнаружили, что:

– для экологической устойчивости зелёная экономика выступает в качестве «зонтичной» концепции, включающей элементы концепций циркулярной и биоэкономики (например, экологическая эффективность; возобновляемые источники энергии), а также дополнительные идеи, например решения на основе природы. В частности, циркулярная экономика и биоэкономика ориентированы на ресурсы, в то время как зелёная экономика признаёт основополагающую роль всех экологических процессов;

– что касается социального измерения, зелёная экономика в большей степени учитывает некоторые аспекты на местном уровне (например, экологический туризм, образование), в то время как в литературе по биоэкономике появляются дискуссии о местных процессах с точки зрения биобезопасности и сельской политики. Продукция на биооснове имеет решающее значение для перехода к циркулярной экономике [35, 40, 41].

Сравнивая различные стратегии устойчивости, продвигаемые концепциями зелёной экономики, биоэкономики и циркулярной экономики, Д'Амато, Дж. Корхонен и др. [38, 39] выступают не за их взаимозаменяемость, а за их уточнение и взаимную интеграцию.

3. По отношению к одной из 8 проекций трансформационной карты WEF по вопросам циркулярной экономики.

На основе Платформы стратегической разведки WEF нами получена трансформационная карта факторов по направлению «Циркулярная экономика»⁸, согласно которой факторы циркулярной экономики могут быть классифицированы по 8 группам:

– новое понимание экономического роста – приоритет людей и экологических систем может создать более устойчивую экономику;

– технологии, обеспечивающие циркулярность – такие инструменты, как искусственный интеллект, помогают повысить эффективность и сократить количество отходов;

– регенеративная продовольственная система – мы можем переосмыслить то, как мы выращиваем, производим, едим и думаем о еде;

– циркулярная экономика в городах – в настоящее время городские районы потребляют три четверти всех природных ресурсов, но ситуация может измениться;

– системная перспектива циркулярных изменений – устранение расточительной практики и обеспечение устойчивого потребления требуют системных изменений;

⁸ Платформа стратегической разведки Всемирного экономического форума. WEF. Circular Economy. Strategic Intelligence. <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb0000000pTDMEA2>.

- циркулярные бизнес-модели – возможности для переосмысления потребления с помощью долговечных продуктов, предназначенных для совместного использования и повторного применения, огромны;
- циркулярные финансы – финансовые компании и другие инвесторы должны обратить внимание на экологические, социальные и управленческие аспекты;
- циркулярный дизайн – инклюзивный и регенеративный дизайн может фундаментально решить экологические и социальные проблемы, а не лечить симптомы.

Резюмируя, представим разработанную концепцию эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике (рис. 3).

Рис. 3. Концепция эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике (разработано авторами)

Масштабы формирования циркулярной экономики в разных промышленных экосистемах неодинаковы, а темпы внедрения на практике – медленнее, чем ожидалось. Чтобы циркулярная экономика могла оказать значительное влияние на глобальное сокращение выбросов углерода, её необходимо внедрять в больших масштабах. В настоящее время уровень проникновения циркулярной экономики очень низок [42]. По данным Отчёта о циркулярном разрыве 2020 г.⁹, ежегодно в мировую экономику поступает 1009 млрд тонн материалов, из которых только 8,6 % возвращается в экономику. Линейная экспортно-сырьевая экономическая модель остаётся одной из самых инертных и неустойчивых [43, 44]. Тем не менее у циркулярной экономики есть потенциал для достижения желаемого эффекта масштаба, в том числе за счёт использования цифровых технологий [45]. Чтобы в полной мере использовать преимущества циркулярной экономики [46], предстоит проделать большую работу.

Заключение

Анализ развития циркулярной экономики на основе исторического метода и компаративного анализа концепций циркулярной экономики позволил представить её в виде зонтичного термина для множества коэволюционирующих концепций.

Выявление смыслового ядра существующих определений циркулярной экономики на основе широкого и узкого специализированных подходов позволило сформулировать авторское видение сущности циркулярной экономики.

Выявление первопричин необходимости циркулярной экономики, принципов, подходов, факторов, стратегий на трёх уровнях, циркулярных бизнес-моделей, эффектов по этапам цепочки создания циркулярной стоимости на основе кросс-отраслевого и холистического подходов, метода выделения таксонов на основе таксономических признаков позволило выделить сущностные черты циркулярной экономики в промышленности и разработать концепцию эффективного устойчивого ESG-развития промышленных экосистем в циркулярной экономике.

Направлениями и областями исследования, которые позволят авторам или другим исследователям развивать научное направление, представленное в статье, являются: методология стратегического управления эффективным устойчивым ESG-развитием промышленных экосистем в циркулярной экономике; совершенствование управления эффективным устойчивым ESG-развитием промышленных экосистем в циркулярной экономике РФ.

Список литературы

1. Korhonen J. (2000) Industrial Ecosystem: Using the Material and Energy Flow Model of an Ecosystem in an Industrial System. *Jyväskylä Studies in Business and Economics*, 5. University of Jyväskylä.
2. Бабкин, А. В. Управление кросс-отраслевым потенциалом развития в условиях Индустрии 5.0: теория, инструментарий и практические приложения / А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета, В. А. Плотников // *Экономическое возрождение России*. – 2022. – № 2 (72). – С. 50–65.
3. Бабкин, А. В. Интеллектуальная киберсоциальная экосистема Индустрии 5.0: понятие, сущность, модель / А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета, В. А. Плотников // *Экономическое возрождение России*. – 2021. – № 4 (70). – С. 39–62.

⁹ Circularity Gap Report 2020. <https://www.circularity-gap.world/2020>.

4. Tuladhar, A., Iatridis, K., Dimov, D. (2021) History and Evolution of the Circular Economy and Circular Economy Business Models. In: A. Stefanakis, & I. Nikolaou (Eds.), *Circular Economy and Sustainability: Environmental Engineering, Policy, and Management*. 1 ed., Vol. 1, pp. 187–192. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819817-9.00031-4>
5. Reike D., Vermeulen W. J. V., Witjes S. (2018) The Circular Economy: New or Refurbished as Ce 3.0? – Exploring Controversies in the Conceptualization of the Circular Economy Through a Focus on History and Resource Value Retention Options. *Resources, Conservation and Recycling*, 135, pp. 246–264.
6. Blomsma F., Brennan G. (2017) The Emergence of Circular Economy: A New Framing Around Prolonging Resource Productivity. *Journal of Industrial Ecology*, 21(3), pp. 603–614.
7. Kirchherr J., Reike D., Hekkert M. Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions // *Resources, conservation and recycling*. – 2017. – Т. 127. – С. 221–232.
8. Валько, Д. В. Циркулярная экономика: понятийный аппарат и диффузия концепции в отечественных исследованиях / Д. В. Валько // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент»*. – 2019. – №. 2. – С. 42–49.
9. Глухов, В. В. Цифровое стратегирование промышленных систем на основе устойчивых экоиновационных и циркулярных бизнес-моделей в условиях перехода к Индустрии 5.0 / В. В. Глухов, А. В. Бабкин, Е. В. Шкарупета // *Экономика и управление*. – 2022. – Т. 28, №. 10. – С. 1006–1020.
10. Альмашев, Д. М. Финансирование «зеленых» проектов в России: проблемы и перспективы / Д. М. Альмашев, А. В. Бабкин // *Устойчивое развитие (ESG): финансы, экономика, промышленность*. – 2022. – С. 17–28.
11. Бобылев, С. Н. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России / С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева // *Мир новой экономики*. – 2020. – №. 2. – С. 63–72.
12. Шкарупета, Е. В. Цифровая циркулярная экономика: концепция, модель, стратегии, фреймворк, технологии / Е. В. Шкарупета, Е. А. Ильина // *Организатор производства*. – 2022. – Т. 30, № 4. – С. 9–17.
13. Пахомова, Н. В. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития / Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, М. А. Ветрова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – 2017. – №. 2. – С. 244–268.
14. Ильина, Е. А. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и механизмы их реализации / Е. А. Ильина // *Организатор производства*. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 21–30.
15. Korhonen J., Honkasalo A., Seppälä J. (2018) Circular Economy: The Concept and Its Limitations. *Ecological Economics*, 143, pp. 37–46.
16. Schroeder P., Anggraeni K., Weber U. (2019) The Relevance of Circular Economy Practices to the Sustainable Development Goals. *Journal of Industrial Ecology*, 23(1), pp. 77–95.
17. Sauvé S., Bernard S., Sloan P. (2016) Environmental Sciences, Sustainable Development and Circular Economy: Alternative Concepts for Trans-Disciplinary Research. *Environmental Development*, 17, pp. 48–56.
18. Preston F. (2012) *A Global Redesign? Shaping the Circular Economy*.
19. Zhongming Z., et al. (2014) *Resource Efficient Green Economy and EU Policies*.
20. Mitchell P. (2015) *Employment and the Circular Economy-Job Creation Through Resource Efficiency in London*. Report produced by WRAP for the London Sustainable Development Commission, the London Waste and Recycling Board and the Greater London Authority.
21. Lacy P., Long J., Spindler W. (2020) *The Circular Economy Handbook*. Palgrave Macmillan UK.

22. Wautelet T. (2018) The Concept of Circular Economy: Its Origins and Its Evolution.
23. Валько, Д. В. Устойчивое развитие и циркулярная экономика: межстрановое измерение / Д. В. Валько // *Управление в современных системах*. – 2020. – №. 1 (25). – С. 3–12.
24. Ветрова, М. А. Развитие ремануфактуринга в качестве новой стратегии бизнеса при переходе к циркулярной экономике / М. А. Ветрова // *Эффективность экономики, экологические инновации, климатическая и энергетическая политика-2017*. – 2017. – С. 226–238.
25. Звягинцев, Г. Л. Промышленная экология и технология утилизации отходов / Г. Л. Звягинцев. – Харьков: Высш. шк., 1986.
26. Ягодин Г. А. Промышленная экология / Г. А. Ягодин // *Экология в мире технологий*. – М.: Знание, 1987.
27. Frosch R. A., Gallopoulos N. E. (1989) Strategies for Manufacturing. *Scientific American*, 261(3), pp. 144–153.
28. Allenby B. R. (1992a) Achieving Sustainable Development Through Industrial Ecology. *International Environmental Affairs*, 4(1), pp. 56–68.
29. Allenby B. R. (1992b) Design for Environment: Implementing Industrial Ecology. Rutgers The State University of New Jersey-New Brunswick.
30. Allenby B. R. (1992c) Industrial Ecology: The Materials Scientist in an Environmentally Constrained World. *MRS Bulletin*, 17(3), pp. 46–51.
31. Allenby B. R., et al. (1994) The Greening of Industrial Ecosystems. Washington, DC: National Academy Press, pp. 137–148.
32. Su B., et al. (2013) A Review of the Circular Economy in China: Moving from Rhetoric to Implementation. *Journal of Cleaner Production*, 42, pp. 215–227.
33. McDonough W., Braungart M. (2002) *Remaking the Way We Make Things: Cradle to Cradle*. New York: North Point Press, pp. 104.
34. Stahel W. R. (1986) Product Life as a Variable: The Notion of Utilization. *Science and Public Policy*, 13 (4), pp. 185–193.
35. Neves S. A., Marques A. C. (2022) Drivers and Barriers in the Transition from a Linear Economy to a Circular Economy. *Journal of Cleaner Production*, 341, Article 130865.
36. Ратнер, С. В. Факторы развития циркулярной экономики / С. В. Ратнер // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2020. – Т. 13, №. 4. – С. 430–447.
37. Сербулова, Н. М. Барьеры на пути перехода к циркулярной экономике / Н. М. Сербулова, А. С. Городнянская, С. В. Канурный // *Экономика и предпринимательство*. – 2018. – №. 3. – С. 978–983.
38. D’Amato D., Korhonen J., Toppinen A. (2019) Circular, Green, and Bio Economy: How Do Companies in Land-Use Intensive Sectors Align with Sustainability Concepts? *Ecological Economics*, 158, pp. 116–133.
39. D’Amato D., et al. (2017) Green, Circular, Bio Economy: A Comparative Analysis of Sustainability Avenues. *Journal of Cleaner Production*, 168, pp. 716–734.
40. Чеканова, Е. В. Анализ инновационного потенциала России в процессе перехода к циркулярной экономике / Е. В. Чеканова // *Журнал «У»*. Экономика. Управление. Финансы. – 2020. – №. 4. – С. 101–110.
41. Исмаилов, Т. А. Развитие и состояние циркулярной экономики / Т. А. Исмаилов, А. Н. Штукатуров, К. О. Языкова // *Кооперация и предпринимательство: состояние, проблемы и перспективы*. – 2021. – С. 283–286.
42. Chen L., et al. (2022) Digital Circular Economy for Net Zero.

43. Гурьева, М. А. Построение теоретических прогнозных сценариев развития циркулярной экономики в России / М. А. Гурьева // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, №. 8. – С. 2151–2178.

44. Симченко, Н. А. Теория циркулярных экономических систем: концептуальный дискурс / Н. А. Симченко, С. Ю. Цёхла // Теоретическая экономика. – 2021. – №. 2 (74). – С. 66–72.

45. Бабкин, А. В. Влияние социально-ответственного инвестирования на стоимость инновационно-активных промышленных предприятий / А. В. Бабкин, Е. Д. Малевская-Малевич // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 82–94. DOI: 10.18721/JE.14406.

46. Кваша, Н. В. Распределенная и цифровая энергетика как инновационные элементы четвертого энергоперехода / Н. В. Кваша, Е. Г. Бондарь // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.14605>.

References

1. Korhonen J. (2000) Industrial Ecosystem: Using the Material and Energy Flow Model of an Ecosystem in an Industrial System. *Jyväskylä Studies in Business and Economics*, 5. University of Jyväskylä.

2. Babkin A. V., Shkarupeta E. V., Plotnikov V. A. (2022) *Upravleniye kross-otraslevym potentsialom razvitiya v usloviyakh Industrii 5.0: teoriya, instrumentariy i prakticheskiye prilozheniya* [Intersectoral Development Potential Management Under Industry 5.0: Theory, Tools and Practical Applications.]. *Economic Revival of Russia*, 2 (72), pp. 50–65.

3. Babkin A. V., Shkarupeta E. V., Plotnikov V. A. (2021) *Intellektual'naya kibersotsial'naya ekosistema Industrii 5.0: ponyatiye, sushchnost', model'* [Intelligent Cyber-Social Ecosystem of Industry 5.0: Definition, Essence, Model]. *Economic Revival of Russia*, 4 (70), pp. 39–62.

4. Tuladhar, A., Iatridis, K., Dimov, D. (2021) History and Evolution of the Circular Economy and Circular Economy Business Models. In: A. Stefanakis, & I. Nikolaou (Eds.), *Circular Economy and Sustainability: Environmental Engineering, Policy, and Management*. 1 ed., Vol. 1, pp. 187-192. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819817-9.00031-4>

5. Reike D., Vermeulen W. J. V., Witjes S. (2018) The Circular Economy: New or Refurbished as Ce 3.0? – Exploring Controversies in the Conceptualization of the Circular Economy Through a Focus on History and Resource Value Retention Options. 135, pp. 246–264.

6. Blomsma F., Brennan G. (2017) The Emergence of Circular Economy: A New Framing Around Prolonging Resource Productivity. *Journal of Industrial Ecology*, 21(3), pp. 603–614.

7. Kirchherr J., Reike D., Hekkert M. (2017) Conceptualizing the Circular Economy: An Analysis of 114 Definitions. *Resources, Conservation and Recycling*, 127, pp. 221–232.

8. Val'ko D. V. (2019) *Tsirkulyarnaya ekonomika: ponyatiynyy apparat i diffuziya kontseptsii v otechestvennykh issledovaniyakh* [Circular Economy: Definitions and Diffusion of the Concept in Russian Research]. *Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, 2, pp. 42–49.

9. Glukhov V. V., Babkin A. V., Shkarupeta E.V. (2022) *Tsifrovoye strategirovaniye promyshlennykh sistem na osnove ustoychivyykh ekoinnovatsionnykh i tsirkulyarnyykh biznes-modeley v usloviyakh perekhoda k Industrii 5.0* [Digital Strategizing of Industrial Systems Based on Sustainable Eco-Innovation and Circular Business Models in the Context of the Transition to Industry 5.0]. *Economics and Management*, 28(10), pp. 1006–1020.

10. Al'mashev D. M., Babkin A. V. (2022) Finansirovaniye «zelenykh» projektov v Rossii: problemy i perspektivy. Ustoychivoye razvitiye (ESG): finansy, ekonomika, promyshlennost' [Financing "Green" Projects in Russia: Problems and Prospects]. Sustainable Development (ESG): Finance, Economics, Industry, pp. 17–28.
11. Bobylev S.N., Solovyeva S.V. (2020) Tsirkulyarnaya ekonomika i yeye indikatory dlya Rossii [Circular Economy and its Indicators for Russia]. The World of New Economy, 2, pp. 63–72.
12. Shkarupeta E. V., Ilyina E. A. (2022) Tsfrovaya tsirkulyarnaya ekonomika: kontseptsiya, model', strategii, freymvork, tekhnologii [Digital Circular Economy: Concept, Model, Strategies, Framework, Technologies]. Organizer of Production, 30 (4), pp. 9–17.
13. Pakhomova N. V., Richter K. K., Vetrova M. A. (2017). Perekhod k tsirkulyarnoy ekonomike i zamknutym tsepyam postavok kak faktor ustoychivogo razvitiya [Transition to Circular Economy and Closed-Loop Supply Chains as Driver of Sustainable Development]. St Petersburg University Journal of Economic Studies, 33(2), pp. 244–268
14. Ilyina E.A. (2022) Tsirkulyarnaya ekonomika: kontseptual'nyye podkhody i mekhanizmy ikh realizatsii [Circular Economy: Conceptual Approaches and Mechanisms of Their Implementation]. Organizer of Production, 30(3), pp. 21-30.
15. Korhonen J., Honkasalo A., Seppälä J. (2018) Circular Economy: The Concept and Its Limitations. Ecological Economics, 143, pp. 37–46.
16. Schroeder P., Anggraeni K., Weber U. (2019) The Relevance of Circular Economy Practices to the Sustainable Development Goals. Journal of Industrial Ecology, 23(1), pp. 77–95.
17. Sauvé S., Bernard S., Sloan P. (2016) Environmental Sciences, Sustainable Development and Circular Economy: Alternative Concepts for Trans-Disciplinary Research. Environmental Development, 17, pp. 48–56.
18. Preston F. (2012) A Global Redesign? Shaping the Circular Economy.
19. Zhongming Z., et al. (2014) Resource Efficient Green Economy and EU Policies.
20. Mitchell P. (2015) Employment and the Circular Economy-Job Creation Through Resource Efficiency in London. Report produced by WRAP for the London Sustainable Development Commission, the London Waste and Recycling Board and the Greater London Authority.
21. Lacy P., Long J., Spindler W. (2020) The Circular Economy Handbook. Palgrave Macmillan UK.
22. Wautelet T. (2018) The Concept of Circular Economy: Its Origins and Its Evolution.
23. Val'ko D. V. (2020) Ustoychivoye razvitiye i tsirkulyarnaya ekonomika: mezhstranovoye izmereniye [Sustainable Development and Circular Economy: Cross-Country Measurement]. Management in Modern Systems, 1(25), pp. 3–12.
24. Vetrova M. A. (2017) Razvitiye remanufakturinga v kachestve novoy strategii biznesa pri perekhode k tsirkulyarnoy ekonomike [Development of Remanufacturing as a New Business Strategy in the Transition to a Circular Economy]. In: Economic Efficiency, Environmental Innovation, Climate and Energy Policy-2017, pp. 226–238.
25. Zvyagintsev G. L. (1986) Promyshlennaya ekologiya i tekhnologiya utilizatsii otkhodov [Industrial Ecology and Technology of Waste Disposal]. Kharkov: Vysshaya shkola Publ.
26. Yagodin G. A. (1987) Promyshlennaya ekologiya. Ekologiya v mire tekhnologiy [Industrial Ecology. Ecology in the World of Technology]. M: Znaniye Publ.
27. Frosch R. A., Gallopoulos N. E. (1989) Strategies for Manufacturing. Scientific American, 261(3), pp. 144–153.
28. Allenby B. R. (1992a) Achieving Sustainable Development Through Industrial Ecology. International Environmental Affairs, 4(1), pp. 56–68.

29. Allenby B. R. (1992b) *Design for Environment: Implementing Industrial Ecology*. Rutgers The State University of New Jersey-New Brunswick.
30. Allenby B. R. (1992c) *Industrial Ecology: The Materials Scientist in an Environmentally Constrained World*. *MRS Bulletin*, 17(3), pp. 46–51.
31. Allenby B. R., et al. (1994) *The Greening of Industrial Ecosystems*. Washington, DC: National Academy Press, pp. 137–148.
32. Su B., et al. (2013) *A Review of the Circular Economy in China: Moving from Rhetoric to Implementation*. *Journal of Cleaner Production*, 42, pp. 215–227.
33. McDonough W., Braungart M. (2002) *Remaking the Way We Make Things: Cradle to Cradle*. New York: North Point Press, pp. 104.
34. Stahel W. R. (1986) *Product Life as a Variable: The Notion of Utilization*. *Science and Public Policy*, 13 (4), pp. 185–193.
35. Neves S. A., Marques A. C. (2022) *Drivers and Barriers in the Transition from a Linear Economy to a Circular Economy*. *Journal of Cleaner Production*, 341, Article 130865.
36. Ratner S. V. (2020) *Faktory razvitiya tsirkulyarnoy ekonomiki [Factors of the Circular Economy Development]*. *Financial Analytics: Science and Experience*, 13 (4), pp.430–447.
37. Serbulova N. M., Gorodnyanskaya A. S., Kanurny S. V. (2018) *Bar'ery na puti perekhoda k tsirkulyarnoy ekonomike [Barriers to the transition to a circular economy]*. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 3, pp. 978–983.
38. D'Amato D., Korhonen J., Toppinen A. (2019) *Circular, Green, and Bio Economy: How Do Companies in Land-Use Intensive Sectors Align with Sustainability Concepts?* *Ecological Economics*, 158, pp. 116–133.
39. D'Amato D., et al. (2017) *Green, Circular, Bio Economy: A Comparative Analysis of Sustainability Avenues*. *Journal of Cleaner Production*, 168, pp. 716–734.
40. Chekanova E. V. (2020) *Analiz innovatsionnogo potentsiala Rossii v protsesse perekhoda k tsirkulyarnoy ekonomike [An Analysis of Russian Innovation Potential During Transition Process to Circular Economy]*. *Journal "U". Economy. Control. Finance*, 4, pp. 101–110.
41. Ismailov T.A., Shtukaturov A.N., Yazykova K.O. (2021) *Razvitiye i sostoyaniye tsirkulyarnoy ekonomiki [Development and State of the Circular Economy]*. In: *Cooperation and Entrepreneurship: Status, Problems and Prospects*, pp. 283–286.
42. Chen L., et al. (2022) *Digital Circular Economy for Net Zero*.
43. Guryeva M. A. (2020) *Postroenie teoreticheskikh prognoznykh stsensariyev razvitiya tsirkulyarnoy ekonomiki v Rossii [Building Theoretical Forecast Scenarios for the Development of a Circular Economy in Russia]*. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 10(8), pp. 2151–2178.
44. Simchenko N. A., Tsyokhla S. Y. (2021) *Teoriya tsirkulyarnykh ekonomicheskikh sistem: kontseptual'nyy diskurs [Theory of Circular Economic Systems: Conceptual Discourse]*. *Theoretical Economics*, 2(74), pp. 66–72.
45. Babkin A. V., Malevskaia-Malevich E. D. (2021) *Vliyaniye sotsial'no-otvetstvennogo investirovaniya na stoimost' innovatsionno-aktivnykh promyshlennykh predpriyatiy [Impact of Socially Responsible Investment on the Value of Innovatively Active Industrial Enterprises]*. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 14(4), pp. 82–94. DOI: 10.18721/JE.14406.
46. Kvasha N.V., Bondar' E.G. (2021) *Raspredelelnaya i tsifrovaya energetika kak innovatsionnyye elementy chetvertogo energoperekhoda [Distributed and Digital Energy as Innovative Elements of the Fourth Energy Transition]*. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 14(6), 67–77. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.14605>.

A. V. Babkin¹⁰, E. V. Shkarupeta¹¹, T. I. Polshchikov¹². The concept of effective sustainable ESG development of industrial ecosystems in the closed-loop economy. The relevance of research is due to the low-level penetration of the closed-loop economy in the world tending to decline: From 9.1% in 2018 to 8.6% in 2020. In order to keep our world liveable and prosperous for current and future generations, global circularity must be doubled to 17%. The industrial ecosystems of the Russian Federation place the great importance on the global sustainability agenda and ESG transformation. However, this fact does not yet allow to overcome the main problems on the way of development of industrial ecosystems in the closed-loop economy of the RF - the galloping growth of production and consumption waste, as well as the trend of anti-decoupling, characteristic of the linear, highly material-intensive commodity-heavy economic model, one of the most inert and unstable. The aim of the study is to substantiate the theoretical concept of effective sustainable ESG development of industrial ecosystems in the closed-loop economy. The dialectical approach is fundamental in the research process, in addition to which we used the systemic, complex, interdisciplinary, cross-sectoral, project, value, holistic approaches and the whole complex of methods (comparative analysis, semantic analysis, historical method, method of differentiation of taxonomic features, etc.). The analysis of the narrative of closed-loop economy development on the basis of the historical method and the comparative analysis of the closed-loop economy concepts made it possible to present the closed-loop economy as an umbrella term for a multitude of co-evolving concepts. Identification of the semantic core of the existing definitions of closed-loop economy based on broad and narrow specialized approaches has allowed to represent the author's vision of the essence of the closed-loop economy. The identification of the primary causes of the need for a closed-loop economy, principles, approaches, factors, strategies at three levels, circular business models, effects on the stages of the chain of circular value creation based on cross-sectoral and holistic approaches, taxon differentiation method based on taxonomic features allowed to identify the essential features of the closed-loop economy in industry and develop the concept of effective sustainable development of industrial ecosystems in the closed-loop economy. The direction of further research is to form a methodology of strategic management of effective sustainable ESG development of industrial ecosystems in a closed-loop economy.

Keywords: closed-loop economy, industrial ecosystems, concept, ESG, sustainable development.

¹⁰ *Aleksander V. Babkin*, professor of Higher Engineering Economical School, Director of Research Laboratory Digital Economy of Industry, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (195251, RF, Saint-Petersburg, 29 Politekhnicheskaya St.), Doctor of Economics, professor, e-mail: al-vas@mail.ru

¹¹ *Elena V. Shkarupeta*, Senior Research Scientist of Research Laboratory Politekhinvest, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (195251, RF, Saint-Petersburg, 29 Politekhnicheskaya St.), Doctor of Economics, professor, e-mail: 9056591561@mail.ru

¹² *Tikhon Igorevich Polshchikov*, post-graduate student, Voronezh State Technical University (14 Moskovsky pr., Voronezh, 394000, Russian Federation), e-mail: tpolshikov@yandex.ru

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-140-148

*К. В. Шевченко*¹

**ВЛИЯНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИОРИТЕТА
«КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ»
НА РАЗВИТИЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ**

На развитие регионов влияет множество различных факторов: социальных, экономических, демографических и др. Главная задача органов власти – улучшение качества и уровня жизни населения. Данному критерию соответствует конечная цель разработки и реализации стратегии по методологии В. Л. Квинта, следовательно перспективным является развитие занятости населения в регионе посредством стратегирования. Теория ноономики С. Д. Бодрунова основывается на экономике знаний, где она рассматривается как высшая ступень цивилизации высокоразвитых стран, в которую перерастает этап постиндустриального общества. А следовательно, качественное образование принимает стратегическую направленность. На основе стратегического анализа тренда «качественное образование на протяжении всей жизни» и статистического анализа динамики численности населения по уровню образования в Амурской области выявлены возможности, угрозы, сильные и слабые стороны (OTSW-анализ) стратегического направления. Обосновываются эффективность и перспективность реализации стратегического приоритета «качественное образование на протяжении всей жизни».

Ключевые слова: занятость населения, регион, региональная экономика, стратегический приоритет, социально-экономическое развитие, улучшение качества жизни населения, качественное образование, экономика знаний.

УДК 330.352

Социально-экономическое развитие регионов, ориентированное на повышение уровня жизни населения, – неотъемлемая часть роста национальной экономики. Оно охватывает образовательные, культурные, технологические, трудовые и другие сферы.

По мнению нобелевского лауреата по экономике (1975) Л. В. Кантаровича, согласованность «...в управлении экономикой на всех уровнях приведет к увеличению национального дохода и уровня жизни» [1, с. 18]. Другой нобелевский лауреат по экономике (1987) – Роберт М. Солоу отметил: «...технический прогресс, в широком смысле включающий улучшение человеческого фактора, был необходим для обеспечения долгосрочного роста реальной заработной платы и уровня жизни» [2, с. 94].

И. В. Новикова считает, что «...только создание условий для стабильно высокого качества жизни всего населения позволит сдержать отток и привлечь на постоянное

¹ *Кристина Владиславовна Шевченко*, аспирант кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119234, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), e-mail: boikokv6@gmail.com

место жительства людей из других регионов, в том числе с высоким уровнем образования и культуры» [3, с. 310].

В современном мире в рамках развития региона широкое распространение получила экономика знаний. Ей посвящены исследования академиков РАН А. Г. Аганбегяна [4], В. Л. Квинта [5], В. Л. Макарова [6], В. В. Окрепилова [7], членов-корреспондентов РАН С. Д. Бодрунова [8, 9], А. Р. Бахтизина [6], академика НАН Республики Армения А. А. Айвазян [6], члена-корреспондента НАН Беларуси А. А. Афанасьева [6] и А. М. Нанавян [6]. Именно она «...формирует способность к труду, знания, навыки и умения, а также во многом определяет длительность жизни человека и его способности к труду» [4, с. 15], «...высшая ступень цивилизации высокоразвитых стран, в которую перерастает этап постиндустриального развития» [4, с. 16]. Экономика знаний основывается на знаниях, значит, образование играет важную роль в развитии не только человека, но и региона, страны и мира в целом.

Проведём стратегический анализ возможностей развития занятости населения в регионе, используя теорию стратегии и методологию стратегирования В. Л. Квинта, где конечной целью реализации любой стратегии является повышение качества и уровня жизни человека [10]. Амурская область – важный геостратегический объект Российской Федерации, крупный регион Дальнего Востока.

Теория ноономики члена-корреспондента РАН, д-ра экон. наук, профессора С. Д. Бодрунова «...опирается на процессы и тенденции, которые закономерно выводят на новую ступень устройства общества, изучая их как исходный материал для понимания того, как эти тенденции приведут к закономерным качественным сдвигам, формируя будущую реальность» [11, с. 8; 12].

В соответствии с методологией В. Л. Квинта стратегический тренд – это объективная реальность, результат взаимодействия множества зависимостей, влияющих на развитие объекта исследования [13].

Стратегический тренд «Качественное образование на протяжении всей жизни» определён Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. в качестве четвёртой цели в области устойчивого развития (ЦУР 4), он «закладывает основу для улучшения социально-экономических условий жизни людей и играет ключевую роль в обеспечении занятости населения»². По данным ООН, «617 миллионов молодежи во всем мире не знают основ математики и грамоты»³. Предполагается обеспечить к 2030 г. бесплатным, равноправным и качественным начальным и средним образованием, доступ к недорогому и качественному профессионально-техническому и высшему образованию, увеличить количество людей, обладающих востребованными навыками, и квалифицированных учителей.⁴ В докладе «Работать ради лучшего будущего» Международной организации труда (МОТ)⁵ в качестве одного из направлений выделяется обучение в течение всей жизни для всех [14], что подкрепляет обоснованность учёта данного тренда при стратегировании занятости населения региона.

² Take Action for the Sustainable Development Goals // United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 17.02.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Work for a Brighter Future // Global Commission on the Future of Work, International Labour Organization. – Geneva: ILO, 2019. URL: <https://www.ilo.org/infostories/en-GB/Campaigns/future-work/global-commission#intro> (дата обращения: 17.02.2022).

Развитие в Амурской области качественного образования, образовательной инфраструктуры и др. может стать конкурентным преимуществом и позволит улучшить качество и уровень жизни населения.

На 1 января 2021 г. численность занятого населения Амурской области (по сравнению с 1 января 2017 г.) уменьшилась на 2,6 % (10 тыс. человек) и составила 379,4 тыс. человек (табл. 1). Отрицательная динамика численности населения региона отмечена среди занятых, имеющих:

- высшее профессиональное образование – минус 7,5 % (9,2 тыс. человек) и 29,9 % от общей численности занятого населения в 2021 г.;

- среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена – минус 2,9 % (3,0 тыс. чел.) и 26,6 % от общей численности занятого населения в 2021 г.;

- среднее (полное) общее – минус 8,1 % (5,0 тыс. чел.) и 15 % от общей численности занятого населения в 2021 г.

Таблица 1

Динамика распределения численности занятых по уровню образования в Амурской области на начало 2017–2021 гг., тыс. чел.⁶

Год	Всего	В том числе имеют образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное по программам подготовки		среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
			специалистов среднего звена	квалифицированных рабочих (служащих)			
2017	389,4	122,7	104,0	79,8	61,9	19,1	1,9
2018	390,4	120,6	96,4	84,3	65,6	21,1	2,3
2019	386,9	121,9	103,7	79,3	61,5	18,6	1,9
2020	385,9	105,7	88,4	90,7	69,1	30,5	1,5
2021	379,4	113,4	100,9	84,6	56,9	22,4	1,1

Среди факторов, влияющих на данный процесс, назовём отток населения из региона, пандемию COVID-19 или сокращение потребностей (материальной возможности) населения в получении образования. Следовательно, необходимо мотивировать жителей региона, способствуя улучшению качества и уровня жизни населения.

При этом наблюдается увеличение численности населения Амурской области среди имеющих:

- среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих (служащих) – плюс 6,0 % (4,8 тыс. человек) и 22,3 % от общей численности занятого населения в 2021 г.;

- основное общее – плюс 17,3 % (3,3 тыс. человек) и 5,9 % от общей численности занятого населения в 2021 г.

⁶ Составлено автором на основе данных: Амурский статистический Ежегодник-2021; Амурский статистический Ежегодник-2019; Амурский статистический Ежегодник-2017 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области. URL: https://amurstat.gks.ru/infuslugi_katalog_publications (дата обращения: 14.12.2022).

Численность людей, не имеющих основного общего образования, сократилась на 41,5 % (0,8 тыс. человек) и 0,3 % от общей численности занятого населения в 2021 г., что является положительной тенденцией для устойчивого развития региона.

При разработке стратегии развития занятости населения Амурской области важным этапом является проведение OTSW-анализа, включая поиск стратегических возможностей, оценку угроз, выявление сильных и слабых сторон объекта исследования [13, 15, 16] (см. рисунок).

Развитие стратегического направления «Качественное образование на протяжении всей жизни» обеспечит регион необходимым количеством кадров с востребованными профессиями и специальностями [17]. Обоснованность выбора указанного направления в качестве стратегического приоритета подтверждается наличием возможностей для его реализации, подкреплённых сильными сторонами. Существующие угрозы необходимо минимизировать, а наличие слабых сторон не исключает возможности реализации данного направления.

Цели реализации стратегического приоритета «Качественное образование на протяжении всей жизни»:

1. Создание и развитие школ юных стратегов В. Квинта «...открывает большие возможности для молодых людей, позволяя им раскрыть и развить свои таланты и лидерские качества, переориентировать свое мышление на стратегическое, реализовать свой творческий потенциал и использовать его, как в интересах общества, так и при формировании и осуществлении своих личностных стратегий стратегического мышления»⁷.

2. Развитие системы непрерывного образования, способствующей устойчивому развитию «...человеческого потенциала как важнейшего элемента в структуре национального богатства» [18, с. 2].

3. Развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров для обеспечения занятости населения в сферах, связанных с наукоёмкими и высокотехнологичными отраслями при устойчивом развитии региона [19].

4. Развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров для сферы образования, обеспечивающих конкурентоспособность образовательных учреждений региона [20].

5. Развитие системы дистанционного образования, которая даёт возможность получить востребованные для экономики региона навыки [21].

Конкурентными преимуществами реализации указанного стратегического приоритета в Амурской области являются: численность населения – 772,5 тыс. человек (на 1 января 2022 г.)⁸; число общеобразовательных организаций – 340 единиц (на 1 января 2022 г.)⁹; число профессиональных образовательных организаций, имеющих лицензию на осуществление образовательной деятельности по образовательным про-

⁷ Открытие первой в Москве «Школы юных стратегов Владимира Квинта» / МГУ МШЭ. URL: <https://mse.msu.ru/otkrytie-pervoj-v-moskve-shkoly-junyh-strategov-vladimira-kvinta/> (дата обращения: 14.12.2022).

⁸ Оценка численности населения по городским округам, муниципальным районам, городским и сельским поселениям Амурской области на 1 января 2022 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области. URL: https://amurstat.gks.ru/storage/mediabank/07_1_4.htm (дата обращения: 15.12.2022).

⁹ Амурский статистический ежегодник-2021 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области. URL: https://amurstat.gks.ru/infuslugi_katalog_publications (дата обращения: 15.12.2022).

Результаты OTSW-анализа влияния стратегического направления «Качественное образование на протяжении всей жизни» на развитие занятости населения Амурской области (составлено автором)

граммам среднего профессионального образования, – 21 единица¹⁰; осуществляют деятельность ГПОАУ АО «Амурский педагогический колледж»¹¹, ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»¹² и др.

Выводы

При развитии региона необходимо учитывать основные принципы экономики знаний, в которой образование играет важную роль.

Занятость относится к социально-экономическим факторам развития территории. При этом одним из инструментов управления развитием региона является разработка и реализация стратегии (стратегирование).

Возможность получения качественного образования – ключевая предпосылка развития региона. Она способствует экономическому росту, развитию занятости, достижению гендерного равенства, ликвидации бедности и сокращению неравенства.

На основе стратегического и статистического анализа занятости населения в Амурской области выявлены возможности, угрозы, сильные и слабые стороны (OTSW-анализ) объекта исследования. В рамках OTSW-анализа стратегического направления «Качественное образование на протяжении всей жизни» развития занятости населения Амурской области обосновывается важность и перспективность выбора указанного направления в качестве стратегического приоритета при разработке концепции стратегии развития занятости населения Амурской области.

Определённые в данной работе цели, реализующие стратегический приоритет «Качественное образование на протяжении всей жизни», подкреплены конкурентными преимуществами, что обосновывает эффективность и перспективность его реализации.

Список литературы

1. Кантарович, Л. В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов / Л. В. Кантарович. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 344 с.
2. Solow, R. A (1956) Contribution to the Theory of Economic Growth. The Quarterly Journal of Economics, 70 (1), pp. 65–94. DOI: 10.2307/1884513.
3. Новикова, И. В. Стратегические приоритеты формирования достойной жизни в Кузбассе / И. В. Новикова, К. В. Бойко, Ю. В. Дудовцева, В. А. Овчинников // Экономика в промышленности. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 308–317. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-308-317.
4. Аганбегян, А. Г. О приоритетном развитии сферы экономики знаний / А. Г. Аганбегян // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 1(67). – С. 15–22. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22.
5. Квинт, В. Л. Стратегирование в России и мире: ставка на человека / В. Л. Квинт // Экономика и управление. – 2014. – № 11(109). – С. 15–17.
6. Макаров, В. Л. Моделирование развития экономики региона и эффективность пространства инноваций / В. Л. Макаров, А. А. Айвазян, А. А. Афанасьев, А. Р. Бахтизин, А. М. Нанавян // Форсайт. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 79–90. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.76.90.

¹⁰ Там же (сноска 9).

¹¹ Амурский педагогический колледж. URL: <https://apk28.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹² Благовещенский государственный педагогический университет. URL: <https://bgpu.ru/index.jsp> (дата обращения: 15.12.2022).

7. *Окрепилов, В. В.* Устойчивое развитие наукоёмких предприятий в экономике знаний / В. В. Окрепилов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 3 (73). – С. 18–23. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-18-23.
8. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития / С. Д. Бодрунов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
9. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации / под ред. д-ра экон. наук С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. – 240 с.
10. *Новикова, И. В.* Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы / И. В. Новикова // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – № 1. – С. 57–65. DOI: 21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.
11. *Квинт, В. Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В. Л. Квинт, С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. – 351 с.
12. *Kvint V., Bodrunov S. (2023) Strategizing societal transformation: knowledge, technologies, and Noonomy.* Palm Bay: Apple Academic Press. 228 p.
13. *Квинт, В. Л.* Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2020. – 170 с. DOI: 10.21603/978-5-8353-2562-7.
14. *Шабаева, С. В.* Настоящее и будущее рынка труда регионов арктической зоны России: востребованные профессии / С. В. Шабаева, И. С. Степуть // Непрерывное образование: XXI век. – 2019. – Т. 3. – С. 98–111.
15. *Сасаев, Н. И.* Теоретические основы и методология разработки стратегии развития газовой отрасли России / Н. И. Сасаев. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 176 с.
16. *Новикова, И. В.* Стратегическое управление трудовыми ресурсами: учебник / И. В. Новикова. – М.: КНОРУС, 2022. – 178 с.
17. *Шабаева, С. В.* Оценка потенциала системы профессионального образования Дальнего Востока как приоритетной территории России / С. В. Шабаева, Е. А. Питухин, А. Л. Кекконен // Перспективы науки и образования. – 2019. – Т. 1. – С. 20–36. DOI: 10.32744/pse.2019.1.2.
18. *Шацкая, И. В.* Стратегирование развития непрерывного образования / И. В. Шацкая // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 1–11. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-1-1-11.
19. *Бодрунов, С. Д.* Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество: Ч. 1 / С. Д. Бодрунов // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.
20. *Кашепов, А. В.* Методология и проблемы прогнозирования занятости населения экономике и сфере образования на долгосрочную перспективу / А. В. Кашепов // Вестник РосНОУ. – Серия «Человек и общество». – 2017. – № 4. – С. 9–16.
21. *Новикова, И. В.* Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике / И. В. Новикова. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2020. – 254 с.

References

1. *Kantarovich L. V. (1959) E`konomicheskij raschet nailuchshego ispol`zovaniya resursov [Economic Calculation of the Best Use of Resources].* Moskva: Izdatel`stvo akademii nauk SSSR. 344 p.

2. Solow R. A. (1956) Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), pp. 65-94. DOI: 10.2307/1884513.113
3. Novikova I. V., Bojko K. V., Dudovceva Y. V., Ovchinnikov V. A. (2020) Strategicheskie priority` formirovaniya dostojnoj zhizni v Kuzbasse [Strategic Priorities for Shaping a Decent Life in Kuzbass]. *Russian Journal of Industrial Economics*, 13(3), pp. 308–317. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-308-317.
4. Aganbegyan A. G. (2021) O prioritetnom razvitii sfery` e`konomiki znaniy [On the Priority Development of the Knowledge Economy]. *Economic Revival of Russia*, 1(67), pp. 15–22. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22.
5. Kvint V. L. (2014) Strategirovanie v Rossii i mire: stavka na cheloveka [Strategy in Russia and in the World: Betting on a Person]. *Economics and Management*, 11(109), pp. 15–17.
6. Makarov V. L., Ajvazyan A. A., Afanas`ev A. A., Bakhtizin A. R., Nanavyan A. M. (2016) Modelirovanie razvitiya e`konomiki regiona i e`ffektivnost` prostranstva innovacij [Modeling the Development of the Regional Economy and the Efficiency of the Innovation Space]. *Foresight*, 10(3), pp. 79–90. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.76.90.
7. Okrepilov V. V. (2022) Ustojchivoe razvitie naukoemkix predpriyatij v e`konome znaniy [Sustainable Development of Knowledge-Intensive Enterprises in the Knowledge Economy]. *Economic Revival of Russia*, 3(73), pp. 18–23. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-18-23.
8. Bodrunov S. D. (2019) Noonomika: konceptual`ny`e osnovy` novoj paradigmy` razvitiya [Noonomy: Conceptual Foundations of the New Development Paradigm]. *Proceedings of the Ural State University of Economics*, 20(1), pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
9. Bodrunov S. D. (2019) Noonomika: traektoriya global`noj transformacii [Noonomy: Trajectory of Global Transformation]. *Sankt-Peterburg: S. Y. Witte INID*. 240 p.
10. Novikova I. V. (2021) Strategirovanie razvitiya trudovy`x resursov: osnovny`e e`lementy` i e`tapy` [Workforce Development Strategy: Key Elements and Steps]. *Strategizing: Theory and Practice*, 1, pp. 57–65. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.
11. Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021) Strategirovanie transformacii obshhestva: znanie, texnologii, noonomika [Strategizing Societal Transformation Knowledge, Technologies, and Noonomy]. *Sankt-Peterburg: S. Y. Witte INID*. 351 p.
12. Kvint V., Bodrunov S. (2023) Strategizing Societal Transformation Knowledge, Technologies, and Noonomy. *Palm Bay: Apple Academic Press*. 228 p.
13. Kvint V. L. (2020) Konceptiya strategirovaniya [The Concept of Strategizing]. *Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvenny`j universitet*. 170 p. DOI: 10.21603/978-5-8353-2562-7.
14. Shabaeva S. V., Stepus` I. S. (2019) Nastoyashhee i budushhee ry`nka truda regionov arkticheskoy zony` Rossii: vostrebovanny`e professii [The Present and Future of the Labor Market in the Regions of the Arctic Zone of Russia: Jobs in Demand]. *Continuing Education: The XXI Century*, 3, pp. 98–111.
15. Sasaev N. I. (2019) Teoreticheskie osnovy` i metodologiya razrabotki strategii razvitiya gazovoj otrasli Rossii [Theoretical Foundations and Methodology for Developing a Development Strategy for the Russian Gas Industry]. *Sankt-Peterburg: SZIU RANXiGS*. 176 p.
16. Novikova I.V. (2022) Strategicheskoe upravlenie trudovy`mi resursami: uchebnik [Strategic Human Resources Management: A Textbook]. *Moskva: KNORUS*. 178 p.
17. Shabaeva S. V., Pituxin, E. A., Kekkonen, A. L. (2019) Ocenka potentsiala sistemy` professional`nogo obrazovaniya Dal`nego Vostoka kak prioritetoj territorii Rossii [Assessment of the Potential of the Vocational Education System of the Far East as a Priority Territory of Russia]. *Prospects of Science and Education*, 1, pp. 20–36. DOI: 10.32744/pse.2019.1.2.

18. Shatskaya I. V. (2022) Strategirovaniye razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya [Strategizing and Lifelong Education Development]. *Strategizing: Theory and Practice*, 2(1), pp. 1–11. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-1-1-11.

19. Bodrunov S. D. (2022) Nauchno-texnicheskij progress i transformaciya obshhestva: noonomika i noobshhestvo. Chast' 1 [Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 1]. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, 1 (1), pp. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.

20. Kashepov A. V. (2017) Metodologiya i problemy` prognozirovaniya zanyatosti naseleniya v e`konomike i sfere obrazovaniya na dolgosrochnuyu perspektivu [Methodology and Problems of Employment Forecast in the Economy and Education for a Long Term]. *Bulletin of RosNOU. Series: Human and Society*, 4, pp. 9–16.

21. Novikova I. V. (2020) Konceptiya strategii zanyatosti naseleniya v cifrovoj e`konomike [The Concept of Employment Strategy in the Digital Economy]. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvenny`j universitet. 254 p.

K.V. Shevchenko¹³. The impact of the implementation of the strategic priority «quality education throughout life» on the development of employment in the region. The regional economy includes many different (social, economic, demographic, etc.) relationships and factors affecting the development of regions. At the same time, the main guideline for the actions of the authorities is to improve the quality and standard of living of the population. This criterion corresponds to the ultimate goal of the development and implementation of the strategy, according to the methodology of V. L. Kvint, therefore, the development of employment in the region through strategizing is promising. Theory of noonomy S. D. Bodrunova is based on the knowledge economy, where it is considered as the highest stage of civilization in highly developed countries, into which the stage of post-industrial society is developing. And consequently, high-quality education takes a strategic orientation. Strategic analysis of the trend “Quality education throughout life” and statistical analysis of the population dynamics by the level of education in the Amur region, allowed us to identify opportunities, threats, strengths and weaknesses (OTSW-analysis) of the strategic direction. In addition, this paper substantiates the effectiveness and prospects of the implementation of the strategic priority “Quality education throughout life”, highlighting the goals and reinforcing with competitive advantages, which will lead to sustainable development of the region.

Keywords: employment of the population, region, regional economy, strategic priority, socio-economic development, improvement of the quality and standard of living of the population, quality education, knowledge economy.

¹³ *Kristina V. Shevchenko*, PhD student, Department of Economic and Financial Strategy, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskiye Gory, Moscow, 119234, Russia), e-mail: boikov6@gmail .com

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-149-162

А. С. Хворостяная¹

СТРАТЕГИРОВАНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ БРЕНДОВ ЛЁГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИНДУСТРИИ МОДЫ

Выполнен стратегический анализ развития отечественной лёгкой промышленности и индустрии моды. Статья основана на теории и методологии стратегирования, разработанной и апробированной ЦСИ ИМИСС МГУ, ЦЭМИ РАН, кафедрой экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ, кафедрой стратегии регионального и отраслевого развития КемГУ, кафедрой индустриальной стратегии НИТУ «МИСИС» под научным руководством В. Л. Квинта. Предложены: система стратегических приоритетов, направленных на усиление роли отрасли в экономике; создание федерального центра трансфера технологий лёгкой промышленности и индустрии моды, цифровой платформы отраслевого трансфера знаний и опыта, а также брендов одежды, работающих в среднем ценовом сегменте. Показано, что цифровая платформа как инструмент системы поддержки решений может наладить непрерывный трансфер знаний и практического опыта, а центр трансфера технологий может сформировать кооперационную цепочку нового типа для развития внутреннего рынка.

Ключевые слова: лёгкая промышленность, индустрия моды, стратегический приоритет, трансфер технологий, центр трансфера технологий.

УДК 330.352

Введение

Индустрия моды как подотрасль лёгкой промышленности претерпевает различные изменения вследствие усиления конкуренции и влияния несистемных рисков [11]. Так, пандемия коронавирусной инфекция COVID-2019 ускорила цифровизацию инструментов системы стратегических коммуникаций: многие бренды запустили свои интернет-сайты и цифровые платформы, организовали виртуальные показы коллекций, усилили своё присутствие в социальных сетях. ESG-повестка заставила менять корпоративные стратегии отраслевых предприятий для достижения баланса интересов социума, государства и реальной экономики – компании стали чаще взаимодействовать для выработки коллективных решений в вопросах минимизации негативного воздействия [12].

В феврале 2022 г. после инициации Россией специальной военной операции крупные стратегические лидеры – представители зарубежной лёгкой промышленности и индустрии моды объявили, что они полностью или частично сворачивают свою дея-

¹ Анна Сергеевна Хворостяная, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ имени М. В. Ломоносова; преподаватель кафедры экономической и финансовой стратегии МШЭ МГУ имени М. В. Ломоносова (119234, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), канд. экон. наук, e-mail: Khvorostyanayaas@gmail.com

тельность и уходят с рынка. Уход с отечественного рынка зарубежных брендов открывает дополнительные стратегические возможности для их развития и укрепления наших конкурентных позиций. Для реализации этих возможностей требуется «...система поиска, формулирования и развития доктрины, которая обеспечит долгосрочный успех при ее последовательной и полной реализации» [3, с. 10]. Стратегические приоритеты, предложенные в данной статье, способны повысить экономическую и общественную эффективность отрасли.

1. Стратегический анализ развития отечественной лёгкой промышленности и индустрии моды

Отечественная лёгкая промышленность и индустрия моды находятся в стадии трансформации. Отрасль, которая в XIX в. обладала значительными конкурентными преимуществами и определяла стратегические векторы индустриализации целой страны, в 1990-е гг. оказалась в упадке из-за проблем с сырьевой базой и стремительным снижением количества и качества трудовых ресурсов. Конкурентоспособность коммерческих товаров в это время упала из-за дешёвых импортных товаров, что привело к значительному сокращению доли этой отрасли в ВВП. Отсутствие системной государственной поддержки и множество схем серого импорта привели к тому, что в 2006 г. вклад отрасли в ВВП составлял всего 1 %. В 2005 г. загрузка мощности промышленности была не более 50 %, что негативно влияло не только на саму отрасль, но и на региональное развитие. Рентабельность производства отрасли на текущий период составляет 6...7,9 %, а ежегодный отток кадров – около 10...12 %². С учётом потенциала этой отрасли по количеству создания рабочих мест и решения вопросов стратегической безопасности в части обеспечения населения товарами народного потребления и других отраслей (строительной, авиастроительной, мебельной и др.) с 2005 г. были предприняты варианты стратегического реформирования отрасли:

1. В 2005 г. Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации представило План мероприятий по развитию лёгкой промышленности на 2006–2008 гг.

2. В 2009 г. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации представило План мероприятий по реализации Стратегии развития лёгкой промышленности России на период до 2020 г. (утверждён приказом № 853 от 24.09.2009).

3. Поручения Президента Российской Федерации по итогам совещания «О ситуации в легкой промышленности и ее сырьевом обеспечении» от 17 марта 2013, пр-647.

4. Перечень поручений Председателя Правительства Российской Федерации «По вопросам развития текстильной промышленности» от 23.09.2011 № ВП-П9 – 6722.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 997-р от 19 июня 2013 г. «Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в новой редакции, раздел 4, подпрограмма 4. «Легкая промышленность и народные художественные промыслы».

6. В июне 2013 г. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации представило План деятельности на 2013–2018 гг.

Стратегические приоритеты указанных документов содержали вопросы повышения инвестиционной привлекательности отрасли, развития системы государственной поддержки промышленности, минимизации серого импорта, тарифного регулирования экспорта и импорта и развития трудовых ресурсов.

² Меры господдержки. URL: <https://www.ruslegprom.ru/mery-podderzhki/> (дата обращения: 21.09.2022).

За последние 10 лет повысилась зрелость инструментов и механизмов поддержки лёгкой промышленности и индустрии моды (табл. 1). Инструменты касаются как финансовой поддержки, так и вопросов навигации, поиска долгосрочных партнёров и формирования стратегического бренда.

Таблица 1

Стратегические инструменты государственной поддержки лёгкой промышленности и индустрии моды

Характер поддержки	Перечень программ	Год запуска
Общие	Субсидирование затрат по производству пряжи с содержанием льна	2022
	Программа «1764»	2022
	Промышленная ипотека	2022
	Продвижение потребительских непродовольственных товаров на ТВ	2022
	Сокращение сроков заключения СПИК	2022
	Зонтичный механизм предоставления поручительств	2021
	Льготный режим для производств особых экономических зон (ОЭЗ)	2021
	Субсидирование части затрат на обслуживание кредитов, направленных на пополнение оборотных средств	2020
	Субсидия на стимулирование спроса (единая лизинговая субсидия)	2019
	Льготное кредитование за счёт средств Фонда развития промышленности (ФРП); предоставление финансирования в рамках региональных ФРП	2018
	Субсидии на транспортировку промышленных товаров	2017
	Компенсация затрат на изготовление школьной формы	2016
	Программы льготного кредитования	2016
	Расширение возможностей инвесторов в рамках СПИК	2015
Антикризисные	Импортные операции	2022
Инструменты для бизнеса	Субсидии на возмещение недополученных доходов по кредитам	2022
	Мораторий на проверки	2022
	Параллельный импорт	2022
	Отсрочка (рассрочка) по уплате ввозных таможенных пошлин для системообразующих предприятий	2021
	Мораторий на возбуждение дел о банкротстве	2022
	Мораторий на проверки соблюдения валютного законодательства	2022
	Меры поддержки экспортёров, пострадавших от санкций	2022
	Мораторий на внесение в Реестр недобросовестных поставщиков	2022
	Кредитные каникулы	2022
	Портал по поддержке малого и среднего бизнеса «Мой бизнес»	2022
	Площадка для прямого контакта поставщиков и заказчиков в целях импортозамещения	2022
	Участие в выставках и бизнес-миссиях Российского экспортного центра	2019
	Продвижение на внешние рынки	2019
	Продвижение брендов лёгкой промышленности России	2019

Окончание табл. 1

Характер поддержки	Перечень программ	Год запуска
Инструменты для бизнеса	Поиск кадров для предприятий лёгкой промышленности России	2019
	Биржа контрактного производства	2019
	Сервис импортозамещения	2019
Меры таможенно-тарифного регулирования	Меры таможенного регулирования	2022
	Нулевые ставки при расчёте ввозных таможенных пошлин	2022

Источник: Меры господдержки. URL: <https://www.ruslegprom.ru/mery-podderzhki/> (дата обращения: 21.09.2022).

Отметим положительные изменения в развитии лёгкой промышленности и индустрии моды. Если в 2013 г. доля товаров российского производства в массиве всей лёгкой промышленности России составляла 20 %, то в 2022 г. – 36 %. По итогам 2021 г. прирост рынка лёгкой промышленности в сравнении с 2020 г. составил 20,3 %. Рентабельность производства отрасли в 2022 г. выросла почти в два раза по сравнению с 2005 г. Больше всего производится текстильных изделий (рис. 1).

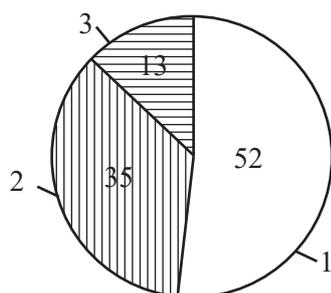

Рис. 1. Сегментация отрасли в 2022 г., %:
1 – текстильные изделия; 2 – одежда;
3 – кожа и изделия из неё (составлено автором по: Меры господдержки. URL: <https://www.ruslegprom.ru/mery-podderzhki/> (дата обращения: 21.09.2022)

Отметим динамику роста промышленного производства текстильных изделий, одежды, а также кожи и изделий из неё за 5 лет (рис. 2).

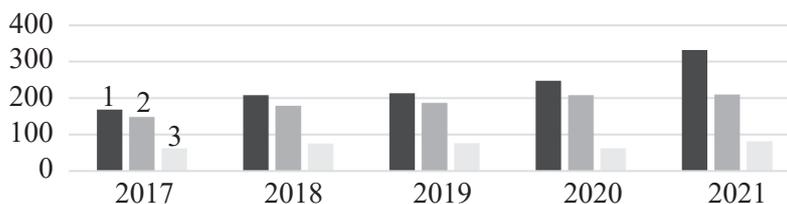

Рис. 2. Динамика производства продукции лёгкой промышленности, млрд р.: 1 – текстильные изделия; 2 – одежда; 3 – кожа и изделия из неё (составлено автором по: Меры господдержки. URL: <https://www.ruslegprom.ru/mery-podderzhki/> (дата обращения: 21.09.2022)

За 5 лет почти в 1,5 раза вырос экспорт одежды, обуви и нитей (рис. 3). Значительно увеличилось количество предприятий: на интерактивной платформе «Легпром России» зафиксировано более 20 тыс предприятий³.

Рис. 3. Динамика экспорта основных видов продукции лёгкой промышленности и индустрии моды, млн долл.: 1 – 2017 г.; 2 – 2018 г.; 3 – 2019 г.; 4 – 2020 г.; 5 – 2021 г. (составлено автором по: Меры господдержки. URL: <https://www.ruslegprom.ru/mery-podderzhki/>) (дата обращения: 21.09.2022)

Используя OTSW-анализ по методологии теории и практики стратегирования В. Л. Квинта [2, 17], определим возможности развития лёгкой промышленности и индустрии моды в России:

1. *Создание сильных национальных брендов.* Анализ зарубежной практики свидетельствует, что принадлежность бренда к национальному позволяет ему получать дополнительную лояльность или иные важные качества. Надпись «Made in Italy» является синонимом элегантности, высокого качества и уникальности. Для потребителя она символизирует всю индустрию моды в Италии: старые ремесленные традиции, ручное производство, стиль, актуальность во все времена и утончённость. В России есть сильная национальная школа дизайна и отдельные бренды, получившее мировое признание: Valentin Yudashkin, Slava Zaitsev, Chapurin и др. Сильные национальные бренды могут занять освободившуюся рыночную нишу. Ключевую роль здесь играет стратегическое управление [20].

2. *Формирование новых кооперационных цепочек.* Уход главных бенефициаров с отечественного рынка нарушил многие бизнес-процессы в отрасли. Для стимулирования промышленного процветания требуется смоделировать и реализовать новые кооперационные цепочки, чтобы вырастить новый национальный рынок и удовлетворить потребительские предпочтения. В связи с этим построение кооперационных цепочек должно идти от интересов и потребностей целевых аудиторий. Учёт интересов и потребностей ключевых акторов рынка лежит в основе фэшн-стратегирования. Под вы-

³ Капча предприятий лёгкой промышленности. URL: <https://www.ruslegprom.ru/ob-otrasli/katalog-predpriyatii/> (дата обращения: 20.09.2022).

явленные предпочтения следует сформировать научные и инженерные команды для преодоления барьеров и построения экономики полного цикла, т. е. переработки коммерческих продуктов индустрии моды в связи с растущим трендом ESG-стратегирования и локализации производства [1, 5, 6, 10, 18, 19]. Для интеграции технологий, ориентированных на удовлетворение спроса, в кооперационные цепочки должны быть вовлечены технологические альянсы и распределённые производства, т. е. должен быть обеспечен поиск системных и коллективных решений. В результате кооперации получится сращивание бизнеса и науки, т. е. трансфер технологий: технологические альянсы будут осуществлять поиск инновационных решений, удовлетворяющих критериям экологических стандартов, а продуктовые альянсы – работать на удовлетворение спроса. Помимо потребительского рынка, такая кооперация нового типа может быть полезна серьёзным стратегическим лидерам других сфер промышленности (ГК «Росатом», ГК «Роскосмос», ОАО «РЖД»). Центр трансфера технологий может стать удобным инструментом организации кооперационных цепочек нового типа.

3. *Создание системы непрерывной передачи знаний.* С учётом новых вызовов отрасли и геополитической обстановки стратегирование развития трудовых ресурсов обретает большую актуальность [7, 8]. В связи с влиянием глобального тренда цифровизации стратегический лидер приобретает новые качества и характеристики [9]. Должен быть сформирован новый тип сотрудников, пересмотрены базовые навыки и компетенции. Отраслевой профессионал, занимающийся стратегированием в индустрии моды и лёгкой промышленности – фэшн-стратег, должен понимать механизмы трансфера технологий и инноваций и конкурентное преимущество от их использования в хозяйственной деятельности. Количественную и качественную ограниченность кадров можно преодолеть через создание системы распространения знаний, базисом которой может быть цифровая платформа.

2. Стратегические возможности развития лёгкой промышленности и индустрии моды

2.1. Создание федерального центра трансфера технологий лёгкой промышленности и индустрии моды

Осуществление инновационной деятельности в любой отрасли промышленности непосредственно связано со скоростью и качеством передачи научно-технических знаний и опыта между участниками трансфера технологий. В условиях глобальной трансформации экономических систем и рисков внешней среды трансфер технологий играет важную роль. Трансфер технологий представляет собой передачу инновационных разработок из научной сферы в промышленность, где объекты интеллектуальной собственности позволяют моделировать стратегию развития предприятия. Налаженный процесс трансфера технологий стратегически важен для использования интеллектуального потенциала, особенно в отраслях креативной экономики, где большую роль играет творческий потенциал человека.

Центры трансфера технологий (ЦТТ) за многолетний опыт функционирования за рубежом доказали свою эффективность [13, 15, 16]. Они помогают в развитии стратегических партнёрств, обмене знаниями и лучшими практиками; позволяют создавать товары и услуги с наибольшей экономической и общественной эффективностью.

В России создание ЦТТ стало стратегическим приоритетом государственной поддержки. Министерство науки и высшего образования летом 2021 г. объявило конкурс на предоставление из федерального бюджета грантов в форме субсидий на оказа-

ние государственной поддержки создания и развития центров трансфера технологий, осуществляющих коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности научных организаций и образовательных организаций высшего образования в рамках федерального проекта «Развитие масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям» национального проекта «Наука и университеты»⁴. Конкурс должен стимулировать формирование сильных и профессиональных команд, способствующих сетевому взаимодействию науки, бизнеса и государства.

Центры трансфера технологий созданы в отечественных вузах и в корпорациях [14]. Например, создан ЦТТ в капитальном строительстве Госкорпорации «Росатом». Его миссия заключается в «снижении сроков и стоимости строительства объектов использования атомной энергии»⁵. Отраслевой ЦТТ позволяет объединять разных участников и вырабатывать консолидированную позицию, поддерживаемую всеми акторами рынка. Такая позиция важна при внесении предложений государственным органам власти по корректировке мер поддержки. Трансфер технологий способствует достижению национальных интересов в области импортоопережения [4].

В отечественной лёгкой промышленности и индустрии моды можно создать отраслевой ЦТТ на базе стратегического лидера в подготовке специалистов для культурных и креативных индустрий – РГУ им. А. Н. Косыгина (табл. 1).

Ключевыми функциями ЦТТ могут быть:

- формирование консорциума организаций, являющихся держателями технологий или исследовательских проектов;
- выстраивание стандартной для всех членов консорциума системы управления проектами, ориентированной на трансфер технологий;
- создание качественных и доступных сервисов, способствующих выходу отечественных технологий на рынок;
- развитие системы взаимодействия ЦТТ с инвесторами и индустрией в режиме единого окна.

Таблица 2

Взаимосвязь стратегического приоритета, целей и задач (составлено автором)

Приоритет №1: создание федерального центра трансфера технологий лёгкой промышленности и индустрии моды	
<i>Конкурентное преимущество:</i> ресурсы РГУ им. А. Н. Косыгина	
<i>Цель 1:</i> Формирование структуры ЦТТ	<i>Цель 2:</i> Формирование стратегического бренда ЦТТ
<i>Задача 1.</i> Создание внутренних регламентов и локальных нормативных актов о деятельности ЦТТ (не менее трёх основополагающих)	<i>Задача 1.</i> Разработка одной коммуникационной стратегии ЦТТ
<i>Задача 2.</i> Формирование одной организационной структуры ЦТТ	<i>Задача 2.</i> Организация одной системы стратегических коммуникаций бренда ЦТТ

⁴ Министерство науки и высшего образования РФ объявило конкурс. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/36172/> (дата обращения: 20.09.2022).

⁵ Центр трансфера технологий в капитальном строительстве (ЦТТ) Госкорпорации «Росатом». URL: <http://atomsro.ru/wp-content/uploads/file/0PORTAL/AtomStroyStandart-2017/k3/5%20Dulkin.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).

Приоритет №1: создание федерального центра трансфера технологий лёгкой промышленности и индустрии моды	
<i>Конкурентное преимущество:</i> ресурсы РГУ им. А. Н. Косыгина	
<i>Цель 1:</i> Формирование структуры ЦТТ	<i>Цель 2:</i> Формирование стратегического бренда ЦТТ
<i>Задача 3.</i> Поиск и наём сотрудников (не менее трёх)	<i>Задача 3.</i> Продвижение платформы среди ключевых акторов рынка путём заключения соглашений и стратегических партнёрств (не менее 4 соглашений в квартал)
<i>Задача 4.</i> Формирование и закрепление основных сценариев работы за сотрудниками (не менее трёх)	
<i>Задача 5.</i> Разработка одной системы эффективности деятельности ЦТТ и одной системы мотивации	

2.2. Создание цифровой платформы отраслевого трансфера знаний и опыта

Для повышения конкурентоспособности лёгкой промышленности и индустрии моды требуется формирование пула высокопрофессиональных кадров с более ранних этапов обучения и траектории профессионального развития в отрасли для специалистов всех возрастов.

С учётом стратегического тренда цифровизации и его влияния на инструменты поддержки управленческих решений требуется отраслевая цифровая платформа. Следует разработать уникальную цифровую платформу, чтобы решить проблему подготовки кадров по узкопрофилированным и междисциплинарным темам, сложность подготовки которых обусловлена отсутствием должного объёма специалистов в режиме реального времени. В условиях ограниченного кадрового потенциала цифровая платформа как системная база знаний и лучших практик может обеспечить унифицированный стандарт образования на едином уровне для школ и университетов. Платформа станет элементом системы непрерывного образования за счёт трансфера знаний и передачи опыта ведущих специалистов будущим. Для вовлечения последних в лёгкую промышленность и индустрию моды на цифровой платформе будет организовано взаимодействие с отраслевыми экспертами, практиками, дизайнерами, конструкторами, фэшн-стратегами в формате встреч, диалогов и дискуссий. Такой подход обеспечит баланс ожиданий от профессии для молодых специалистов, позволит им более качественно выстраивать личные цели и задачи, имея реальное понимание внутренней среды промышленности. На платформе будет организован портал успешных практик и кейсов состоявшихся специалистов. Это позволит последним продвигать личный бренд и создаст предпосылки для формирования высокой мотивации, способствующей нейтрализации профессионального выгорания и оттока кадров из отрасли. Платформа как цифровое решение поддержки и реализации стратегии развития кадров позволит через систему личных кабинетов сопровождать молодых специалистов на ранней стадии выбора профессии и специализации, что поможет вовлечь их в жизнь промышленных компаний отрасли на стадии школ и университетов, т. е. формировать собственный кадровый резерв и транслировать единую систему ценностей и клиентоцентричную культуру. Цифровая платформа – проактивный инструмент стратегии выявления и развития талантов, позволяющий оценить профессиональную предрасположенность.

Для создания цифровой платформы предлагаем следующий стратегический приоритет (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь стратегического приоритета, целей и задач (составлено автором)

Приоритет №1: создание цифровой платформы трансфера знаний и практического опыта		
<i>Конкурентное преимущество:</i> функционирующие предприятия лёгкой промышленности и индустрии моды (более 200)		
<i>Цель 1.</i> Создание цифровой платформы	<i>Цель 2.</i> Формирование стратегического бренда платформы	<i>Цель 3.</i> Контроль и мониторинг развития цифровой платформы
<i>Задача 1.</i> Создание одного технического задания <i>Задача 2.</i> Поиск и определение одного подрядчика для выполнения одного ТЗ <i>Задача 3.</i> Наполнение основных разделов цифровой платформы (не менее трёх) <i>Задача 4.</i> Поиск и наём сотрудников (не менее трёх) <i>Задача 5.</i> Формирование и закрепление основных сценариев работы за сотрудниками (не менее трёх) <i>Задача 6.</i> Разработка одной системы эффективности цифровой платформы и одной системы мотивации	<i>Задача 1.</i> Разработка одной коммуникационной стратегии цифровой платформы <i>Задача 2.</i> Организация одной системы стратегических коммуникаций бренда цифровой платформы <i>Задача 3.</i> Продвижение платформы среди ключевых акторов рынка путём заключения соглашений и стратегических партнёрств (не менее 20 соглашений в квартал)	<i>Задача 1.</i> Поддержание актуальности контента цифровой платформы и его обновление (не менее одного раза в квартал) <i>Задача 2.</i> Нарастивание объёма уникальных пользователей (не менее 15 уникальных пользователей в месяц)

2.3. Создание брендов одежды, работающих в среднем ценовом сегменте

Временная приостановка деятельности, закрытие магазинов, полное сворачивание хозяйственных операций, разрыв контрактов о долгосрочной аренде весной 2022 г. стали объективной реальностью для индустрии отечественной моды. Нарушились логистические цепочки, остановилась доставка товаров, изменились валютные риски и остановились международные банковские расчёты. Не только западные или японские бренды одежды приостановили свою деятельность или временно ушли с отечественного рынка, интернет-магазины модели брендов предметов роскоши (Net-a-porter) и быстрой моды (ASOS, Shein, Bohoo) также приняли стратегическое решение завершить своё функционирование. Известные зарубежные предприятия разорвали стратегическое партнёрство с Россией. Например, Adidas приостановил сотрудничество с Российским футбольным союзом. По договору технического спонсорства Adidas до 2026 г. имел право быть эксклюзивным экипировщиком команд, а также исполнителем крупных социальных проектов⁶. Уход зарубежных брендов с отечественного рынка открывает значительные стратегические возможности для российских предприятий: ниша в размере 200 млрд рублей остаётся свободной, а потребительский спрос – неудовлетворённым (табл. 4).

⁶ Adidas и РФС объявляют о продлении долгосрочного партнёрства. URL: <https://rfs.ru/news/214232> (дата обращения: 21.09.2022).

Таблица 4

Основные зарубежные бренды индустрии моды и их стратегические решения после начала Россией специальной военной операции (составлено автором)

Название компании	Стратегическое решение			
	Временное закрытие магазинов и прекращение операционной деятельности	Полный уход с отечественного рынка без распро-дажи товарных остатков	Полный уход с отечественного рынка с времен-ной распродажей товарных остатков	Продажа отече-ственного филиала головной организации российскому или иному партнёру
Группа компаний LVMH	X			
» » Burberry	X			
» » Inditex	X			X
» » Kering	X			
» » LLP				X
» » Prada	X			
» » PVH	X			
» » Richemont	X			
Adidas	X			
H&M			X	
Levi's		X		X
Mango				X
Nike		X		
Puma	X			
Reebok				X
Uniqlo			X	
Under Armor		X		
Victoria's Secret		X		

По данным табл. 4, российский потребитель наиболее пострадал от ухода брендов низкого и среднего ценового сегментов. В России нет бренда одежды, который может работать по модели бренда быстрой моды: создание актуальных коллекций и их обновление в розничном магазине в течение короткого периода. Например, два раза в неделю обновляется ассортиментная матрица у бренда ZARA испанского конгломерата Inditex Group. По данным информационного агентства «Интерфакс», «доля российского подразделения в общем объеме операционной прибыли Inditex составляет 8,5 %»⁷.

Нами предложен стратегический приоритет по созданию бренда одежды, работающего в среднем ценовом сегменте (табл. 5).

⁷ Владелец бренда Zara приостанавливает работу в РФ, обещает поддержку 9 тысяч местных сотрудников. URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/vladelec-brenda-zara-priostanavlivaet-rabotu-v-rf-obeshchaet-podderzhku-9-tys-mestnyh-sotrudnikov> (дата обращения: 21.09.2022).

Взаимосвязь стратегического приоритета, целей и задач (составлено автором)

Приоритет №1: создание брендов одежды, работающих в среднем ценовом сегменте		
<i>Конкурентное преимущество:</i> наличие карты предприятий лёгкой промышленности и индустрии моды		
<i>Цель 1.</i> Создание и распространение коммерческих коллекций	<i>Цель 2.</i> Развитие разносторонних каналов продаж	<i>Цель 3.</i> Разработка коммуникационной стратегии
<i>Задача 1.</i> Организация одного производства замкнутого цикла: дизайн – конструирование – производство – сбыт	<i>Задача 1.</i> Создание одной продающей цифровой платформы <i>Задача 2.</i> Создание одной CRM-системы (система управления взаимоотношениями с клиентами) <i>Задача 3.</i> Интеграция в имеющиеся цифровые платформы крупных акторов электронной коммерции (минимум три) <i>Задача 4.</i> Создание продающих страниц в социальных сетях (минимум две) <i>Задача 5.</i> Открытие одной розничной студии продаж	<i>Задача 1.</i> Создание одной продающей цифровой платформы <i>Задача 2.</i> Создание одной CRM-системы (система управления взаимоотношениями с клиентами)

Заключение

Лёгкая промышленность как важная отрасль народного хозяйства на протяжении длительного периода была недооценена в России. С учётом крупных геополитических изменений, санкций, перераспределения рыночных долей акторов, неиспользованного потенциала индустрия моды может совершить серьёзный прорыв с мультипликационным эффектом для других сфер экономики. Для трансформации лёгкой промышленности и индустрии моды предложены стратегические приоритеты, учитывающие влияние глобальных, региональных и национальных трендов. Цифровая платформа как система поддержки решений может наладить непрерывный трансфер знаний, центр трансфера технологий – сформировать кооперацию нового типа, а сильный национальный бренд – удовлетворить потребительский спрос.

Список литературы

1. Жукова, Е. В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире / Е. В. Жукова // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2021. – № 6 (120). – С. 68–82. – DOI: 10.21686/2413–2829–2021–6–68–82.
2. Квинт, В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке / В. Л. Квинт. – М.: Бизнес Атлас, 2012. – 627 с.
3. Квинт, В. Л. Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. – 2-е изд. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2020. – 170 с.
4. Квинт, В. Л. Авангардные технологии в процессе стратегирования / В. Л. Квинт, А. С. Хворостяная, Н. И. Сасаев // Экономика и управление. – 2020. – Т. 26, № 11. – С. 1170–1179. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>.

5. *Мажорина, М. В.* ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» / М. В. Мажорина // *Actual Problems of Russian Law*. – 2021. – №12 (133). – DOI: 10.17803/1994–1471.2021.133.12.185–198.
6. *Макаров, И. Н.* Зелёный менеджмент в условиях смены технологических укладов и декарбонизации производственных систем / И. Н. Макаров, М. И. Шепелев, В. С. Кондауров, В. С. Назаренко // *Вопросы инновационной экономики*. – 2021. – № 4. – С. 1879–1892. – DOI: 10.18334/vines. 11.4.114014.
7. *Новикова, И. В.* Конкурентные преимущества трудовых ресурсов как условие реализации стратегических возможностей промышленности / И. В. Новикова // *Проблемы и перспективы развития промышленности России: сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 марта 2021 года*. – М.: Общ-во с огранич. отв. «Русайнс», 2021. – С. 276–279.
8. *Новикова, И. В.* Стратегирование зеленых навыков для развития циркулирующей экономики / И. В. Новикова // *Проблемы и перспективы развития промышленности России: сб. материалов X междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 ноября 2021 г. / под ред. А. В. Быстрова*. – М.: Общ-во с огранич. отв. «Русайнс», 2022. – С. 226–230.
9. *Новикова, И. В.* Стратегический лидер в цифровой экономике: роль, качества и характеристики / И. В. Новикова // *Социально-трудовые исследования*. – 2021. – № 4(45). – С. 150–160. – DOI 10.34022/2658-3712-2021-45-4-150-160.
10. *Соколова, Н. А.* Соотношение целей устойчивого развития и esg-принципов / Н. А. Соколова, Э. С. Теймуров // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2021. – № 12(88). – С. 171–183. – DOI: 10.17803/2311–5998.2021.88.12.171–183.
11. *Хворостяная, А. С.* Стратегирование индустрии моды: теория и практика / А. С. Хворостяная. – СПб.: Северо-Западный ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2021. – 272 с.
12. *Хворостяная, А. С.* Зарубежная практика ESG-стратегирования легкой промышленности и индустрии моды / А. С. Хворостяная // *Креативная экономика*. – 2022. – Т. 16, № 5. – С. 1863–1878. – DOI: 10.18334/ce.16.5.114637.
13. Bernardos A. M., Corredera R. C. (2009). Critical Factors for Success in University-Industry Research Projects. *Technology Analysis & Strategic Management*. 21(5):599–616. [https://DOI.org/10.1080/09537320902969133](https://doi.org/10.1080/09537320902969133).
14. Earnshaw R. (2017). *Technology Transfer for the Creative Industries and Wider Industrial Applications*. / Springer Briefs in Computer Science. – Switzerland: Springer Nature. 103 p.
15. Garcia A-C., Piza M., Gomez F. (2018). Financing Tech-Transfer and Innovation: An Application to the Creative Industries. In: Santamarina-Campos V., Segarra-Oña M. (eds) *Drones and the Creative Industry*. Springer, Cham: 59–67.
16. Keller, R., Ravi R. Chinta. (1990). International Technology Transfer: Strategies for Success. *The Executive*, 4(2), 33–43.
17. Kvint V. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. Routledge. NY London, Sydney. 520 p.
18. Mardini G.H. (2022). ESG Factors and Corporate Financial Performance // *International Journal of Managerial and Financial Accounting*. DOI: 10.1504/IJM- FA.2022.10045742.
19. Pizzutilo F. (2021). Is ESG-ness the vaccine? // *Applied Economics Letters*. DOI: 10.1080/13504851.2021.1994124.
20. Thind R. (2017). *Strategic Fashion Management: Concepts, Models and Strategies for Competitive Advantage*. 10.4324/9781315160344.

References

1. Zhukova E. V. Osnovnye tendencii razvitiya ESG-povestki: obzor v Rossii i v mire [The main trends in the development of the ESG agenda: an overview in Russia and in the world]. Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021; 6(120): 68–82. DOI: 10.21686/2413–2829–2021–6–68–82. (In Russ.)
2. Kvint V. L. (2012) Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke [Strategic management and economy in the global emerging market]. M.: Business Atlas. 626 p.
3. Kvint V. L. (2021) Konceptiya strategirovaniya [The concept of strategizing]. – 2nd ed. – Kemerovo: Kemerovo State University. 170 p. (In Russ.)
4. Kvint V. L., Khvorostyanaya A. S., Sasaev N. I. Avangardnye tekhnologii v processe strategirovaniya [Advanced technologies in strategizing]. Economics and Management. 2020;26(11): 1170–1179. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>. (In Russ.)
5. Mazhorina M. V. ESG-principy v mezhdunarodnom biznese i «ustojchivye kontrakty» [Esg-principles in international business and “sustainable contracts”] // Actual Problems of Russian Law. 2021; 12(133). DOI: 10.17803/1994–1471.2021.133.12.185–198.
6. Makarov I. N., Shepelev M. I., Kondaurov V. S., Nazarenko V. S. Zelenyj menedzhment v usloviyah smeny tekhnologicheskikh ukладov i dekarbonizacii proizvodstvennykh system [Green management in conditions of changing technological patterns and decarbonization of production systems] // Issues of innovative economy. 2021; 4: 1879-1892. DOI: 10.18334/vinec. 11.4.114014.
7. Novikova I. V. Konkurentnye preimushchestva trudovykh resursov kak uslovie realizacii strategicheskikh vozmozhnostej promyshlennosti [Competitive advantages of labor resources as a condition for the implementation of strategic industrial opportunities] // Problems and prospects of industrial development in Russia: Collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 29, 2021. – Moscow: Rusains Limited Liability Company. 2021; 276–279.
8. Novikova I. V. Strategirovanie zelenykh navykov dlya razvitiya cirkuliruyushchej ekonomiki [Strategizing green skills for the development of a circulating economy] // Problems and prospects for the development of industry in Russia: Collection of materials of the Tenth International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 29, 2021 / Edited by A.V. Bystrov. – Moscow: Rusains Limited Liability Company. 2022; 226–230.
9. Novikova I. V. Strategicheskij lider v cifrovoj ekonomike: rol', kachestva i harakteristiki [Strategic leader in the digital economy: role, qualities and characteristics] // Socio-labor research. 2021; 4(45):150–160. DOI 10.34022/2658-3712-2021-45-4-150-160.
10. Sokolova N. A., Teymurov E. S. Sootnoshenie celej ustojchivogo razvitiya i esg-principov [Correlation of sustainable development goals and esg principles]. Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSU). 2021; 12(88):171-183. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171–183.
11. Khvorostyanaya A. S. (2021) Strategirovanie industrii mody: teoriya i praktika [Strategizing the fashion industry: theory and practice]. – St. Petersburg: North-Western Institute of Management – branch of RANEPa. 272 p. (Strategist Library).
12. Khvorostyanaya A. S. Zarubezhnaya praktika ESG-strategirovaniya legkoj promyshlennosti i industrii mody [Foreign practice of ESG-strategizing of light industry and fashion industry]. Creative economy. 2022; 16(5):1863–1878. DOI 10.18334/ce.16.5.114637.
13. Bernardos A. M., Corredera R. C. (2009) Critical Factors for Success in University-Industry Research Projects. Technology Analysis & Strategic Management, 21(5):599–616. <https://DOI.org/10.1080/09537320902969133>

14. Earnshaw R. (2017) *Technology Transfer for the Creative Industries and Wider Industrial Applications*. Springer Briefs in Computer Science. Switzerland: Springer Nature, 103 p.
15. Garcia A-C., Piza M., Gomez F. (2018) *Financing Tech-Transfer and Innovation: An Application to the Creative Industries*. In: Santamarina-Campos V., Segarra-Oña M. (eds) *Drones and the Creative Industry*. Springer, Cham: 59–67.
16. Keller, R., Ravi R. Chinta. (1990) *International Technology Transfer: Strategies for Success*. *The Executive*, 4(2):33–43.
17. Kvint V. (2015) *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. Routledge. NY London, Sydney. 520 p.
18. Mardini G. H. (2022) *ESG Factors and Corporate Financial Performance* // *International Journal of Managerial and Financial Accounting*. DOI: 10.1504/IJM- FA.2022.10045742.
19. Pizzutilo F. (2021) *Is ESG-ness the vaccine?* // *Applied Economics Letters*. DOI: 10.1080/13504851.2021.1994124.
20. Thind R. (2017) *Strategic Fashion Management: Concepts, Models and Strategies for Competitive Advantage*. 10.4324/9781315160344.

A. S. Khvorostyanaya⁸. Strategizing the Sovereignty of Domestic Brands of Light Industry and the Fashion Industry. A strategic analysis of the development of the domestic light industry and the fashion industry has been carried out. The article is based on the theory and methodology of strategizing developed and tested by the Center for Strategic Studies IMISS MSU, CEMI RAS, the Department of Economic and Financial Strategy of the MSE MSU, the Department of Strategy for Regional and Sectoral Development of the KemSU, the Department of Industrial Strategy of the National University of Science and Technology “MISIS” under the supervision of V. L. Kvint. The author proposes a system of strategic priorities aimed at strengthening the role of the industry in the economy, creating a federal technology transfer center for light industry and the fashion industry, a digital platform for the industry transfer of knowledge and experience, as well as clothing brands operating in the middle price segment. It is shown that the digital platform as a tool of the decision support system can establish a continuous transfer of knowledge and practical experience, and the technology transfer center can form a new type of cooperation chain for the development of the domestic market.

Keywords: light industry, fashion industry, strategic priority, technology transfer, technology transfer center.

⁸ *Anna S. Khvorostyanaya*, Leading Researcher at the Center for Strategic Studies Institute of Mathematical Studies of Complex Systems of Lomonosov Moscow State University, Lecturer of the Department of Economic and Financial Strategy at Lomonosov MSE MSU (1/61 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: Khvorostyanayaas@gmail.com

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-163-171

С. А. Щёголева¹, А. А. Белецкий², С. Б. Савранский³

WMS-СИСТЕМА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СКЛАДСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Трансформация предпочтений современных потребителей в части доставки товаров требует детального анализа логистической системы и разработки с внедрением инновационных технологий для развития стратегических преимуществ. Современные тенденции в сфере технологического обеспечения предприятий требуют внедрения инновационных технологий не только в процессы производства, но и в организацию доставки товара конечному потребителю, в том числе необходима оптимизация деятельности складских комплексов. Актуализирована необходимость автоматизации складов: внедрение различных систем управления складами, которые часто обозначают аббревиатурой WMS – Warehouse Management System. При принятии решения об использовании на складе конкретной системы управления крайне важно понять, какие типы WMS используются сегодня в практике управления складами и какие проблемы придётся решать менеджерам компании при адаптации и использовании системы. По результатам исследования сделан вывод, что отраслевое развитие логистических услуг должно соответствовать инновационным системам управления складами (WMS) с учётом детерминированного фактора времени.

Ключевые слова: стратегия, инновации, отраслевое стратегирование, логистическая система, информационные технологии, модернизация, автоматизация, складское хозяйство, логистические процессы, WMS-система.

УДК 330.352

Введение

С начала XXI в. в промышленности и управлении предприятиями произошёл настоящий бум в сфере внедрения инновационных технологий. Коснулось это и оснащения складов – неотъемлемого элемента процесса реализации товаров любого вида. Ключевым стратегическим фактором конкурентного преимущества в долгосрочном периоде планирования при данном процессе следует признать время [1]. На россий-

¹ Светлана Анатольевна Щёголева, доцент департамента инноваций Политехнического института Дальневосточного федерального университета (690922, РФ, Приморский край, остров Русский, п. поселок Аякс, 10), канд. физ.-мат. наук, e-mail: schegoleva.sa@dvfu.ru

² Андрей Альфредович Белецкий, доцент департамента инноваций Политехнического института Дальневосточного федерального университета (690922, РФ, Приморский край, остров Русский, п. поселок Аякс, 10), канд. экон. наук, e-mail: 016499@mail.ru

³ Семен Борисович Савранский, студент магистратуры департамента инноваций Политехнического института Дальневосточного федерального университета (690922, РФ, Приморский край, остров Русский, п. поселок Аякс, 10), e-mail: 09vladsem@mail.ru

ском рынке появились компании, предлагающие современное складское оборудование и программные продукты, позволяющие автоматизировать информационные потоки на складе и грузопотоки. В связи с этим прирост складских площадей стал увеличиваться и достиг примерно 10 % в год [2].

Чтобы компании, обеспечивающие реализацию продукции через оптовые и розничные сети, могли эффективно работать в условиях возрастающей конкуренции, им необходимо найти актуальные решения по оптимизации затрат и повышению качества обслуживания клиентов. Современные тенденции в сфере технологического обеспечения предприятий требуют внедрения инновационных технологий не только в процессы производства, но и в организацию дальнейшего перемещения товара, в том числе необходима оптимизация деятельности складских комплексов.

Внедрение инновационных систем автоматизации в складском хозяйстве

Современные складские комплексы требуют решения задач, связанных с возрастающим объёмом грузопереработки, увеличением скорости обработки грузов, комфортностью и точностью складского сервиса. Чтобы обеспечить эти условия на складе, менеджмент должен внедрять инструменты повышения эффективности функционирования склада, которые опосредованно приведут к прибыльности торговых и производственных предприятий. Неслаженная или неконтролируемая работа склада ведёт к необоснованному хранению просроченных или устаревших товаров; неоптимальному расходованию площадей, затрат на избыточное содержание персонала или на пробег недогруженного транспорта; потере клиентов из-за несвоевременного или некачественного обслуживания. Всё это выражается в денежных потерях как для склада хранения, так и для грузовладельца. Самое эффективное решение данных задач – внедрение системы автоматизации склада [3].

Однако, далеко не все компании чётко представляют, как осуществлять автоматизацию складского хозяйства. Нередко это относится даже к организациям, в которых склад является одной из ключевых точек производственного процесса [4]. Возникает задача поиска решения и концепции для полной и правильной автоматизации складского хозяйства.

Для решения поставленной задачи необходимо проанализировать, в чём состоит преимущество нового или усовершенствованного продукта, услуги или процесса складирования товара и его сбыта; как именно улучшенные технологии и услуги производственного характера способствуют рациональному распределению товарных запасов и их реализации.

Складские инновации – нововведения, направленные на рациональное размещение товаров на складских площадях, их перемещение и переработку, оптимизацию складских ресурсов и запасов (в том числе при хранении) [5].

На рынке программных продуктов существует множество специальных программ для оптимизации складского учёта и всех складских операций. Например, WMS (Warehouse Management System) – система управления товарно-материальными ценностями в режиме реального времени на складах и в хранилищах предприятий. Данная система разработана в целях получения точной и своевременной информации о местонахождении товара на складе, заблаговременного выявления товаров с ограниченным сроком годности, эффективного управления персоналом и оптимизации всех видов складских процессов.

Характерным признаком работы WMS-системы стало введение на складе адресации. Для этого пространство склада делится на зоны в соответствии с выбранными

признаками конкретных наименований товаров, в каждой зоне палето-местам присваивается индивидуальный код, и данное место называется ячейкой. Благодаря такому подходу получается карта склада с адресным хранением, позволяющая все необходимые действия внутри склада выполнять с указанием определённой ячейки. Кроме этого, введение в систему реальных размеров и характеристик склада даёт возможность просматривать его в 2D- и 3D- режимах.

Традиционно на складах применялась бумажная основа для фиксации распределения товаров между ячейками. Данный способ устарел, кроме того, он трудоёмок и нерационален. В наше время используется «терминал сбора данных» – специальный инструмент, связанный с центральной системой по беспроводной сети. Он же может выдавать штрих-код на липкой ленте для маркировки ячеек и товаров, что избавляет от необходимости маркировать их вручную. Штрих-коды необходимо использовать везде – на товарах, на палетах, на этикетках ячеек. Чтобы подтвердить любые свои действия – какой товар был взят? откуда? куда перемещён? – сотрудник должен просто нажать кнопку и просканировать штрих-код с помощью лазера.

Системы складского хранения способны учитывать всё многообразие параметров товаров, влияющих на условия их хранения и реализации (температурный режим, влажность, сроки годности, производители, поставщики, правила совместимости и т. д.). Проанализировав заданные свойства товара, система автоматически указывает соответствующее ему палето-место. После этого система формирует инструкцию для работников склада, в которой указано, как и где поместить данный товар. Инструкции выглядят на экранах радиотерминалов как поэтапные команды для каждого работника. Усложнённые складские системы могут даже показывать оптимальные маршруты перемещения на территории складского комплекса, если размеры склада настолько велики, что это актуально для экономии времени и средств. Система может формировать отчёты для руководства: для инвентаризации, отслеживания остатков, нахождения наиболее прибыльных и популярных товаров, формирования себестоимости хранения товаров и т. д.

Смысл внедрения WMS-систем – объединение технологии штрих-кодирования, радиотерминалов, сканеров, складского и транспортно-погрузочного оборудования, производственных процессов и персонала в слаженно работающий комплекс, эффективно взаимодействующий со всеми бизнес-процессами в пределах единого логистического цикла.

Перечислим типичные функции WMS-систем:

- 1) детализированный аналитический учёт товара в разрезе мест хранения;
- 2) автоматическое планирование и отражение в системе основных складских операций (приёмка и обработка товара, размещение, инвентаризация, отгрузка) с предложением оптимальных сценариев их реализации;
- 3) использование на складе специального оборудования, позволяющего учитывать в системе все перемещения товаров в режиме реального времени и своевременно реагировать на отклонения в исполнении техпроцесса;
- 4) автоматическое планирование и отражение в системе процедур подготовки товара к отправке согласно требованиям покупателей: маркировка, расчёт тары, упаковка, формирование комплектов и т. д.;
- 5) управление работой персонала склада, разбиение сложных задач на ряд подзадач, нормирование и контроль производительности;
- 6) формирование развёрнутой отчётности по остаткам, товародвижению, загруженности склада и персонала [6].

Процессы разработки дизайн-проекта, конфигурации решения под требования склада и внедрения WMS-системы очень трудоёмки и требуют знаний о складской деятельности определённого предприятия как от начальства склада, так и от разработчика WMS-системы. Предприятие может само выбрать WMS-систему для внедрения на складах или пригласить для этого опытного специалиста. В любом случае следует знать, каким требованиям должна удовлетворять система, чтобы вложенные в неё средства не были потрачены впустую и позволили складу работать наиболее эффективно. Здесь выделяют целый ряд устоявшихся требований, среди которых включённость в данную систему всех основных процессов управления складом, а также её безопасность и надёжность. Второе из названных требований предполагает наличие средств защиты от несанкционированного доступа к информации посторонних лиц (конфиденциальность информации).

Внедрение WMS-системы требует проведения исчерпывающей категоризации товаров и грузов, оборот которых происходит на складе (для этого могут применяться различные методы, например, ABC- или XYZ-анализ). Необходимо провести инвентаризацию товарных остатков на складе. Должны быть обеспечены межсистемная интеграция WMS-системы с действующими на складе программными продуктами, внедрение шлюза с корпоративной системой «1С» и другими программами. Затем проводят удалённое межсистемное тестирование, которое включает в себя различные виды тестов: нагрузочные, пропускной способности, эмуляции заказов и др. После подготовительного этапа осуществляют внедрение складского оборудования, тестирование программы, проверку качества межсистемных шлюзов, запуск системы в коммерческую эксплуатацию.

На завершающем этапе проводят полный курс обучения персонала склада для максимально эффективного применения системы с минимальными трудозатратами. В результате происходит снижение психологической нагрузки на персонал. Это особенно важно, так как мало кто из работников способен в течение рабочего дня сохранять неизменно высокое внимание к технологическим операциям. WMS-система берёт эти обязанности на себя, разгружая и упрощая деятельность сотрудников склада.

Преимущества WMS-системы:

- 1) сокращение времени на приём, комплектацию, отгрузку заказов в два раза;
- 2) увеличение точности выполнения заказов до 99 %;
- 3) сокращение численности персонала в два раза;
- 4) значительное снижение расходов, связанных со сроком годности и условиями хранения;
- 5) увеличение ассортимента товара за счёт повышения точности работы;
- 6) возможность управления складом на 4000...10000 палето-мест одним или двумя операторами;
- 7) значительное сокращение расходов, связанных с простоями;
- 8) уменьшение времени на подготовку складского персонала [7].

Рынок WMS-систем предлагает огромное количество различных программ, предназначенных для выполнения разного рода операций. Как правило, у таких программ высокая стоимость, в которую входят покупка или аренда сервера, установка и корректировка программы под конкретный склад (у каждого складского предприятия свои особенности и в таком случае без корректировки не обойтись, у каждого склада своя история внедрения WMS-системы), обучение персонала и т. д.

Процессы, которые автоматизируют WMS-системы, достаточно универсальны: приёмка, размещение, хранение, инвентаризация, подбор, отгрузка, аналитика. А вот

глубина автоматизации, широта функций и гибкость настройки этих процессов могут быть различными. Так как у каждого склада своя специализация, чтобы правильно подобрать WMS-систему для конкретного предприятия, необходимо детально проанализировать все технологические процессы на складе и в других функциональных подразделениях предприятия, а также рынок и постараться понять, в каких случаях какая WMS-система оптимальна. Как правило, предприятие способно собственными силами проделать данную работу, не прибегая к помощи опытных специалистов, с целью снизить конечную стоимость работы. Предприятие должно выявить проблемы, для решения которых планируется внедрение системы автоматизации склада, а затем составить список функциональных решений, которые следуют встроить в WMS-систему. После этого можно начинать поиск WMS-системы, максимально удовлетворяющей все потребности конкретного склада.

Итогом работы по первому этапу анализа деятельности склада, выявления проблем и решений являются сформированные и подписанные документы: техническое задание, детальный план и устав проекта, в котором отражается взаимодействие интегратора с заказчиком, детально описываются этапы внедрения системы, управление рисками и проектная команда.

Анализ программных продуктов WMS-систем

Система автоматизации склада, которую планируют закупать или внедрять, должна окупиться за один-полтора года работы. Использование системы принесёт максимальный эффект, если удастся адаптировать её под требования и особенности выполнения основных операций конкретного склада [8].

Наиболее распространёнными программными продуктами для оптимизации складских операций являются «1С-Предприятие 8. Моя бухгалтерия 8» и «1С-Логистика: Управление складом 3.0». Эти программы представляют собой современную отечественную WMS-систему, обеспечивающую организацию адресного хранения, автоматизацию всех складских операций, интеграцию с устройствами считывания штрих-кодов и RFID-меток и со складским оборудованием (весы и конвейерные ленты). Дополнительные модули системы позволяют рассчитать стоимость услуг ответственного хранения, провести ABC-анализ, визуализировать пространство склада в формате 3D, подключить оборудование для работы по технологии Voice-picking и т. д. Система поддерживает работу с различными типами торгового оборудования: принтерами этикеток, сканерами штрих-кода и радиотерминалами сбора данных⁴.

Функционал системы «1С-Логистика: Управление складом 3.0» позволяет оптимизировать процессы и решить основные проблемы, актуальные для складских комплексов:

- 1) оптимизация использования складских площадей при размещении и хранении товара;
- 2) снижение затрат на складское хранение;
- 3) сокращение времени и количества ошибок на обработку складских операций;
- 4) повышение точности и оперативности учёта товара;
- 5) исключение потерь, связанных с критичностью сроков реализации товаров;
- 6) уменьшение затрат на заработную плату складских работников.

⁴ «New retail». Складской рынок России: предварительные итоги III квартала 2020 года: [new-retail]. Режим доступа: URL: https://new-retail.ru/business/skladskoy_rynok_rossii_predvaritelnye_itogi_iii_kvartala_2020_goda5771/

Для создания единого информационного пространства складской и транспортной логистики реализован онлайн-обмен данными с решениями «1С: TMS Логистика. Управление перевозками» и «1С: Транспортная логистика, экспедирование и управление автотранспортом КОПП». 1С: WMS автоматически планирует задачи на погрузку с учётом порядка выгрузки в процессе доставки. Сотрудники транспортных отделов в реальном времени получают информацию о стадиях обработки заданий на складе. В системе возможен учёт одного физического склада. При необходимости работы системы на нескольких складах необходимо создавать несколько информационных баз с возможным обменом дублирующейся информацией [9].

Программа «Solvo.WMS» широко используется в фармацевтической индустрии для автоматизации технологических процессов, поскольку значительно повышает производительность работы и эффективность управления лекарственными препаратами и товарами медицинского назначения. WMS-система позволяет оптимизировать работу с учётом необходимости строго соблюдать сроки и условия хранения лекарств, быстро выполнять подбор и поставку заказов для аптек и госпиталей. По этой причине данная программа подойдёт для складских предприятий, специализирующихся на хранении медицинской продукции.

«UNITY: Управление автоматизированным складом» – решение для управления логистикой автоматизированного склада. Кроме того, решение может использоваться для управления складом в полуавтоматическом режиме, складом с низким уровнем автоматизации или неавтоматизированным складом.

В системе реализованы механизмы взаимодействия с учётными системами предприятия:

- 1С: Управление производственным предприятием 8;
- 1С: Мясокомбинат;
- 1С: ERP Управление предприятием.

Возможна интеграция с другими решениями на платформе 1С: Предприятие.

На рынке существует огромный список WMS-систем, некоторые программы предназначены для конкретных видов бизнеса. Для грамотного выбора функционала системы необходимо правильно определить свои потребности и потребности клиентов, чтобы предоставить своим клиентам лучший сервис.

В топ-10 лучших программных систем управления складом (WMS) в 2022 г., по мнению профессионалов, входят⁵: 1) Oracle NetSuite WMS; 2) Fishbowl Inventory; 3) 3PL Warehouse Manager; 4) Softeon; 5) Infor SCM; 6) HighJump; 7) Manhattan Associates; 8) TECSYS WMS; 9) AstroWMS; 10) LatitudeWMS.

Oracle NetSuite WMS предлагает все необходимые функции, включая беспроводное складирование с гарантией. Если вас беспокоит безопасность, то Manhattan Associates – лучший вариант. Astro WMS будет лучшим, если необходимо добавить в свою систему какую-либо конкретную функциональность.

Внедрение WMS-системы в управление складом – необходимое на современном этапе решение. Но чтобы это работало эффективно, надо подобрать один из имеющихся видов программ и адаптировать его с учётом индивидуальных потребностей предприятия. Понятно, что строительные и продовольственные склады требуют учёта разных функций. На выбор вида WMS-системы влияют: вид деятельности предприятия и

⁵ «XML DATA FEED Парсинг сайтов». Топ-10 лучших программных систем управления складом (WMS) в 2022 году. [xml data feed]. Режим доступа: URL: <https://xmldatafeed.com/top-10-luchshih-programmnyh-sistem-upravleniya-skladom-wms-v-2022-godu/>

складируемых товаров, техническое оснащение склада и его размеры, количество и удалённость складов в комплексе, время и сроки хранения товаров, место склада в логистической цепи предприятия и т. д. Проанализировав все эти параметры, можно выбрать наиболее подходящий для каждого конкретного предприятия тип программы складского учёта.

Выводы

Современные тенденции в сфере технологического обеспечения предприятий требуют внедрения инновационных технологий в организацию хранения и перемещения товаров. Современные складские комплексы отличаются от устаревших возрастающими объёмами грузопереработки, комфортностью и точностью складского сервиса. Чтобы обеспечить эти условия на складе, руководству компаний необходимо внедрять инструменты повышения эффективности функционирования склада [10]. От правильной организации складского хозяйства зависят скорость и качество работы, а следовательно, и прибыльность торговых и производственных предприятий. Собственники складов должны идти в ногу со временем, работать над повышением конкурентоспособности своих предприятий в сложнейшее время нестабильности рынка и WMS-системы.

Список литературы

1. *Квинт, В. Л.* Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. – 2-е изд. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2022. – 170 с. – DOI: 10.21603/978-5-8353-2562-7.
2. *Яковлева, Т. А.* Стратегические приоритеты инновационной трансформации морских грузоперевозок / Т. А. Яковлева, А. А. Белецкий // Экономика промышленности. – 2022. – №1 (15). – С. 58–67. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-1-58-67>
3. *Егорова, К. Д.* Оптимизация складского хозяйства в логистической системе путём внедрения логистических инноваций / К. Д. Егорова, А. С. Платонова // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. – 2019. – С. 198–202. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39550708>
4. *Иванова, Н. В.* Инновации в складской логистике / Н. В. Иванова // Инновации в науке и практике. – 2017. – С. 145–148. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32250760>
5. *Додонов, О. В.* Инновации как основа развития складского и транспортного хозяйства логистической системы / О. В. Додонов, Е. О. Додонова // Перспективы развития транспортного комплекса. – 2017. – С. 224–231. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32631374>
6. *Бодрунов, С. Д.* Современный технологический переход и его социально-экономические последствия / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2(72). – С. 35–43. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-35-43.
7. *Алимурадов, М. К.* Стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов России / М. К. Алимурадов, А. Н. Курбацкий, А. С. Горячева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 97–112. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.6> <http://esc.vscs.ac.ru/article/29014>
8. *Леушина, О. В.* Технологические инновации как инструмент совершенствования складской логистики / О. В. Леушина, Н. А. Лучина // Двадцать шестые апрельские экономические чтения: материалы всероссийской науч.-практ. конф., Омск, 14 апреля 2020 года. – Омск: Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал, 2020. – С. 221–223. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43094720>

9. Сигитова, М. А. Инновации в складской логистике как фактор развития электронной коммерции / М. А. Сигитова, К. В. Филиппова, С. О. Лян // Ученые заметки ТОГУ. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 180–188. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38239428>

10. Белецкий, А. А. Анализ мирового рынка сурими, а также ресурсные ограничения производства в России / А. А. Белецкий // Экономика промышленности. – 2019. – Т. 12, №1. – С. 107–119. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-1-107-119. <https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/710>

References

1. Kvint V. L. (2022) *Kontseptsiya strategirovaniya* [The Concept of Strategizing]. 2nd edition. Kemerovo: Kemerovo State University. 170 p.

2. Yakovleva T. A., Beletskiy A. A. (2022) *Strategicheskiye priority innovatsionnoy transformatsii morskikh gruzoperevozok* [Strategic Priorities of Innovative Transformations of Maritime Transportation]. *Russian Journal of Industrial Economics*, 15(1), pp. 58–67. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-1-58-67>

3. Egorova K. D., Platonova A. S. (2019) *Optimizatsiya skladsnogo khozyaystva v logisticheskoy sisteme putom vnedreniya logisticheskikh innovatsiy* [Optimization of Warehouse Management in the Logistics System Through the Introduction of Logistics Innovations]. In: *Fundamental and Applied Research in the Field of Management, Economy and Trade*, pp. 198–202. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39550708>

4. Ivanova N. V. (2017) *Innovatsii v skladsnogo logistike* [Innovations in Warehouse Logistics]. In *Innovations in Science and Practice*, pp. 145–148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32250760>

5. Dodonov O. V., Dodonova E. O. (2017) *Innovatsii kak osnova razvitiya skladsnogo i transportnogo khozyaystva logisticheskoy sistemy* [Innovations as the Basis for the Development of the Warehouse and Transport Economy of the Logistics System]. In: *Prospects for the Development of the Transport Complex*, pp. 224–231. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32631374>

6. Bodrunov S. D. (2022) *Sovremennyy tekhnologicheskyy perekhod i yego sotsial'no-ekonomicheskkiye posledstviya*. [Modern Technological Shift and Its Socio-Economic Aftermaths]. *Economic Revival of Russia*, 2(72). pp. 35–43. DOI 10.37930/1990-9780-2022-2-72-35-43.

7. Alimuradov M. K., Goryacheva A. S., Kurbatskiy A. N. (2021) *Strategicheskiye priority razvitiya struktury gruzooborota morskikh portov Rossii* [Strategic priorities for the Russian seaports cargo turnover structure development]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14 (4), pp. 97–112. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.6> <http://esc.vsc.ac.ru/article/29014>

8. Leushina, O. V., Luchina N. A. (2020) *Tekhnologicheskkiye innovatsii kak instrument sovershenstvovaniya skladsnogo logistiki*. [Technological Innovations as a Tool for Improving Warehouse Logistics]. In: *Twenty-sixth April Economic Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, April 14 2020*. Omsk: Financial University under the Government of the Russian Federation, Omsk branch. pp. 221–223. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43094720>

9. Sigitova M. A., Filippova K. V., Lyan S. O. (2019) *Innovatsii v skladsnogo logistike kak faktor razvitiya elektronnoy kommersii*. [Innovations in Warehouse Logistics as a Factor in the Development of E-commerce]. *Scientists notes PNU*, Vol. 10, 1, pp. 180–188. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38239428>

10. Beletskiy A. A. (2019) Analiz mirovogo rynka surimi, a takzhe resursnyye ogranicheniya proizvodstva v Rossii [Analysis of the World Surimi Market, as Well as Resource Constraints of Production in Russia]. Russian Journal of Industrial Economics, 12(1), pp. 107–119. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-1-107-119. <https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/710>.

S. A. Shchegoleva⁶, A. A. Beletsky⁷, S. B. Savransky⁸. WMS as a strategic tool for innovative development of storage facilities in Russia. The article is devoted to a detailed analysis of the importance of developing and implementing innovative technologies in warehouse logistics. Modern trends in the field of technological support of enterprises require the introduction of innovative technologies not only in production processes, but also in the organization of the further movement of goods, including the need to optimize the operation of warehouse complexes. For this purpose, warehouse automation is required, namely the introduction of various warehouse management systems, which are often abbreviated as WMS - Warehouse Management System. When deciding whether to use a particular management system in a warehouse, it is extremely important to understand what types of WMS are used today in warehouse management practice, and what problems company managers will have to solve when adapting and using the system.

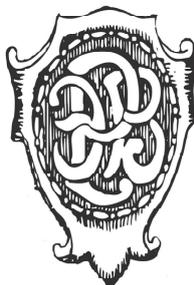
Keywords: strategy, innovation, industry strategy, logistics system, information technology, modernization, automation, warehousing, logistics processes, WMS-system.

⁶ Svetlana A. Shchegoleva, Associate Professor of the Innovation Department of the Polytechnic Institute of the Far Eastern Federal University (Primorsky Territory, Russky Island, settlement Ayaks, 10, 690922, Russia), Candidate of Physical and Mathematical Sciences, e-mail: schegoleva.sa@dvfu.ru

⁷ Andrey A. Beletsky, PhD. (Econ.), Associate Professor of the Innovation Department of the Polytechnic Institute of the Far Eastern Federal University, (Primorsky Territory, Russky Island, settlement Ayaks, 10, 690922, Russia), e-mail: 016499@mail.ru

⁸ Semyon B. Savransky, Master's student of the Department of Innovations of the Polytechnic Institute of the Far Eastern Federal University (Primorsky Krai, Russky Island, settlement Ayaks, 10, 690922, Russia), e-mail: 09vladsem@mail.ru

TM

**ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»
В ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ ПЕРЕЧНЯ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ
НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ ВАК**

В декабре 2022 г. Высшая аттестационная комиссия опубликовала Категорирование Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и учёной степени доктора наук.

Перечень разбит на три категории: К1, К2, К3.

Журнал «Экономическое возрождение России» (в перечне №2513) включён в высшую – первую категорию Перечня.

Журнал «Экономическое возрождение России» отражает весь спектр исследований, ведущихся в Институте нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте. Основная направленность статей – актуальные проблемы экономического развития России, в первую очередь развитие наукоёмких и высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности и обоснование промышленной политики на различных уровнях управления.

Публикуемые в журнале статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ) и CyberLeninka.

В соответствии с решением Учёного совета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова журнал включён в перечень рекомендуемых научных изданий для публикаций статей научных сотрудников университета.

Сайт журнала: www.e-v-r.ru

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; учёная степень; должность; организация, которую представляет автор и её адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объём статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. **Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Непубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удалённого доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведённые в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

**Рукописи, не соответствующие данным требованиям,
возвращаются авторам!**

Плата за публикацию статей не взимается.
Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Приём статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru